

ДЖЕЙД ДЭВЛИН

БЕРАНИКА.
МЕДВЕЖЬЕ СЧАСТЬЕ

Annotation

Ради жизни внучки пойдешь на все, к тому же оплата — спасение других детей. Мир чужой, опыт свой, тело молодое — справимся! Тем более у врага мужа есть честь, совесть... и мало ли еще какие чувства к красивой девушке?

В тексте есть: сильная героиня, любовь и долг, дети в опасности

- [Джейд Дэвлин](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Эпилог](#)
-

Джейд Дэвлин
Бераника. Медвежье счастье

Глава 1

11 мая 2001 г. Ближнее Подмосковье

— Баб Ника! Баба Ни-ика! Да баба Ника же!!!

— Ну чего орешь-то? — статная, высокая, жилистая и еще очень крепкая старуха с повязанными короной вокруг головы седыми косами вышла из теплицы и бросила недовольный взгляд на соседскую дочку, которая колотилась в огородную калитку позади участка и во весь голос звала хозяйку.

— Баб Ника! — с укором и возмущением выпалила загорелая голенастая девчонка. — Баб Ника, вы опять забыли за телефон заплатить?

— Да ничего я не забыла, ишь, забывчивую нашла, — Вероника Андреевна быстро ополоснула руки под уличным рукомойником и, вытирая их чистым и отглаженным льняным полотенцем, поинтересовалась: — Так чего блажила? Или позвонить надо? Ваш не работает? Не колотись в калитку-то, там вон петля между досками, руку протяни, дерни за веревочку, дверь и откроется.

— Да некогда! — девчонка сердито сдула соломенную прядку со лба. — Бегите в дом, баб Ника, там ваши звонят и дозвониться не могут! Никуша в больницу попала... что-то серьезное.

— Так чего ты мне голову морочишь столько времени! — всплеснула руками старуха. — Сразу и говорила бы!

Возмущенного и обиженного фыркания она уже не услышала — подхватила и совсем молодой еще, шустрой рысцой направилась через просторный двор к дому.

Через два часа такси остановилось в районе Якиманки, и выбравшаяся с заднего сиденья Вероника Андреевна быстро пошла к приемному отделению Морозовской детской городской больницы.

Там она долго не задержалась, и, хотя время приема посетителей еще не наступило, решительную и сумрачную старуху с тяжелым взглядом почти без препирательств пропустили в неврологическое отделение. Сначала к главврачу, а потом и к праправнучке. Медсестра проводила ее до нужного коридора, указала на дверь возле окна и ушла.

Баба Ника на секунду приостановилась, прикрыла глаза и

постаралась перевести дух. Потом вынула из сумки белоснежный платок с промереженными уголками и вытерла лицо. Мельком глянула на свое отражение в стеклянной двери, сердито сдвинула брови.

«Чего встала, старая? От твоей трусости дело не поправится. Взяла и пошла!»

В коридоре было пусто, двери палат плотно закрыты, и только та самая, последняя в ряду, возле окна, немного отошла от косяка. Вероника Андреевна подошла и невольно прислушалась.

Разговор велся на повышенных тонах. Мужской голос с неприятными истерическими нотками заполнял палату, почти заглушая невнятные тихие всхлипывания.

— Не говори глупостей, ты совсем дура?! Ты хоть понимаешь, что это за диагноз?! Это уже не ребенок, это все равно что труп! Заткнись! У нас ипотека и кредит на машину, забыла? Если ты сейчас не выйдешь из декрета в свой банк, а начнешь еще и мои деньги на содержание безнадёжной инвалидки тратить, мы в долгах как в шелках запутаемся, понимаешь ты это куриным своим мозгом, нет?! Я сказал, подпишешь отказ, и пусть забирают в интернат, в детдом для уродов, куда там такое принимают... ЗАТКНИСЬ! Ты понимаешь, что такое — эта болезнь?! Это приговор с отсрочкой — медленная казнь! Забеременеешь и родишь нового! Но чтоб все анализы сдала заранее, поняла, тварь порченная?! Что «нет»?! Что «нет»?! Я сказал, подпишешь! А попробуешь дернуться — я тебя сам выкину на улицу, идиотку, вместе с твоим отродьем, подыхайте под забором!

Из палаты вдруг раздался звук пощечины и чуть более громкий вскрик, перешедший в рыдание, и Вероника Андреевна почувствовала, как этот звук словно по волшебству разбил ледяное оцепенение, которое охватило ее возле этой аккуратно покрашенной в белый цвет двери с вставкой из рифленого стекла.

Огненным валом по враз ослабевшему телу прокатилась ярость, выжигая противную дрожь. И уже в следующую секунду жилистая старуха как щенка за шкурку подняла и отбросила к стене хлипковатого «менеджера» в модных очках без оправы и дорогом офисном костюме.

Только мельком глянув на правнучку, испуганно сжавшуюся у кровати с ребенком, Вероника Андреевна перевела тяжелый взгляд на зятя. Узкая в кости, жилистая, все еще не по возрасту сильная старуха легко удерживала ошалевшего от такого напора мужчину у стены, а

когда он встретился с ней глазами, ругательства застряли у него в горле и вместо возмущенного вопля из него вырвался слабый сип.

— Слушай меня, слизняк, — тихо сказала старая женщина, а у ее недобровольного собеседника отчего-то холодок побежал вдоль спины. — Сейчас ты выйдешь отсюда и навсегда забудешь, как зовут мою правнучку. Ипотека эта ваша на ее имя оформлена, как и кредит на машину. А потому собирай манатки, и чтобы духу твоего не было. Молчи!

Баба Ника легко, как куклу, встряхнула дернувшегося и попытавшегося что-то вякнуть мужчину.

— Только попробуй, тля поганая, лапы свои протянуть к моей правнучке и ребенку. Только попробуй им еще хоть каплю беспокойства доставить, — ледяной взгляд буквально пригвоздил бывшего уже зятя к свежей штукатурке. — Раздавлю как таракана. И никакая милиция тебя не защитит. А посадят за убийство — так и не жалко, я на этом свете почти сто лет прожила и ничего уже не боюсь! Сейчас выйдешь отсюда, погань двубортная, и пойдешь в ЗАГС. Заявление на развод подашь. Без материальных претензий. И отказ от отцовства. Если, конечно, жить еще хочешь... Пшел!

Увесистый пинок придал недавнему родственнику скорости, и он едва не открыл дверь собственной головой. В последний момент успел руки вперед выставить, вылетел из палаты как пробка. И припустил по коридору, не оглядываясь.

Проклятая бабка напугала его едва не до мокрых штанов. В бледно-голубых, выцветших от возраста глазах он ясно увидел — не врет. У этой падлы, которой уже лет двадцать на кладбище прогулы ставят, хватит и сил, и решимости. Сядет за убийство, старая гадина, и бровью не шевельнет. Да к черту эту проклятую семейку! К черту! Пусть сами с инвалидом возятся, а квартира и машина... недостроенная однушка у черта на рогах и паршивая девятка с пробегом — невелика потеря! Он своей зарплаты и не вкладывал, на отдельном счету держал... Просчиталась бабка, у него там денег достаточно, чтобы он не захотел их при разводе делить. И зарплата хорошая, белая. А алиментов эти идиоты теперь точно не потребуют. Ну и кобыла с воза...

Под эти успокаивающие и восстанавливающие треснувшую самооценку мысли молодой менеджер среднего звена навсегда покинул Морозовскую больницу, даже самому себе не признаваясь, что

смертельный ужас, глянувший на него из льдистых старческих глаз, теперь надолго останется его тайным кошмаром.

— Тш-ш-ш, моя донюшка... поплачь, детка, поплачь. И слава богу, что никчемук этот, прости господи, сейчас нутро свое гнилое показал, а не когда поздно стало... а сейчас не поздно, ну что ты, маленькая. Все хорошо будет! Разве бабушка тебя когда обманывала? Я у главврача все о диагнозе Никушином узнала и про будущее поговорила. Есть уже лечение, а что за границей и очень дорого — не беда. Сегодня же позвоню Адам Израиличу, он давно дом купить хотел. И квартиру московскую мою продадим. Мне на старости и комната в коммуналке сгодится, зато денег хватит. А что дом? Что прадед? Всю жизнь строили? Я раньше ни за какие деньги не хотела продавать? То раньше было. И прадед твой, если бы жив был, на месте б слизня этого очкастого раздавил, а дом сам бы первый продал. Ну все, Настюшка, не реви. Ребенок проснется скоро, ей мама отдохнувшая и веселая нужна. Ложись поспи, я подежурю... А завтра и родители твои из своей заграницы прилетят, позвонила уже. И дядья с Урала не задержатся — надо проследить, чтоб обмылок этот все по закону сделал в ЗАГСе. Что значит «не надо было беспокоить»? Мы семья. Кровь не водица. Все, спи... спи, маленькая моя... Вот как по полю сон пойдет да баюшечку найдет... колокольца-васильки, спят-то в печке угольки... птички спят, и мышки спят... детки тоже спать хотят...

Вероника Андреевна поправила свою кофту, которой укрыла поверх тонкого больничного покрывала плечи правнучки, и тихонечко погладила девушку по коротко, по нынешней моде, стриженной голове. Хорошая кофта, мягкая, уютная, из очень дорогого импортного кашемира, внуки подарили. Маленькая Настенька в нее любила заворачиваться. «Баба, тобой пахнет! Буду в ней спать!»

Спи, птенчик... Баба подежурит, поухаживает.

Вероника Андреевна подошла к детской кроватке в другом углу палаты и склонилась над спящей праправнучкой. Острая игла боли вонзилась в бок — почему так несправедливо, Господи? За что дету невинному муки такие? Она, старуха, уже под сто лет, все живет и живет, здоровье всем на зависть, даже с телевидения приезжали, передачу снимали о ней как о феномене. А зачем ей тот феномен? Зачем жить? Отжила уже свое бывшая дворянская дочь,

«контрреволюционный элемент», ссыльная поселенка, жена колхозного тракториста, мать, бабушка, прабабушка.

«Да забрал бы кто все то здоровье, что осталось, — с тоской подумала старая женщина, бессильно опираясь лбом о сложенные на спинку кровати сильные морщинистые руки. — Все б ребенку отдала, ни секунды бы не пожалела...»

— Ишь, хитрая! — раздался незнакомый скрипучий и высокий, мультяшный какой-то, голосок в темноте. — Дай вам боже, что нам негоже! За так даже кошки не родятся, а тебе остаток стариковский на молодую жизнь поменять? А не много хочешь?

— Ты кто? — Вероника Андреевна попыталась открыть глаза, но темнота не исчезла. Только мерзкое хихиканье стало громче и ближе. — Сгинь, сила нечистая!

— Почище некоторых, — обиделся голос, но все равно продолжил после паузы: — Хочеш-шь сделку, старая? Только на моих условиях!

— На каких твоих условиях? — баба Ника уже пришла в себя, как обычно, быстро сориентировалась... попыталась. Когда вокруг темно и не чувствуешь собственного тела — трудное это занятие.

— Твой остаток слишком мал, чтоб за внуку заплатить. Но можешь отработать... жизнь за жизнь. А раз мои условия — то за одного ребенка я четверых возьму!

— Каких еще четверых?! — напряглась Вероника Андреевна. — Ты что предлагаешь, вражина?! Чтоб моей кровинке жизнь другими смертями покупать?!

— Тьфу, дура старая, — снова обиделся голос. — Но принципиальная, надо же. Это хорошо... Значит, так. Спасешь четыре жизни, сбережешь род, вернешь имя и дворянство... а чтоб не обзывалась, еще и пятую жизнь тебе в нагрузку — только ту сама отыщи! Тогда внучка твоя здорова будет. А не справишься... значит, не судьба ей выжить. Согласна?

— Согласна, — без тени сомнения ответила старая женщина. Сон, не сон... чистый, нечистый... какая разница. Она б и наяву согласилась. — Говори, кого спасать.

— А сама увидишь, — захихикал голос. — Разберешься... память я тебе солью. А раз согласна...

И голос вдруг изменился, рывкнув оглушительным басом:

— Договор заключен!

От этого вопля окружающая тьма брызнула осколками, Вероника Андреевна вскрикнула, закрывая несуществующее в пустоте лицо несуществующими руками... и открыла глаза.

Первое, что она увидела, — это свои же руки на фоне незнакомого бревенчатого потолка, потемневшего от времени. И руки эти... вот сила нечистая! Руки были свои, знакомые, но молодые.

Глава 2

Чей-то довольно неприятный голос монотонно выл на одной ноте. От этого звука мысли в голове дробились в мелкую стеклянную крошку, перемешиваясь и норовя сбиться в ком.

Вероника Андреевна зажмурилась и с силой открыла глаза, попытавшись инстинктивно оттолкнуть руками... нечто.

Но под пальцами ощущался только воздух. Вероника Андреевна снова всмотрелась — она уже и забыла, когда на руках не было старческих пятен, морщин, мозолей и старых шрамов. Такие тонкие запястья, нежные пальчики и ровная кожа у нее были очень и очень давно...

От этой мысли противный вой вдруг захлебнулся и смолк, и только тут баба Ника поняла, что выла она сама. Так выла, что теперь болит сорванное горло. Она резко села и тут же поняла, что до этого момента лежала на полу, прямо в луже разлитой воды, и... так. Прекратить истерику!

Горло, из которого попытался снова вырваться знакомый уже сиплый вой, тут же перехватило, и женщина несколько минут мучительно откашливалась, сжимая голову ладонями. Она закусил губу до крови, пытаясь справиться со взорвавшейся в затылке болью. И терпела. Терпела. Терпела...

Потому что вместе с огненными волнами в память вливались все новые и новые знания. Или воспоминания? Неважно.

Детство... родители... старый парк между холмами и гувернантка, мисс Аттвуд... языки, книги и куклы... маменька всегда занята, у них с папенькой гости... надо быть хорошей девочкой, правильно делать книксен, опускать глазки и отвечать на вопросы только тогда, когда спрашивают.

Пансион и стильный дортуар, где семнадцать девчонок стараются заснуть под тонкими вытертыми одеялами... овсянка на завтрак и уроки фортепиано... Мадемуазель Коршевская, девушке в вашем возрасте неприлично так громко смеяться!

Девчачьи сплетни и любопытные взгляды через забор, туда, где по улицам большого города гуляют молодые, холостые, загадочные

существа — мужчины. Весна, острый запах распускающихся листьев на березе у ворот пансиона, неясные желания, мечты, модный роман под подушкой, его дали только на одну ночь, другие пансионеры ждут своей очереди почитать запрещенную классными дамами книжку...

Выпуск. Слезы. Папенька умер, когда она сдавала экзамены, а маменька ей даже не написала.

Первое лето после похорон... Осенний бал дебютанток, жгучий взгляд из-под неровных черных прядей. Качнувшийся под ногами зеркальный паркет и замершее на мгновение сердце...

Граф Аддерли. Вдовец, красавец, душа любой компании, загадочный, неотразимый.

Бальная книжечка, где расписаны танцы и против всех приличий на каждой страничке всего одно имя... Мимолетные встречи у храма, долгие многозначительные взгляды, завистливые шепотки маминых подружек и их дочерей, бал у Валежничей... Первый в жизни бокал вина, горящие щеки и быстрый поцелуй на террасе, за портьерой. Срывающийся шепот и головокружение, счастье и страх.

И вдруг его отъезд — стремительно, без объяснений, ни письма, ни записки. Месяц мучений, тайных слез, маменькиных причитаний, пропущенных балов.

И вот он вернулся! С кольцом! И предложением... Конечно, все плохое мгновенно забыто, тем более что лорд Аддерли, Эдриан, все объяснил! Рассказал только ей, ей одной доверил тайну. О том, что долг позвал его, о том, что некие дела могли нести угрозу невинной девушке, о том, что жизнь его полна опасностей и одиночества и только она может помочь...

Счастливое полубеспамятство до самой свадьбы, венчание, белая карета, солнце в его глазах. И четверо детей, за воспитание которых леди Аддерли теперь отвечает. Это такой сюрприз наутро после брачной ночи, во время которой тоже случилось... не совсем то, чего она ждала, начитавшись дамских романов и наслушавшись невнятных, скомканных и торопливых маменькиных объяснений.

Медовый месяц кончился как-то очень быстро. Муж стал появляться только поздно вечером и то не каждый день. У него очень важные дела, а новая леди Аддерли должна уметь вести дом. И находить общий язык с двумя подростками, не принявшими мачеху, и двумя малышами, с которыми она просто не знает, что делать. Няньки,

гувернантки, требующие распоряжений и вдруг увольняющиеся без предупреждения. И волшебный возлюбленный, недоуменно поднимающий брови за поздним ужином:

«Дорогая, я очень занят. Будь любезна заняться этим сама».

Какие-то непонятные люди, посещающие ваш дом, странные слухи, маменькино письмо, в котором она явно пытается о чем-то предупредить, но о чем? Счета, счета, счета, которые муж вдруг перестал оплачивать и очень сердится на ее робкие попытки напомнить, что гувернантке задолжали жалованье за два месяца, а бакалейщик уже отказался отпускать провизию в долг. Денег сейчас нет! Они все вложены в очень важный проект, надо подождать...

Робкое напоминание о ее приданом и резкая, неожиданная пощечина от внезапно впавшего в бешенство лорда. Да как она смеет упрекать в чем-то мужа?!

Она испугалась... ничего не поняла, пытаясь разгрести с грохотом осыпавшийся вдруг мир вокруг. А муж лишь зло бросил в стену чашку тонкого фарфора и ушел.

Чтобы не вернуться. А еще через день в дом пришли королевские гвардейцы, погрузили ничего не понимающую молодую женщину и едва успевших похватать то, что ближе лежало, детей в простую карету и...

За участие в заговоре против императора лорд Аддерли был приговорен к лишению титула, имущества и ссылке всей семьи за Северный Хребет. Там, за Оседлец-камнем, у прабабки его молодой жены когда-то было поместье, от которого теперь осталась одна заимка на краю Хотимской чащи. Деньги в банке, землю в центральных губерниях, дом в столице — все конфисковали. А старый деревянный сруб и кусок заброшенной неудобницы оставили — в знак особой милости.

Милости... милость — это не казнить сразу, а дать возможность опальному семейству прочувствовать весь ужас медленного умирания. От голода, холода и унижения. Потому что свободно вращавшийся в высших кругах лорд, его выросшие при гувернантках дети и молодая жена, за всю жизнь не державшая в руках ничего тяжелее тонкой иглы для вышивки шелком, оказались совершенно беспомощны и не приспособлены к жизни нищих ссыльнопоселенцев, к тому же пораженных в правах и беззащитных...

Первым не выдержал сильный мужчина. Отец семейства и муж-опора. Недоедание, унижительные процедуры регулярных проверок лояльности, мелкие чиновники, разговаривающие с бывшим лордом через губу. Текущая крыша, бесконечные жалобы детей, их нытье, кашель, слезы. Необходимость работать — работать! На заготовке леса. За жалкую миску каши для семьи и ведро угля. Пренебрежительные взгляды вонючих смердов из соседнего села и, как апофеоз смертной муки, — позорная зуботычина от какого-то околоточного, решившего потешить самолюбие за счет бывшего дворянчика.

Все это оказалось слишком для сильного мужчины. И он... повесился в сарае, оставив жене записку, полную высоких трагичных фраз о том, что чем так жить — лучше и не жить вовсе.

Вероника Андреевна разжала сведенные судорогой зубы и рвано выдохнула. Водопад памяти, вливавшийся в ее мозг с грохотом и болью, стих, превратившись в тоненький ручеек отдельных воспоминаний. Женщина зло дернула головой и смяла в комок лист бумаги, исписанный ровными изящными строчками. Предсмертную записку «мужа», чтоб ему на том свете черти вилами мозги вправили.

Вот так. Не смог он, бедненький, заигравшийся в заговоры романтический герой, пересилить невыносимость бытия и поэтому бросил молодую жену и детей подыхать с голоду самостоятельно.

А она теперь не Вероника Андреевна Вишнеева, по мужу Седлецова, без малого ста лет лет от роду, а Беран Аддерли, двадцати лет, в девичестве Бераника Коршевская. Вдова ссыльного бунтаря, пораженного в правах. Нищая, неблагонадежная, лишенная всех привычных удобств и привилегий, в глуши, среди недоброжелательно настроенных соседей. И ее задача — выжить самой, вытащить четверых чужих детей и... что там голос говорил? Вернуть роду имя и дворянское достоинство, а также еще самой найти и спасти пятую жизнь. Как там говорила мадемуазель Очанси, когда рассматривала криво заштопанный первокурсницей-малявкой чулок? Прэлестно, просто прэлестно!

Глава 3

Самое странное и даже, наверное, смешное, что жизнь этой девочки, в тело которой я попала, очень похожа на мою собственную. Правда, я не вышла замуж за блестящего графа, но вот пансион, первый бал, первая любовь, маменькины тревожные наставления и рухнувший в одночасье мир у меня тоже случились.

Как же давно это было, а помню лучше, чем той памятью, что досталась мне от Бераники.

Вероника Андреевна Вишнеева, мадемуазель Вишнеева, Вишенка — так звали меня соседки по дортуару... Уже война была, Первая мировая. Мы после занятий ходили в госпиталь помогать сестрам милосердия, сматывали при свечах стиранные и прокипяченные бинты до полуночи, а потом стылыми петербургскими улицами под охраной старого истопника Сергеича и классной дамы Анны Леопольдовны бежали в пансион...

А он был поручик Первого Преображенского полка, блестящий гвардеец, раненный в боях под Гродно... Александр Галичев. Саша. Сашенька. И бал был — в Офицерском собрании, куда пригласили старшекурсниц Смольного и выздоравливающих офицеров из госпиталя. Перед отправкой на фронт.

И голова кружилась, и сердце замирало, и первый поцелуй был... и письма с фронта, и обещанная свадьба.

А потом он погиб — застрелили в спину взбунтовавшиеся в окопах солдаты. Это было осенью, в начале октября, и рухнувшее на землю небо навсегда пропиталось запахом дыма от костров, в которых дворники сжигали опавшие листья. Письмо от Сашиного командира тоже упало в костер из моих ослабевших пальцев.

А потом... а потом мир рухнул окончательно. Сошел с ума, превратился в бредовый карнавал страшных масок.

Кто был прав, кто виноват в том революционном октябре, я, ученица последнего курса Смольного института пятнадцатилетняя Ника Вишнеева, не очень понимала — в голове была мешанина девичьих романтических глупостей, мечтаний, грез, романов... но реальность ворвалась в эти розово-облачные райские кущи сожженным письмом,

голодом, холодом, неизвестностью и нешуточной угрозой попасть под толпу пьяной от крови революционной общественности... В те первые дни ужасов и боли в Петрограде было куда больше, чем справедливости. И писем от родителей не было... хотя какие там письма.

Я резко встряхнула головой, прогоняя хоровод воспоминаний, — не ко времени это. Что было, то прошло, и в прежней жизни, и в нынешней. А сейчас надо хотя бы оглядеться. Не планы по спасению чьих-то жизней строить — нет, разобраться в самом простом и необходимом. Где я? Что вокруг происходит именно сию минуту?

Медленно, все еще осторожничая и не веря в новое, молодое тело, я поднялась на ноги. Мокрый пол, с которого я встала, оказался деревянным, сложенным из могучих толстенных половиц. И весьма грязным — словно год не то что не мыли — не подметали нормально.

Взгляд скользнул по обрывкам каких-то бумаг, клубам пыли и чего-то похожего на кошачью шерсть, по другому невнятному мусору... ага. Довольно большая квадратная комната, почти пустая. Стены бревенчатые, между толстыми стволами бывших лесных великанов кое-как проконопачено мхом и чем-то похожим на старую паклю. Два окна прямо передо мной — маленьких и затянутых какой-то неравномерно-прозрачной пленкой.

Слева от меня дверь, судя по тому, что она обшита драной мешковиной для тепла, — на улицу. Справа большая, просто огромная, печь, выступающая из стены давно не беленым кирпичным бастионом, с широко разинутым темным зевом пустой топки. По бокам от нее еще две двери, они должны вести куда-то внутрь... ах да!

Мысленно вызвав на поверхность сознания память Бераники, я еще раз огляделась, теперь более осмысленно. И не выдержала, начала ругаться вслух последними словами.

Вот скажите мне, какие нормальные хозяева, имея кирпичную печь, причем умело поставленную в центре избы, так, чтобы греть сразу три комнаты, будут почти без толку ведрами жечь дорогой уголь в жестяной буржуйке, да еще и воткнут ее чуть ли не у входной двери?!

Пол под железными ножками обуглился, стена за буржуйкой подгорела, потолок закоптился, труба... Боженьки, они дыру прямо над дверью пробили! В толстенной листовнице! И запихнули туда жестяной раструб, кое-как забив оставшиеся щели тряпками. Вандалы!

Нет, хуже. Идиоты!

Я сделала пару шагов, чуть ли не вслепую нашарила березовый чурбак, заменявший в этом доме табуретку, и почти без сил на него рухнула. Как там во внуковом программировании говорилось? «Распаковался очередной архив». То есть новой памяти прилетело.

Бедная девочка... Мне-то в свое время и труднее пришлось, и проще. Труднее — потому что «бывшую эксплуататоршу» и «нетрудовой элемент» отправили в Сибирь не в теплой кибитке с сундуками пусть и наспех, но собранных вещей, а в чем была, в «столыпинском вагоне», где еще почти сотня таких же ехала... и в Нижнем Тагиле поселили нас в промерзлом бараке, а не в добротной избе.

А проще — потому что была я из обедневшей дворянской семьи, в Смольном училась за казенный счет и, в отличие от богатой невесты Бераники, с какого конца печку топить, знала.

Эх... да что вспоминать прошлую жизнь, хватит уже.

Так. Стало быть, это и есть дом на «заимке», то, что осталось от поместья прабабки. До того, как ссыльная семья Аддерли нынешней весной доехала до места своего будущего заключения, здесь уже почти двадцать лет никто не жил. Дом отсырел, дымоход в большой печи то ли забит, то ли где кирпич в трубе обвалился, но топить ее оказалось невозможно, а прочистить они не догадались. Да и не умели.

Они вообще ничего не умели... и не умеют. И учиться не хотят. Справа от печки дверь в детскую, где, укутанные во все тряпье сразу, лежат на кое-как сколоченной из занозистых досок кровати двенадцатилетняя Эмилина, десятилетняя Кристис и маленький Шон, которому всего шесть. Все трое кашляют уже почти месяц и по очереди наливаются болезненным беспомощным жаром. Только на поправку вроде — то ноги промочили, то воды холодной из колодца нахлебались, то вон в последний раз без спросу отправились на рыбалку, в очередной раз поцапавшись с деревенской детворой и на слабо соорудив себе удочки из палок и шелковых ниток... Провалились в тину по пояс, утопили пусть не единственную, но, черт возьми, чертовски дорогую по нынешним временам приличную обувь... А слова мачехи, пытавшейся как-то ограничить их самоубийственные порывы, дети дружно игнорировали.

Во-первых, папенька сказал, что они уже взрослые, во-вторых, она

им не мать, она никто. Папенька ее не слушает, вот и они не станут.

Я покачала головой и вдруг пожалела, что «папенька» их уже сам повесился. Бедную исчезнувшую из этого тела девочку было жалко, а вот взрослого мужика с мозгами трехлетнего инфантила — ни капли. Наоборот, хотелось от души накостылять поганцу кочергой, так, чтобы до морковкина заговенья выбитые зубы пересчитывал, недоумок подколодезный.

Бераника как могла пыталась наладить быт бестолкового семейства. Неумело, через пень колоду... но старалась. А этот идиот не просто не помогал — еще и мешал, без конца шпыняя ее при детях и указывая на то, что благородным господам не пристало шариться по оврагам в поисках хвороста и он не позволит учить этому своих наследников. Экономить уголь ниже их достоинства, и покупать три мешка черной муки вместо одного белой — это для крестьян...

Этот, прости господи, аристократ вшивый на днях закатил грандиозный скандал из-за того, что его отчаявшаяся жена пешком отправилась на постоянный двор у имперского тракта и там обменяла свои золотые серьги на лекарство от простуды, крупу, овощи и горшок топленого сала... То, что наивную девочку обдурил ушлый хозяин трактира, — сомнению не подлежит. Но она хотя бы попыталась!

Я решительно встала с березового чурбака и расправила плечи. Ничего, баба Ника, то есть Бераника теперь. Где наша не пропадала. Что я, детей воспитывать не умею? Или с печкой не справлюсь? Или у спекулянтов золотые зубы свекровкиной прабабки на молоко не меняла? Здешних ушлых торгашей ждет знатный сюрприз.

Главный поганец сгинул — и слава богу, от Бераникиных воспоминаний о муженьке аж с души воротит. А с хозяйством и с капризами справлюсь! Дом крепкий, участок под огород есть, руки тем концом к плечам приставлены. Да я не просто выживу, я тут светлое будущее построю без всяких там теорий всеобщего счастья!

Глава 4

Поздняя весна да раннее лето — самое голодное время. Особенно для тех, кто тонкостей не знает. Прошлогодние запасы подъедены, новые еще даже не завязались толком. Лес, который я оглядела с покосившегося крыльца, начинался сразу за старым плетнем, полупрозрачный, с легкой прозеленью. Ни грибов, ни ягод, ничего.

Быстрая ревизия в доме показала, что с голоду мы прямо сегодня не умрем — полгоршка того самого обменного сала еще осталось, муки небольшой мешок, килограммов пять примерно, такой же мешок дробленого овса, четыре луковицы, кулек сушеной морковки — стакана три оранжевой трухи. И еще один большой куль в сенях — с крупной, сероватой солью. Вот и все припасы. Не густо... но умеючи можно семью накормить.

А самое радостное — в потрескавшемся деревянном ларе я нашла штук пять подвявших, позеленевших и проросших картофелин! Вот где богатство, хотя есть их мы, конечно, не будем.

Зато сама новость, что в этом мире, в этом времени, есть такая полезная вещь, как картошка, уже вселяла оптимизм. Я даже выудила из Бераникиной памяти все, что с этим делом связано, — кажется, в самом начале скорбного пути за Хребет на каком-то из постоянных дворов близ столицы сердобольная жена трактищика, перебиравшая запасы в кладовой, всучила растерянной девушке мешок с негодными в суп клубнями. И по голове погладила...

Бераника тогда настолько оторопела, что взяла и даже поблагодарила, а потом пару раз даже пыталась их приготовить. Не слишком успешно, так скажем. Ну а я другое дело. У меня от радости даже руки затряслись и планов в голове нарисовалось — вагон и маленькая тележка.

Только сейчас важнее разобраться с детской простудой. Это дело такое... запустишь, оглянуться не успеешь — и вот оно, воспаление легких. А про антибиотики здесь наверняка даже не слышали.

Ничего, мы по-простому, по-деревенски полечимся. Свекровь моя, царствие ей небесное, пятерых в деревне подняла, и ни один не помер. Знатная травница была и меня учила. Иногда и палкой... суровая была

женщина.

Вон там, в конце прогалины, петли дикой малины. Ягод, конечно, днем с огнем не найти, а побеги молодые уже есть. А рядом, в тенечке, мать-и-мачеха разложила по влажной земле глянцевито неприветливые листья, подбитые снизу нежным салатovým пушком. А во-он там, за оврагом, на старом засохшем дереве, настоящее сокровище — серо-зеленые пятна лишайника. Имя у него красивое — пармелия. Вкус противный, а польза большая, особенно при простуде!

Ну и молодая крапива у самой калитки — вот уж всегда пригодится. Для начала и хватит... только еще шишек прошлогодних на растопку соберу. В углу за печью я мельком видела старый, помятый, давно не чищенный медный самовар. Надеюсь, не дырявый. Господа ссыльные даже не пытались разобраться, что это за агрегат такой, и изводили уголь каждый раз, как нужна была горячая вода.

Самовар не подвел, хотя для того, чтобы его растопить, пришлось побегать — сначала за водой в овраг к ручью, где я мимоходом обнаружила еще одно сокровище — нестаявшие пласты слежавшегося снега, потом с песочком и золой, чтобы оттереть грязь с пузатых боков, потом приспособить войлочный сапог для раздувания... зато дело пошло.

И в комнату, где лежали больные дети, я уже входила во всеоружии. Травы запарила, ушат для теплой воды нашла. Не знаю, зачем прежняя Бераника запихнула в дорожный сундук такую кучу льняных скатертей, — скорее всего, девочка в растерянности хватала первое, что попало под руку. Но мне сейчас эти добротные полотнища ой как пригодятся. И как полотенца, и как простыни, и рубашек на каждый день детям нашить. Нечего в шелках на огороде делать.

Дух в комнате стоял тяжелый — пахло болезнью, потом и давно не мытым детским телом. М-да... Младший хоть спит, а две старшие красотки вытаращились на меня непримиримо-высокомерными взглядами придворных дам, увидавших под тапочком таракана.

— Чего тебе? — самая старшая, Эмилина, натянула грязноватое розовое одеяло почти до носа. — Не видишь, нам нездоровится? Принеси лучше попить! — и повелительно махнула рукой в мою сторону.

Вот так вот. Память услужливо подсунула мне еще один кусочек пазла в общую картину жизни моей предшественницы. Хорошая была

девочка, но бесхарактерная... Всех себе на шею посадила, включая детей.

Ничего, справимся. Вот только следующий осколок воспоминания подсказал, что дети еще не знают о смерти отца. Подумала об этом, и все раздражение как рукой сняло — жалко стало глупых до ломоты в сердце. Эх... это ведь мне им придется рассказать. А потом еще как-то успокоить.

Именно поэтому я не одернула старшую нахалку, а также не обратила внимания на презрительный фырк и кашель средней. Эти две меня пока не особо беспокоили. Если силы козьи морды строить есть, значит, не помирают.

А вот Шон... У мальчонки явно высокая температура, да и кашель сквозь сон мне очень не нравится.

— Ты что, оглохла?! — Эмилина очень возмутилась тем, что я ее проигнорировала. Не привыкла к такому.

— Рот закрой, а то злая муха залетит, — мимоходом, не повышая голоса, уронила я в ее сторону, — они на противный визг знаешь как из лесу слетаются? Лучше, чем на мед. Укусит за язык, он распухнет, за зубами не поместится, щеки надует, между губ вылезет. Будешь похожа на жабу. Хочешь? Нет? Умница. Ну-ка, подвинься... во-от так.

Мимоходом высвободив локоны Кристис из-под локтя Эмилины, я про себя хмыкнула: десятилетняя красотка, выслушав про лесную муху, тоже закрыла рот и испуганно сжала губы покрепче. А мне того и надо.

Ох и разболелся ты, самый младший наследник Аддерли... Не меньше тридцати восьми температура. Кашель сухой, лоб горячий и мокрый, а ступни ледяные.

Ребенок, не просыпаясь, тихонько захныкал и попытался отпихнуть меня слабыми ручонками. Помню-помню, тот еще капризуля. А вот мы тебя сейчас разденем и теплой водичкой... не горячей, не холодной, тепленькой. И насухо вытрем, и сразу в скатерть, как в пеленку.

— Проснулся? — я села на принесенный чурбачок, устроила «кулек» у себя на коленях, заглянула в удивленно хлопающие глаза мальчишки, быстро прикоснулась губами к его лбу, не обращая внимания на слабый писк и ерзанья, и взяла в руки глиняный стакан.

— А кто хочет сказку про страшное чудовище со сломанным хвостом и храброго пастуха, тот сейчас выпьет лекарство. Не-ет, без лекарства не будет сказки. Да, я ужасно противная мачеха, ты

правильно угадал. Открывай рот.

Расчет оказался правильным — помимо того, что болеть противно, лежать в постели еще и ужасно скучно. Даже вдвоем. Болтать надоело, игрушек нет, книжек тоже. И маленькие монстры помимо воли заинтересовались хоть каким-то развлечением — обещанной сказкой.

Иначе были бы мне и истерики с топаньем ногами, и попытки поорать. А чудовище со сломанным хвостом эту троицу так увлекло, что они сами не поняли, как все уже и закончилось.

Дети — существа особенные. Они подсознательно чувствуют то, что не могут понять умом и объяснить словами. И первое, на что они реагируют, — это уверенность взрослого.

Вроде ничего и не изменилось — прежняя Бераника тоже заботилась о них как могла, пыталась лечить, мыть, одевать. Вот только бедолага сама не далеко ушла от своих подопечных и нуждалась в заботе. Я, перед тем как приступать к лечению, сама наскоро умылась-причесалась, рубаху сменила и сразу почувствовала себя гораздо лучше. А ей, бедной, ни умения, ни, главное, сил не хватало.

Нет, старшие вовсе не перевоспитались по мановению волшебной палочки. Какие они мне рожицы корчили, пока я вытряхивала их из грязной постели, помогала умыться, обтереться влажной тканью, расчесаться, выпить лекарственный отвар... Да и мелкий просто устал, наслушался сказок и уснул. Но начало было положено: дети, как-то интуитивно уловив, что кто будет спорить, тот получит муху в рот (или по другому месту), а не еще одну сказку, устроились, наконец, в чистую постель и заснули под историю про Джона и волшебный боб. Температура у Шона еще держалась, но кашель смягчился, и я натренированным чутьем определила — обойдется. Уф...

Только вышла из их комнаты, хотела быстро разобрать грязное белье и поискать корыто для стирки, — входная дверь хлопнула. И в меня с порога вонзился холодно-презрительный взгляд красивых голубых глаз.

— Где отец? — высокомерно бросил старший, четырнадцатилетний наследник Аддерли и, не разуваясь, перешагнул порог. — Ну? Чего встала? Вот дура бесполезная, зачем только папенька тебя в дом привел!

Глава 5

Ох, как меня очередным куском памяти-то приложило... еле на ногах устояла. Зато многое стало гораздо понятнее.

Например, то, что повесился этот козел, прости господи, не в нашем сарае, а там, где по зубам получил, — на лесопилке. А еще я узнала, куда из этого тела ушла бедная замученная девочка, испуганная и все еще влюбленная в этого непутевого придурка, за которого вышла замуж.

Следом пошла, болезная. Как весть получила вместе с предсмертной запиской, так и... И в ссылку за ним, и на тот свет. Уж не знаю, как у нее получилось, руки она на себя не накладывала. Просто взяла и... умерла. Ну а я заняла ее место.

И вместе с местом мне остались в наследство все ее проблемы. В частности — старший пасынок. Четырнадцатилетний Лисандр Аддерли, обожавший отца и уже только поэтому относившийся к молодой мачехе с плохо скрываемым презрением и ненавистью.

Сначала, когда Бераника только появилась в доме, она принимала его неприязнь почти спокойно и даже не пыталась что-то изменить — мальчик помнит родную мать, болезненно привязан к вечно отсутствующему отцу и вдобавок ревнует того к молодой жене. Это вполне укладывалось в приобретенный в основном из книг опыт молоденькой девушки.

Лисандр должен был уже этой осенью поступить в столичный кадетский корпус, и Бераника просто старалась особенно его не задевать — каникулы перетерпеть можно, а большую часть года мальчик будет учиться далеко от нее.

Не случилось. Ни кадетского корпуса, ни привычной компании таких же богатых наследников, вообще ничего. И бескомпромиссная мальчишеская ревность, помноженная на страх, тоску и крушение прежнего мира, выплеснулась из подростка бурным потоком на кого? Правильно. На мачеху. Не отца же обвинять? Любимого.

И теперь это пубертатное чудо стоит посреди полузаброшенной нетопленной избы у черта на рогах и пытается строить из себя прежнего баловня. И как вот с ним? С ходу оглушить новостью про отца? Жалко,

хотя мальчишка по воспоминаниям неумный и довольно противный, чего уж перед собой-то притворяться. Потворствовать его закидонам дальше? Он ведь барские свои замашки не бросит. Вот сейчас — по идее отец на работе, младшие болеют, мачеха, слабая женщина, в доме одна. Нет бы хоть попытался помочь. Как же. Не господское это дело.

Поэтому недоросль предпочитает «гулять» поблизости от дома, медитировать где-нибудь под кустиком на бережку, мечтать, считать пестики и тычинки у цветочков, а потом приходить и требовать обслуживания. И нормального питания. И чуть ли не поклонов в ножки, угу.

И все же с ноги ломать его реальность заявлением о том, что любимый его папочка струсил и бросил их с братом и сестрами умирать с голоду, я опасалась.

Во-первых, какой бы ни был, это ребенок. Ребенок-ребенок, даром что в четырнадцать лет с меня ростом и голос ломается. А во-вторых, кто даст гарантию, что его не переключит и он не сорвется тоже вешаться? А мне по условиям неведомого голоса надо всех четверых спасти и еще пятого где-то отыскать.

Вот ведь... По-хорошему бы ему не только его реальность барскую с ноги обломать, но еще и по заднице бы добавить.

— Ну и где обед? — пока я думала, засранец, как был, в грязной обуви, поперся через чисто выметенную мной комнату к столу и недовольно выпятил губу, не обнаружив там ничего съестного. Это оказалось последней каплей.

— Где ты его пригостишь, там и будет, — спокойно и твердо ответила я и прошла мимо — к лавке у другой стены. Сложила туда грязное белье и обернулась, как раз чтобы обнаружить посреди комнаты раздувшегося от возмущения жабеньша.

— Рот закрой, — я не дала ему времени взорваться. — Детей напугаешь. Они и так болеют. А отец больше не придет. Он умер.

— Да что ты несешь, дура! — предсказуемо не поверил. Или не понял.

Я молча достала из рукава аккуратно сложенный лист бумаги — предсмертную записку Эдриана Аддерли. Теперь вспомнила — ее принес урядник несколько часов назад, он и объявил, как величайшую милость, что безбожника, святой круг поправшего, исключительно из милости сразу и закопали, но за оградой кладбища. И отпевания не

будет. И насчет нас уже отправлен запрос в комендатуру... Ох ты, вот беда откуда не ждали... Ладно, подумаю об этом позже. Сейчас — Лисандр.

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать правду и понимать, что шутки кончились, — я говорила спокойно, но, видимо, настолько интонации были не похожи на прежние Бераникины, что его проняло.

Мальчишка секунд пять колебался, а потом все же протянул руку и взял письмо чуть дрожащими пальцами.

Я видела, как его глаза быстро скользили по строчкам, написанным отцовским почерком. Тем самым строчкам, где «я больше не могу... это ниже моего достоинства... ужасные обстоятельства... сатрапы... я уйду непокоренным... не позволю быдлу...».

И ни слова о семье, о детях и о том, что папочка хотя бы вспомнил, что они у него есть. Что они остаются одни, без защиты и без средств к существованию. Ни слова.

Тонкие пальцы с неаристократично обгрызанными ногтями сжались добела, комкая чуть желтоватую бумагу.

— Это ты во всем виновата! — ну, вот и ожидаемая истерика. — Это ты! Это ты!

Голос подростка набирал высоту и в конце концов сорвался на отчаянный вибрирующий визг.

Хлоп! Хлесткая пощечина оборвала этот концерт. И еще раз: хлоп!

Не сильно, но резко, чтобы голова мотнулась, а в глазах, чуть ли не побелевших от крика, появилась мысль.

— Замолчи и слушай! — в моем голосе была спокойная изморозь безжалостности. — У тебя. Две младшие сестры. И брат.

Я схватила парня за плечо и, преодолевая легкое сопротивление, подтащила к двери в «детскую». Чуть приоткрыла ее, так, чтобы была видна кровать со спящими мелкими. — Они. Больны. У них. Никого больше нет. Ты остался единственный старший мужчина в семье! Прекрати истерику сию секунду! Или они тоже умрут.

Мальчишеское тело у меня под рукой обмякло, и парень просто стал заваливаться куда-то набок. Острая жалость снова накрыла с головой, я проворно подхватила Лисандра под мышки и потащила к лавке, не давая упасть. Он и не трепыхался — находился словно в полуобморочном состоянии. Черт, и по-другому ведь нельзя было.

Усадить мальчишку на скамью я не успела. В сенях затопали, что-

то уронили, слышались невнятные ругательства. Тело у меня под руками окаменело, да меня и саму пробрало. Памятью Бераники — она навсегда запомнила день ареста и ссылки, а также моей собственной... Чужие грубые мужские голоса, неожиданно раздающиеся в сенях, — это навсегда вестник беды.

Дверь бесцеремонно распахнули, и в комнату стали входить незнакомые люди. Ну, то есть как незнакомые. Уже через секунду их лица перестали казаться мне пустыми плоскими овалами в окаймлении торчащих бород. Вот управляющий с лесопилки, вот надзорный инспектор, вот староста ближайшей деревни и другой наш сосед — хозяин постоянного двора, что в пяти верстах, на тракте.

А вот старший офицер, сопровождавший караван ссыльных от самой столицы до Хребта. Кажется, Бераника его так хорошо запомнила, потому что постоянно натыкалась в дороге на его холодный, почти ненавидящий взгляд. В основном он так смотрел на Эдриана и других «заговорщиков», но и жене ссыльного бунтаря тоже доставалось.

— Экхрм! — вся внезапная компания выстроилась у стены полукругом, и вперед выступил надзорный инспектор с какой-то бумагой в руках. Он обвел взглядом убогую обстановку, очень внимательно рассмотрел стоящий на столе самовар, зацепился за ворох трав у глиняной миски и, наконец, соизволил заметить меня и Лисандра.

— А, стал быть, вот и пацан. Можете забирать, господин управляющий. На прииске к тележке пристроите или еще куда... А остальные где? Девоч в служанки господин, стал быть, Шихомир возьмет, в трактир. А младшего и не знали куда деть, да вот господин староста соблаговолили, пущай гусей пасет, авось на прокорм себе отработает. Ну а земельку вы, господин староста, в опеку возьмете, чай не пропадет пустостоем, и какую-никакую копейку сироткам с нее выжмете.

Глава 6

Я почувствовала, как снова окаменел в моих руках Лисандр, и меня как из ушата холодной водой окатило. Гнев поднялся из глубины души, и это он выпрямил мне спину, вздернул подбородок и засиял надменным холодом из глаз.

— По какому праву, господа, вы явились в мой дом и распоряжаетесь моими детьми?

Такое впечатление, что незваные гости долго репетировали финальную сцену гоголевского «Ревизора». С такими лицами они застыли и такими глазами на меня вытаращились. Двинувшийся уже было по-хозяйски в сторону детской староста замер на полушаге и смотрел на меня так, словно на его глазах ожила и заговорила табуретка. Да и остальные недалеко от него ушли.

— Э-э-э-э... м-м-м-м... — похоже, надзорный инспектор споткнулся о мою властную интонацию и несколько растерялся. Наверное, ссыльный контингент не часто разговаривал с ним подобным образом.

— Да это жена евонная, — отмер трактирщик и презрительно сплюнул на мой. Чисто. Выметенный. Пол! — Ничо так вроде на вид... гладкая, хучь и старовата. Возьму, отработает, чай, — и этот подонок похабно ухмыльнулся.

А у меня в голове зазвенело от бешенства. Это он и на девчонок так смотрел? На маленьких таких, на... убью. Потом как-нибудь. Пока надо держать себя в руках.

— Вы... это, — инспектор пришел в себя и даже поморщился, так ему неприятно было собственное замешательство. — Как вас там...

— Беран Аддерли, к вашим услугам, — голосом ледяной королевы выдала я ему прямо в лицо. — Урожденная баронесса Коршевская.

— Ну, баронессу-то вы нынче забудьте, — злорадно вмешался староста. — Лишенцы вы, на ампиатора нашего, богом данного, покушенцы, сталбыть, и через то враги и неблагонадежные. Так что помалкивай тут, а не то... господин инспектор, мальчика-то я сразу заберу, у меня не забалует, воспитаю, сталбыть, верноподданным гражданином... а старшего надоть сразу на рудник и к тачке приковать,

шоб, значить, не бунтовал. Сорная трава, она такая. Воли ей лучше не давать.

Я сжала зубы, но не только от злости, а еще и потому, что мне прилетел очередной обрывок чужой памяти. И вовремя так он в мои мысли ворвался!

— Ошибаетесь, любезный, — я прижала к себе Лисандра, которого уже трясло, и еще больше выпрямилась. — Титула и дворянства лишили моего мужа. И я действительно больше не графиня. А вот моего наследственного имени, как и дворянства, меня никто не лишал! Поэтому я повторяю вопрос: по какому праву вы врываетесь в мой дом и пугаете моих детей?

Вот теперь их пробрало даже больше, чем в первый раз. Урядник вытаращился на меня с открытым ртом, староста побурел, трактирщик, наоборот, посинел. Надзорный инспектор закашлялся, словно подавился этой новостью.

— Это... как это... ошибка какая-то, — забормотал инспектор минуту спустя и зашелестел какими-то бумагами. — Не было, значит, у нас никаких указаний насчет...

— Да врет она! — зло и сипло вякнул староста. — Не было тут, сталбыть, сто лет уже никаких Коршевских! Сгинули давно! И земля у меня в аренде от общества, а не с каких-то там!

Все это время молчал только один гость — высокий светловолосый мужчина в мундире гвардейского лейтенанта. Судя по тому, каким мрачным взглядом он меня сверлил, ничего хорошего я от него не ожидала. Но вот теперь он вдруг вмешался:

— Все верно, господин надзорный инспектор. Леди Аддерли потеряла титул графини и последовала за мужем в ссылку добровольно. Дворянского достоинства, а равно и добрачного имущества ее никто не лишал. Это... скажем так, поместье — все, что осталось от ее приданого.

Я просто физически почувствовала, как меня отпускает это отвратительное чувство ледяной беспомощности и страха. Это я только внешне изображала железную даму, а внутри все сжалось в комок от ужаса. А если бы я неправильно или поздно вспомнила? А что как наплюют и не послушают — здесь ведь натурально медвежий угол, кому я пожалуюсь, если что? Хорошо, что офицер вмешался.

Вот только сам мой «спаситель» продолжал смотреть на меня как

на нечто лично ему глубоко противное.

— Это... а сталбыть, что выходит-то? — почесал в затылке инспектор и посмотрел на господина лейтенанта слегка опасливо, а потом и меня одарил таким же осторожно-недоумевающим взглядом. — Это...

— Это значит, что госпожа Коршевская, вдова Аддерли, может спокойно собраться и вернуться в столицу, к родителям. И никто не имеет права чинить ей препятствия.

— Ну, — обрадовался инспектор, — так и скатертью дорога! Никто госпожу удерживать и не станет. А вот кровные дети бунтовщика в правах по закону поражены, и, поскольку отец повесился, кормить их некому, поступим с ними, как решено было... А за землю и дом господин староста, к примеру, госпоже выдаст небольшую компенсацию — много-то за неудобья и не полагается, но доехать до столицы хватит.

— Дык выделю, — судя по всему, староста счел необходимость платить даже малость за то, что уже и так считал своим, личным оскорблением и несправедливостью, потому и разговаривал сквозь зубы. — Но и землю тогда сразу на меня и перепишем! А на сопляке ничо числиться не будет, из милости принят, и все тут!

— Собирайтесь, госпожа Коршевская, — сухо заявил мне светловолосый лейтенант, одарив очередным льдисто-серым взглядом. — Я лично провожу вас на станцию. Вы вернетесь к родителям и в следующий раз, надеюсь, будете осмотрительнее при выборе спутника жизни.

Я несколько раз медленно вдохнула и выдохнула. Посчитала про себя до десяти, потом обратно. Сжала плечо помертвевшего Лисандра так, что он чуть слышно охнул, но перестал таращиться на меня опустевшими плоскими глазами, сморгнул и прикусил губу.

— Я была о вас лучшего мнения, господин лейтенант! — все так же сухо, безэмоционально и твердо. — Вы, мужчина, дворянин, предлагаете мне уехать и бросить беспомощных детей на верную гибель?! Да как вы смеее!

О-о-о-о, как он вспыхнул гневом! Желваки на скулах заиграли, руки в кулаки сжал, выпрямился так, как будто я его по спине кнутом огрела. Несколько секунд мы играли в гляделки, прожигая друг друга взглядами, а потом... потом он первый отвел глаза.

Вот только злиться не перестал. Я прямо услышала натуральный скрежет зубовой. За что он меня так ненавидит? Точнее... я теперь вспоминаю — ненавидел он моего мужа. Так, что едва сдерживался всю дорогу, пока караван кибиток ехал по весенней распутице. И ненависть эта, кажется, была взаимна. Ну а мне доставалось за компанию. Детей же он просто не замечал... или не видел — они почти не выходили из кибитки.

Ну что же, теперь господин офицер имеет все основания не любить лично меня. Что и демонстрирует.

— О детях обещали позаботиться, и... — довольно зло и все еще сквозь зубы начал было он.

Но мой состав уже сошел с рельсов, и его было не остановить.

Глава 7

— Вы действительно не понимаете, что происходит? — неприятным голосом спросила его я, отталкивая Лисандра себе за спину и привычным жестом складывая руки на груди. — Вы, взрослый человек, настолько наивны или намеренно не желаете смотреть правде в глаза? Позаботятся?! Отправят четырнадцатилетнего мальчика в забой и прикуют к тачке! Маленьких девочек отдадут в придорожный трактир, где их сделают не просто служанками, но и проститутками! Что?! Что вы так смотрите? Я говорю неприличные вещи?! Но это правда! Я видела, какими масляными глазами этот... субъект смотрел на мою старшую падчерицу! А самый младший? Вы всерьез думаете, что шестилетний больной ребенок выживет под «опекой» этого... человека?

Я так разозлилась, что от меня по комнате, кажется, искры летели. И мой напор заметно смутил непрощенных гостей.

— Вы... преувеличиваете, и... — даже господин лейтенант заметно растерялся, и его острая неприязнь как будто скомкалась, поджавяла.

— Я ничего не преувеличиваю. Поэтому не двинусь с места и не оставлю детей. В конце концов, это моя земля, мой дом и мои дети. По закону. Никто не смеет принудить меня отдать их. А вы... господин лейтенант... надеюсь, ваша совесть офицера и мужчины подскажет вам, что переносить личную неприязнь и, вполне допускаю, справедливую ненависть к моему покойному мужу на его ни в чем не повинных детей — недостойно дворянина и просто порядочного человека.

Уф-ф-ф... выпустила пар и слегка опомнилась. Но дело надо было доводить до конца, и потому:

— Я вас больше не задерживаю, господа. Можете идти.

Дверь уже закрылась, и шаги на крыльце затихли, а я все стояла все в той же позе недовольной королевы, со сложенными на груди руками, и смотрела прямо перед собой. Потом с трудом повернулась и наткнулась взглядом на Лисандра, прислонившегося к стенке, белого как мел, дрожащего...

Я хотела к нему шагнуть, успокоить как-то, все ведь вроде кончилось. Но коленки неожиданно подломились, и я села на пол прямо посреди комнаты, судорожно обняла сама себя за плечи и поняла, что

меня натурально трясет, как неисправную колхозную молотилку на ухабистом проселке...

И тут едва слышно скрипнула дверь в детскую. Этот звук подействовал на меня как волшебная кнопка: дрожь разом выключилась. Стоило рассмотреть в узкой щели у косяка огромные перепуганные глаза старшей падчерицы, дрожащие и искривленные в немом плаче губы средней и зареванное лицо самого младшего.

Меня неведомой силой подхватило с пола и кинуло к двери. Разбудили, ироды!

Мне уже некогда было думать о том, какими были эти дети еще час назад — противными, избалованными, колючими и самоуверенными. Сейчас это были просто дети.

— Давно проснулись? — я открыла дверь, поймала инстинктивно отпрянувшую Эмилину за плечо и притянула к себе. Она не сразу отреагировала, пару раз моргнула, и только потом в ее глазах появился хоть какой-то проблеск сознания.

— Папенька... умер... Этот человек нас заберет? — сиплым от напряжения голосом выдавила она, и Кристис тут же заревела в голос. А Шон присоединился.

— Никто вас не заберет, — слабость разом куда-то подевалась, я решительно вздернула подбородок, достала из-за обшлага платя платок, поморщилась — не слишком чистый и мятый... но потом все равно вытерла лицо рыдающей Кристис, потом Шону, подхватила последнего на руки, почти не напрягаясь, с удовлетворением вспомнила, как в молодости удивлялись люди — в чем душа держится, а силушки как у мужика, обернулась, поймала за руку все еще пребывающего в прострации Лисандра и, слегка подталкивая, направляя в нужную сторону, загнала всех в детскую.

Там я уложила младшего в постель, а следом за ним запихнула и всех троих старших, включая подростка. Лисандр только моргал и не сопротивлялся. И ботинки скинул без возражения, и куртку отдал.

Девчонки и младший брат тут же вцепились в него со всех сторон, как маленькие клещи, парень напрягся было, а потом как-то вдруг обмяк. Похоже, случившееся сильно ударило по психике подростка и он временно растерял все привычные шаблоны. А еще он один, кажется, до конца понял главное: я могу уехать. Могу, никто меня не держит, вернусь к нормальной жизни, к теплой постели, завтраку из чужих рук,

к столичным развлечениям... а они останутся тут одни. И он пока не знал, как реагировать на то, что я осталась и защитила. Но на всякий случай притих.

Накрыв всю компанию одеялом, я села на постель и погладила старшего по руке, лежавшей поверх одеяла.

— Никто вас не заберет. Теперь я ваш опекун, потому что была замужем за вашим отцом и у меня все права.

— А ты не уедешь? — странно, но спросил об этом Шон, тогда как остальные дети только напряженно всматривались мне в лицо и молчали.

— Без вас не уеду, — спокойно и без надрыва ответила я. — Но сначала нам всем будет трудно. И придется многому научиться. И слушаться вы меня будете как никого, это понятно?

Лисандр тут же упрямо фыркнул и отвернулся, но словно спохватился и замер. Я и не подумала обращать внимание на подростковые взбрыки, как гладила его по руке, так и продолжала, а он что-то не торопился ее отбирать.

— Я боюсь, — прохныкала Кристис. — Мне страшно!

— Всем страшно, — согласилась я. — Но тем, кто сейчас выпьет лекарство и будет спать, станет легче, а вечером дадут вкусный ужин. И все у нас будет хорошо, поняли?

М-да, все же я предпочитаю вредных и непослушных детей насмерть перепуганным. Горький отвар пармелии выпили все, включая старшего. Безропотно. И в кровати остались все.

Я дождалась, пока детей смотрит сон — а после пережитого это случилось довольно быстро, они как перегорели и отрубались без сил, — вышла в комнату и остановилась у стола, глядя в пустоту.

Пообещать, что все будет хорошо и вечером случится вкусный ужин, — легко. А вот как это сделать...

Эдриан, какой бы он ни был изнеженный и неумный, все же приносил с работы хоть какие-то деньги и провизию. Тем более что работал он не лесорубом или грузчиком, как я сначала подумала, пока память не догнала. Нет, грамотный, образованный человек в этом медвежьем углу, пусть даже и ссыльный бунтовщик, лес валить или тяжести таскать не будет. Он работал писарем и учетчиком. Тоже не сахар — по двенадцать часов в день, и каждая кобыла — начальник. Но тем не менее...

Так вот. На его заработок худо-бедно, но мы могли бы выжить. А теперь как?

Меня на работу никто не возьмет, да и врагов в ближайших соседях я себе нежданно-негаданно нажила. Белокурый офицер с лицом благородного викинга не в счет — после моей отповеди он не станет мстить слабой женщине и детям. А вот трактирщик, которого прямо обвинили в сладострастии и похоти к маленьким девочкам, и староста, которому не досталась моя земля, — это серьезные противники. Серьезные-серьезные, и пакостей наделать могут много.

А самое главное, что мимо них мне ведь некуда сунуться ни за продуктами, ни за чем другим. Назло палки в колеса вставлять будут, знаю я эту гнилую породу.

Если только напрямую через этого викинга к коменданту гарнизона обратиться... но это позже. Пусть остынет господин лейтенант, а потом можно будет попробовать сыграть на его благородстве и чувстве вины — зацепили же его мои слова.

Но до этого момента еще надо дожить и детей сберечь. Я ведь, пока этих четверых отбивала, даже не вспомнила о какой-то там сделке с нечистым. Потому что и без договоров всяких не бросила бы...

Я потеряла лоб ладонью — голова гудела — и вышла на крыльцо. Закат над кромкой леса медленно выцветал в ночь. Левее калитки за поваленным плетнем сквозь заросли крапивы пробивались острые стрелы камыша и звучал негромкий, но стройный лягушачий хор. М-да, огород в той стороне не разобьешь.

Так, стоп. Камыш? А сейчас у нас весна? Та-ак...

Ну что, баба Ника, тьфу, надо отвыкать... Бераника Коршевская. Вспомни первую молодость. Голодать не один раз приходилось. И в двадцатых, и в тридцатых, и во время войны, и сразу после. Но выжила, и дети твои все выжили. А все почему?

Потому, что знания — сила.

Глава 8

— Она сошла с ума, да? — печальным шепотом спросила Кристис у старшего брата, вытаскивая на берег очередную охапку рогоза. Камыш по этому берегу они уже изрядно проредили, собирая его сладковатые мучнистые клубни.

— Не знаю, — мрачно отозвался Лисандр, с отвращением принимаясь очищать корневища от липкой грязи. — Но...

— Но сладкий салат и лепешки на ужин вам понравились, — я ополоснула измазанные в иле ноги, выбралась на твердый берег и расправила подоткнутый подол. — Ничего, дети. Нам главное первое время продержаться. А там с огородом разберемся, ягоды пойдут, орехи, грибы... и на ярмарку съездим. А сейчас придется поработать.

— Но нас не учили! — протестующе выдала Эмилина, зло бросила в грязь стебель рогоза и шлепнула себя по щеке, раздавив комара. — Это ужасно! У меня будут пятна на лице! И грязь под ногтями! И я не хочу ходить босиком! Зачем ты забрала нашу обувь?!

Да-да, пошли уже третьи сутки с того момента, как у меня дома побывали представители власти. Детки отошли от потрясения и снова начали демонстрировать характер. Ну да ничего, это поправимо.

— Я предлагала тебе намазаться от комаров мазью с дегтем, ты не захотела. Теперь терпи. А грязь из-под ногтей тебе никто не мешает вычистить, когда закончим работу.

— Твоя мазь воняет! — возмутилась девочка. — Это отвратительно!

— Ну, либо — либо. Или вонь, к которой, кстати, быстро привыкаешь, или комары. Подай мне вот эту охапку, зачем ты ее в ил бросила? И пойдешь собери то, что я надергала с той стороны. Там немного осталось.

Эмилина зло зашипела, как рассерженный котенок, снова со всей силы шлепнула себя по щеке и, бурча что-то себе под нос, подняла брошенные стебли, а потом удалилась за неровную занавесь камышей.

Саботировать мои просьбы и распоряжения она уже пробовала. Ей не понравилось. Без ужина и без сказки.

За прошедшее время я успела оценить, что значит вернуться в

молодое, сильное, здоровое тело. Я и в девяносто не болела, но это же не сравнить! Столько сил — дайте мне точку опоры, и я этот мир запросто переверну.

Для начала успела перевернуть все подворье, навести в комнатах относительный порядок, обшарить доставшийся мне в приданое дом от подпола до конька на крыше, найти массу нужной, хотя и не новой утвари, починить большую часть, взлезть в печь и рассмотреть, что вывалившийся от старости кирпич закупорил дымоход и надо разобрать часть кладки.

Пересмотрела, пересчитала, пересортировала и перепрятала все вещи, что мы привезли с собой в ссылку, тридцать раз поругалась с выздоровевшими девчонками на тему того, что им придется мести пол, трясти одеяла и рвать крапиву, раз они хотят, чтобы я их кормила. Правдами и неправдами уломала Шона полежать в кровати еще денек — вот уж кому хотелось и веник, и крапиву, и бегать босиком по двору, и залезть в пруд!

Но злая мачеха упорно заставляла лежать и пить горькую гадость, хотя кашель вот почти совсем прошел, а жара и вовсе не было.

Еще я умудрилась воспользоваться шоковым состоянием старшего: у него тоже отобрала и отличные кожаные ботинки, и штаны из дорогой ткани, и даже форменный гимназический китель, в котором он фасонил по лесу.

Попытка устроить скандал была пресечена на корню — предложением отправляться жаловаться коменданту гарнизона в чем есть, то есть в исподнем.

Я тут мама. Я за всех отвечаю. Я главная. И мои команды исполняются без пререканий! А кому не нравится — милости просим в самостоятельную жизнь. Не держу.

Ну, на самом-то деле держу... не зря портки и ботинки отобрала. Далеко босиком по лесу не уйдет. Но из педагогических соображений поднесла это под нужным соусом.

Всем детям я сшила просторные рубашки и штаны из невыбеленного льна — оказалось, что в эту практичную ткань были завернуты книги и тетради Эдриана и ею же обтянуты все его сундуки изнутри и снаружи. Ну и мой собственный короб с рукодельем ой как пригодился — где бы еще я взяла в лесу иголки, нитки и ножницы?

Лен с сундуков спорола в момент и с радостью,хватило всех

обшить, себя в том числе. И еще запас остался. Нам тут еще зимовать... Кто знает, на что придется обменивать тонкие кружева с шелковых рубашек, на хлеб или на уголь. Жизнь важнее нарядов.

А если, даст бог, обойдется — еще лучше. Дети вырастут, через пять лет за смертью главного фигуранта для них кончится срок ссылки и поражения в правах. Дворянство им автоматически не вернут, но уехать в центральные губернии мы сможем. И там первое время тоже надо будет на что-то жить... и учиться выживанию придется не откладывая в долгий ящик.

Так что старшие дети с кислыми минами помогают мне заготавливать корневища камыша и рогоза. Не картошка, конечно, но сейчас, весной, в них полно крахмала и прочих полезных питательных веществ. Можно варить, печь, сушить, молоть в муку. Хорошее подспорье!

Заодно и про ботинки временно забыли — шлепать по грязи босиком даже удобнее.

Эх, одно плохо: шумные и неуклюжие потомки графа Аддерли лягушек распугали... Придется вечером идти на охоту на дальний конец запруды. И готовить обед на завтра, когда дети уснут. А то ведь истерика будет, если узнают, чье это белое, похожее на куриное мясо в похлебке.

Шон и так уже вчера спросил, почему у птицы в супе такая длинная-длинная шея и ни одного крылышка. Ну, я не стала объяснять, что у ужей с крыльями вообще не очень. Сказала, что это не одна птичья шея, а несколько. А крылышки разварились, и косточки я выкинула. Все поверили.

С одной стороны, хорошо, что у юных графьев не очень с биологией и кулинарией. С другой — рано или поздно мне же и придется их учить. И пресекать истерики. У меня на лягушек вообще грандиозные планы — вспомнила, как мы с дедом в середине девяностых бизнес с французами делали. И ничего, машину на те деньги купили.

— Ну все, здесь пока достаточно, — объявила я, прикинув количество заготовленных клубней.

Мне ответом был радостный стон, который тут же перешел в разочарованный, потому что я вытерла пот со лба рукавом и продолжила:

— Пять минут перерыв, чтобы умыться, и идем на крапиву. Чего «У-у-у-у-у»? Вы хотите специальную обувь, чтобы по лесу бегать, или вы не хотите специальную обувь? Вот. А ну бегом к мосткам, кто последний, того защекочу! Купаться! Так и быть, полчаса вместо пяти минут! — ох и хорошо, что конец весны нынче жаркий, вода на отмели прогревается не хуже, чем в ванной.

Как мало детям пока надо... Радостно заорали все, даже Лисандр. И рванули к старым, но еще крепким мосткам с другой стороны пруда — детям страшно понравилось купаться и беситься на песчаной отмели, там, куда уже не доползали щупальца липкого прибрежного ила, но было еще совсем неглубоко. И щекотки они боялись с большей охотой, чем странных незнакомых людей и неизвестности впереди...

Мои затеи могли не нравиться детям аристократа, непривычная работа их раздражала, отсутствие нормальной обуви и одежды бесило. Но я не просто назвалась взрослой и главной — я вела себя как взрослая и главная. Я знала, что делать, и уверенно вела ребят за собой.

Это очень важно, по себе знаю. Особенно когда ты еще ребенок или подросток. Сколько угодно можно бунтовать, но, когда в момент опасности или неуверенности рядом есть тот, кто точно знает, КАК НАДО... жить становится не страшно. Появляется чувство защищенности. И можно немного побеситься на мелководье.

Ну и еще один маленький секретик. Работать дети не любили. А вот беситься... кто бы позволил им раньше купаться в пруду? Особенно девочкам? Какие бы мордочки они не строили поначалу, им этого самим хотелось, и еще как!

Короче, рычаги воздействия у меня появились, дело за малым.

Глава 9

Крепко стянутая веревочными бандажами тачка бодро подпрыгнула на одном колесе, преодолевая очередной ухаб лесной тропинки. Сидевший на ней Шон весело взвизгнул и вцепился в привязанный тюк, а я остановила Лисандра, впрягшегося в оглобли:

— Все, отдыхай, моя очередь.

Пасынок хотел было возразить, вскинулся, но тут же выдохнул, утер покрасневший лоб рукавом и согласно кивнул. Молодец, вспомнил наш «договор на берегу».

Ругаться можно дома. Когда нет посторонних — есть вариант попробовать убедить меня в том, что кто-то лучше знает, что делать. (Ни разу не убедили, но дети старались, и в целом я хвалила за попытки логично обосновать свои претензии).

Но как только выходим за калитку — все. Мы семья, команда, банда, войско и крепость. Один за всех, все за одного, и слово командира — закон. Потому что иначе нас сожрут — я в красках расписала детям все варианты. Впечатлила до того, что потом несколько ночей пришлось спать с ними в одной комнате — у младших случились кошмары. Зато все всё поняли и приняли.

Сегодня мы впервые покинули заимку и шли в деревню, на ярмарку. Готовилась я к этому походу две седмицы — так здесь называлась неделя. И сейчас мне было что предложить за то, что я хочу получить. Главное, правильно себя подать и не продешевить...

— Эмилина, ты все помнишь? — спросила я, когда за поредевшей гребенкой молодых елей показалась крытая дранкой крыша местной церквушки — совсем привычной по моим воспоминаниям, только вместо креста на маковке красовался кованый обруч — Святой Круг.

— От тебя ни на шаг. Держаться за руки обязательно. По сторонам слишком не глазеть, но демонстрировать умеренный интерес, — заученно откликнулась девочка и старательно выпрямила спину, изображая осанку без примеси спеси. — Не заискивать, но улыбаться в меру приветливо. Ничего не просить, не ныть, на приветствия отвечать с достоинством, если попытаются задеть или оскорбить — не поддаваться на провокацию и ждать, что ты ответишь.

— Умница, все правильно, — похвалила я, осматривая детей. Одеты мы были очень просто, но не без своеобразной элегантности: тот самый обивочный лен удалось покрасить соком толокнянки и синельника в коричневый и серо-синий цвет, правильно расправленные и высушенные на солнце сарафаны, рубашки и штаны выглядели почти как глаженные, скромная, но заметная вышивка по воротнику, манжетам и подолу смотрелась нарядно, правильный крой превращал простые балахоны в оформленные силуэты.

Семейство Аддерли отнюдь не выглядело несчастными нищими побирушками, хотя и богатством тут не пахло. Бабы в деревне остроглазые, оценят, взвесят, разберут крой по вытачкам. И разговоры пойдут нужные — про вдову с руками, головой, хотя и без денег.

Делать вид, что у нас есть какие-то там богатства припрятанные и мы явились в деревню ими щегольнуть, мне сейчас не с руки — не дай бог, найдутся лихие люди и решат ограбить беззащитную заимку. Я не отобьюсь, хотя кое-какие меры приняла. Но это все несерьезно. Эх, мужика бы на подворье... хорошего, путного. Да где ж его возьмешь?

Поэтому мы бедные, взять с нас особо нечего. Но умные и «себя понимаем», как говорили деревенские о людях с чувством собственного достоинства во времена моей первой молодости. Так о нас в округе и должны думать.

Через эту деревню, а точнее, полноценное село, мы проезжали ранней весной, когда улицы тонули в озерах жидкой грязи, а почерневшие за зиму дома выглядывали из-за голых плетней нахохленно и неприветливо. Беранике тогда было не до оценок и рекогносцировки. А вот я сейчас смотрела по сторонам зорко, все примечая, оценивая и запоминая. Весна, конечно, раскрасила пейзаж в яркие цвета, затянув обочины, заборы и дворы кудрявым тюлем зеленой листвы.

Село большое — своя церковь, сходная изба, солдаты гарнизона на постое, штаб волостной, почти сто дворов, целых четыре улицы. Ну и на выселках еще народишко. Так что народу сегодня, в предпоследний день седмицы, на базарной площади, как раз между резным храмовым крыльцом и строгими, темно-серыми в белую полоску воротами гарнизонной конюшни, собралось немало.

Торговали прямо с телег и расстеленных на земле дерюг всем, что в крестьянском хозяйстве родится или пригодится. Больше всего,

конечно, было съестного. А запах пирогов так густо плыл над толпой — даже крики зазывалы казались лишними, так и тянуло в ту сторону.

Я нарочно досыта накормила детей перед походом, хотя они пробовали даже немного покапризничать, мол, куда столько. И ничего, что ели мы не те самые пироги да каши, о которых сейчас звонко распинался деревенский зазывала, а щи из молодой крапивы, лягушек и клубней камыша. Ну и салатом из разных съедобных трав заедали. Пришлось чуть ли не с ложечки кормить, а потом чуть не волоком тащить отдувающихся и стонущих колобков по тропинке, пока у них там в животах все не улеглось.

Зато теперь отпрыски рода Аддерли смотрели вокруг сытыми равнодушными глазами, а не таращились, сглатывая слюну, на выставленные яства, как некоторые деревенские мальчишки, шнырявшие между рядов.

Шон вдруг соскочил с тележки и пошел рядом со мной, держа меня за руку и словно бы ненароком прижимаясь.

— Бера-а... мне не нравится, как они все на меня смотрят.

— Потерпи, Шон, — я в очередной раз уступила ручки от тележки Лисандру и положила руку на плечо младшему.

— Мы здесь люди новые и необычные. Поэтому всем интересно на нас посмотреть. Помнишь, что я говорила про первое впечатление? Мы — Аддерли, и пусть даже временно потеряли титул, свое достоинство мы не теряли.

Конечно, говорила я это больше для старшего пасынка и девочек, но даже Шон меня понял. Так что под прицелом любопытных, настороженных, недоброжелательных и даже завистливых глаз мы прокатали свою тележку в дальний конец рыночной площади, туда, где местные бабы продавали свое незатейливое рукоделие, собирая дочерям на приданое.

Спокойно заняв место в самом конце цепочки торговок, мы с Лисандром разгрузили тележку, перевернули ее и накрыли куском небеленого льна.

Дети достали и расставили примитивные складные табуретки — у меня муж на рыбалку себе такие делал. Два изогнутых аркой ореховых прута достаточной толщины, их концы-ножки, перекрещенные ножницами и скрепленные с помощью прожженной шилом сквозной дырки и еще одного прутка. Ну и наверху кусок льна, натянутый между

получившимися деревянными рамами.

Мы расселись, и я выложила на «прилавок» то, что собиралась продать. Нет, те бабы, что толкались локтями и многозначительно перемигивались, косясь на наши приготовления, не получили того, на что рассчитывали. Никаких «барских» кружев за три гроша от безысходности, никаких «цацек», последних остатков былой хорошей жизни.

Во-первых, на полотне оказались аккуратно смотанные на палочки шелковые нитки разных цветов. Это товар всегда востребованный, уж я по своему опыту знаю, а если правильно распустить и смотать всего один полосатый шелковый шарф, катушек этих получается не так и мало. Больше десятка. Правда, муторная это была работа и кропотливая, но оно того стоило.

А во-вторых, я аккуратно расставила на оставшемся свободном месте несколько пар тапочек. Простых, дешевых в производстве и невероятно удобных в носке. Такую обувь когда-то носили самые бедные испанские крестьяне, и называлась она в нашем мире соответственно: эспадрильи.

Да, я и мои дети были не только одеты с иголочки, но еще и обуты, что по деревенским меркам вообще шик и блеск. Обувь здесь и сейчас стоит не просто дорого — очень дорого, и ее мало.

Вот в эти самые эспадрильи мы и были обуты — подошва сшита из крепко связанного, сшитого и пропитанного древесной смолой крапивного жгута, а верх все из того же незаменимого обивочного льна. С вышивкой!

Глава 10

Примерно с полчаса мы простояли словно под стеклянным колпаком. Народ смотрел издалека, шушукался — особенно, конечно, бабы и девчонки. Воздух уже потрескивал от всеобщего любопытства, но первым подойти никто не решался.

Мы с детьми этот момент репетировали несколько раз — все четверо смирно сидели на своих стульчиках, подстелив на колени льняные котомки, и заплетали в плотные косички крапивное волокно — из таких вот косичек я потом собирала подошвы для эспадрилий.

Это занятие давало возможность не ежиться под пристальными взглядами, а еще не давало скучать. Прогулка по ярмарке для развлечения и утоления любопытства была твердо обещана как завершение нашего визита, и теперь младшее поколение Аддерли ее терпеливо ждало.

Не то чтобы они за две недели так уж перевоспитались. Во-первых, детей в этом веке сызмала учили помалкивать и не лезть поперек батьки в пекло. Даже дворян. Во-вторых, им было просто страшно и неудобно в незнакомом месте, и рассчитывать они могли только на мою защиту. А я ясно дала понять, что защищать буду тех, кто мне в этом не мешает.

Наконец, от толпы селянок отделилась довольно рослая женщина в летах — судя по фигуре и мелкой сеточке морщин на загорелом лице, уже большуха в своем доме, лет за сорок — сорок пять. Одета она была в добротную ситцевую блузу, бежевую в бледно-голубой цветочек, и черную полотняную юбку с серым фартуком.

Она подошла, осмотрела мой товар, детей, с невозмутимым видом поправила скромный, но чистый платок на голове и прищурилась на меня:

— Почем нитки продаешь, барыня?

Я прямо посмотрела в ответ и чуть-чуть приподняла уголки губ в приветливой полуулыбке:

— Не обессудь, любезная, не знаю здешней цены, не приценилась еще. Первый раз на таком торгу. Вот если соблаговолишь хороший совет мне дать и правильную плату назначить, я тебе катушку-другую так отдам, от души и в благодарность.

— Ишь ты, — баба склонила голову и уставилась на меня с возросшим интересом. — И не побрезгуешь совет принять от простой селянки?

— Умными советами только дурак брезгует, — я пожала плечами и уже по-настоящему улыбнулась собеседнице. — А кто с разумом дружно живет, тот ни перед какими людьми не кичится.

— Это ты верно сказала, — кивнула женщина, глядя на меня уже гораздо приветливее. — А это у тебя что за опорки неведомые? — она ткнула пальцем в крайние эспадрильи, с вышитыми голубой ниткой простенькими пятилепестковыми васильками.

Я оценила примолкший вокруг нас базарный гомон и про себя усмехнулась. Разговоры со мной вела одна эта женщина, но слушали все. Сейчас главное — создать правильное первое впечатление у всех этих людей, и особенно у женщин. Нам тут жить.

— Обувь такая, называется эспадрильи. А по-нашему — тапочки. В западных землях у моря такую испокон века простые люди шьют и носят. И удобно, и красиво, и недорого. Человек с малым достатком себе позволить может, а все босиком по грязи не ходить, лапти не топтать, и вид приличный. Особенно хорошо в таких молодых девушкам, кому время пришло женихов искать и по посиделкам гулять. И ножка изящно смотрится, и показать не стыдно. Да и в поле на жнивье обутым тоже приятнее будет — не мне тебе рассказывать, как стерня ноги колет. И главное, на босу ногу обул и пошел, не лапти наматывать по три зари.

Я чуть подобрала подол сарафана, ровно настолько, насколько позволяли приличия, и продемонстрировала собственную ногу, обутую в льняную эспадрилью на крапивной подошве.

— Видишь, подошва смолой пропитана? Не стопчется быстро и сырость не сразу пропустит. По лужам не побегаешь, конечно, но, если дождем слегка прибьет — не страшно. Да и сохнут они быстро.

— И почем отдашь? Или опять совет тебе дать?

Мой расчет оказался верным. Не только эта тетка заинтересовалась, остальные тоже смотрели с жадным любопытством и явно ждали моего ответа.

— Не откажусь и буду благодарна, — я кивнула и подвинула в сторону собеседницы самую нарядную пару. — Выберешь, какие тебе по нраву. А если малы или велики окажутся, веревочкой ногу измерим,

и сделаю нужное к завтрашнему дню.

— Разумные ты вещи говоришь, барыня, — удовлетворенно кивнула тетка. — Как же так получилось-то, люди бают, семья твоя против императора нашего батюшки злое дело замышляла? Недаром же выслали вас в нашу глухомань.

И опять рынок вокруг притих в ожидании моего ответа.

Я вздохнула:

— Так уж вышло, любезная. Доля наша женская везде одинаковая, что у селянки, что у дворянки, — дом вести, детей растить и мужа ждать. Я и ждала... в мужские дела не лезла. Дождалась, как видишь. Ну а дальше — куда он, туда и я, как святой круг предназначил.

Народ вокруг загудел, бабы начали перешептываться активнее, но в их голосах мне слышалось все больше сочувствия.

— Ой и верно, бабоньки... доля наша такая... — слышалось то с одной, то с другой стороны.

— Стал бы он, злодей, перед женой-то отчитываться... графья, оне такие.

— А куды б она делась, ежели его с семьей сослали?

— И деток же не бросишь... ну дык и не родные, а уже свои — мужа венчанного дети. Правильно все. По-божески, по-людски.

— И хозяйка, видать, справная... вона ребятишки умытые, сытые, и при деле.

— Повезло окаянному, да рази ж мужики ценят?

— Не побирается, носа не дерет, с делом вона пришла, с уважением к обществу!

У меня с души свалился один из лежащих там тяжелых камней. Расчет оправдался... Время в империи сейчас сытое, ни войн, ни потрясений, даже в самых дальних селах люди не голодают. А сытые люди — добрые люди. И если зацепить за эту доброту правильным крючком — можно добиться правильной реакции. Я поставила на женскую солидарность и выиграла.

Задаром, конечно, никто нас тут любить не будет. Но отношение приветливое сформируется. Не сразу, не скоро своими станем, но надо же с чего-то начинать. Хотя бы с доброжелательных сплетен, бабского сочувствия и взаимной выгоды.

Словно повинувшись невидимому сигналу, женщины окружили тележку и всю приценивались к товару, обсуждая и нас, и торговлю, и

погоду вокруг с одинаковой непосредственностью.

Мне оставалось внимательно слушать, уважительно поддерживать беседу и улыбаться. Цену мне хором пообещали справедливую, не упырихи ж они тут, чать, вдову и сирот грабить. И тут же заспорили между собой, сколько чего может стоить. А когда узнали, что я хочу не денег, которые в деревнях все же редкость, особенно у баб, а лучше поменяться на продукты и некоторые другие полезные вещи из их хозяйства, — я вообще стала самой дорогой гостьей на торжище.

— А ну разойдись! — в женский веселый щебет вдруг тяжелым колуном врезался зычный недовольный голос. — Разойдись, сказано!

Сквозь толпу, бесцеремонно расталкивая односельчанок, пробился староста. Остановился прямо перед тележкой и уставился на меня тяжелым злым взглядом.

— Чего это тут? Кто дозволение дал? Ишь, удумали! И выщенок отбросовых притащили людям показать, не постеснялися! Не надобно нам тут бунтовщиков да смутьянов! Прочь!

Глава 11

Вежеслав Агренов:

— Веж, составишь компанию? — спросил поручик Шилов, откладывая перо и сладко потягиваясь в кресле. — Черт бы побрал эту канцелярщину... не могу больше. Пойдем пройдемся, воздухом подышим.

— Что? — машинально откликнулся я, отрываясь от отчета интенданта, в котором тот самый черт сломал бы не просто ногу, а все копыта разом.

— Я говорю, погода хорошая, пошли пройдемся по рынку, — Деметрис торопливо убрал бумаги в ящик своего стола и встал, одергивая мундир. — Хоть какое-то разнообразие в этой дыре. Веж, не спи, замерзнешь! Что-то ты странный в последнее время. Кажется, после того визита к вдове бунтовщика? Неужели настолько приглянулась?

— Перестань нести чушь, — сухо оборвал я, тоже встал из-за стола и взял фуражку. — С чего тебе это в голову взбрело?

— Раздражительный ты с тех пор какой-то, — фыркнул Дем. — И в стену смотришь пылающим взглядом, скоро дыру на улицу прожжешь.

Я ничего не ответил, молча надел фуражку и вышел из кабинета, выделенного нам комендантом в гарнизонной канцелярии.

Досадовать можно было только на себя самого. Кой черт толкал меня под руку написать рапорт и попроситься в конвой именно этого каравана ссыльных? А потом еще и остаться на год в гарнизоне? Гордыню потешить? Увидеть унижение бывшего врага? Отомстить? Или все же воспользоваться случаем и узнать у него, наконец...

Ничего я не успел узнать. Вся эта история со смертью брата так и осталась тайной с примесью грязи, а ублюдок Аддерли оказался бесхребетным трусом и повесился сам. Никакого удовлетворения я не испытал, наоборот...

Давно меня так не размазывали. И кто?!

Когда я впервые увидел ее в караване, даже не обратил внимания. Тем более что уже слышал историю второй женитьбы графа. Очередная столичная вертихвостка, смазливенькая куколка, избалованная дочь

богатых родителей, самонадеянная и глупая, купившаяся на павлиний хвост, громкий титул и «роковую тайну» первого попавшегося ловеласа.

Знаем мы таких девиц.

Первое впечатление было под стать — столичная штучка была в ужасе и полуобмороке оттого, что ее увезли от привычных удобств, балов, кучи горничных и туалетного столика с новомодными притираниями.

Мне было и жалко, и противно. И, признаться, даже мысли не возникало о том, что на ее попечении еще и дети. К моему стыду, я вообще забыл, что хлыщ Аддерли успел завести четверых, прежде чем овдовел. Наверное, потому, что его первая жена никогда не мелькала в светском обществе и жила затворницей. Это граф порхал по балам и сомнительным салонам, увлекался нигилизмом, крутил романы, заводил интрижки... пока не промотал состояние.

Теперь, задним числом, мне уже мерещится и вовсе несусветное. Не слишком ли вовремя умерла первая леди Аддерли, чтобы скорбящий вдовец подыскал себе новую дурочку с богатым приданым?

Но не суть. Даже эти мысли не особенно меня беспокоили, когда инспектор доложил в комендатуру о самоубийстве одного из ссыльнопоселенцев. Я был в ярости — ушел, с-сукин сын! Ушел! Струсил!

Сам взялся разбирать все бумаги, связанные с опальным графом, в надежде найти зацепку. Хоть какую-то. И ни-че-го. Черт!

Зато когда обнаружил, что жена графа теперь может спокойно уехать домой, под крылышко к маменьке и папеньке, поскольку кровных детей бунтовщику она не родила, думал, что столичная штучка рванет отсюда с первой же оказией, теряя бальные туфельки.

Вот я ей эту оказию организовать и собирался. Оплатить проезд и даже дать сопровождающего со всеми документами. В обмен на личные бумаги покойного мужа и ответы на некоторые вопросы. Мало ли... вдруг он под хмельком проболтался или во сне разговаривал. Других зацепок у меня нет.

Дети? Тут я осел, конечно. Поверил на слово инспектору, дескать, не впервые, не звери же вокруг, общество присмотрит. Попечителей найдут из уважаемых людей.

Когда хрупкая девушка с осанкой опальной императрицы с размаху влепила мне в лицо про ум, честь и совесть дворянина, я почувствовал

себя не только подонком, но и последним идиотом.

Так стыдно мне не было с тех пор, как мать поймала меня, двенадцатилетнего, подглядывающим за соседскими барышнями в купальне. Маменька тогда отхлестала по щекам и заставила извиняться перед отцом тех девушек. Хорошо хоть, не перед ними самими — решили не травмировать нежные целомудренные души.

Всю дорогу обратно в комендатуру казалось, что щеки горят огнем, как после тех материнских пощечин, хотя Бераника Аддерли меня пальцем не тронула. У меня сложилось впечатление, что она просто побрезговала ко мне прикасаться.

Чер-р-рт! Сам мог бы головой подумать, а не позволять чувству мести и жажде узнать, наконец, всю подноготную гибели брата затуманивать мне мозги. Ехал обратно, и как пелена с глаз спала: что я, не видел раньше злобной жадности в глазах деревенского старосты? Или не знал, что в трактире, имея деньги, можно «снять девочку» из горничных? Даже совсем молоденькую?

Просто думать не хотел. Заиклился на своем и прохлопал ушами. А когда меня ткнули носом, разъярился до крайности — никто не любит чувствовать себя последним недоумком.

Понятно, почему постепенно злость на себя трансформировалась в злость на эту... на эту... откуда что взялось?! И где раньше было?

Неужели скотина Аддерли настолько запугал свою молодую жену, что она при нем ни глаз не поднимала, ни голоса не подавала, вот и смотрелась куклой?

— Веж! Опять задумался? — Дем толкнул меня в плечо и вышел на крыльцо. — Хватит киснуть, смотри, какое солнце! А какие девки румяные! Кровь с молоком! Не то что бледные немочи в столице, горничную ущипнуть не за что. У-ух!

Я мрачно покосился на Шилова. Кому что, а этому пышную девку подавай в любой ситуации. А мне ни на кого смотреть не хотелось — на душе кошки скребли.

Мы с поручиком медленно шли вдоль рыночных рядов, лениво прицениваясь то к румяным калачам в черных веснушках мака, то к горшку домашней желтоватой сметаны с прожилками масла на пенной шапочке.

Дем отпускал торговкам комплименты, перешучивался с молодыми девками, ну и у меня постепенно исправилось настроение. Не то чтобы

оно стало радужным, но едкая досада немного отпустила.

Мы уже почти дошли до конца рынка и собирались поворачивать обратно к комендатуре, когда до нас донеслись какие-то скандальные вопли. Вроде староста орет?

— А там чего? — спросил Шилов, оборачиваясь на шум и с любопытством шевеля своим острым носом. Вот... не зря его в корпусе хорьком прозвали.

— Да нам какое дело, околоточный пусть разбирается, — поморщился я, но было поздно: поручиково любопытство уже потащило его в гущу толпы. Я недовольно дернул щекой и пошел следом.

Как чувствовал!

Неприятный, с какими-то злорадными привизгами голос старосты бил по ушам, пока заметившие нас деревенские бабы быстро расступались. Еще пара шагов — и я остановился как вкопанный.

Возле аккуратной на вид тележки, покрытой тканью, с разложенными на ней мелочами, загородив робко жмущихся за ее спиной детей, стояла вдова Аддерли. Все такая же прямая, со вскинутым подбородком и ледяным спокойствием в глазах, она смотрела на беснующегося перед ней здоровенного мужика и что-то негромко ему отвечала. Прочие бабы, сгрудившиеся вокруг, смотрели на собственного старосту сердито и испуганно, как на бешеного пса.

Слушать орущего жлоба было неприятно, я с досадой поморщился и уже хотел шагнуть к старосте, и тут женщина заметила меня.

— Господин лейтенант! — голос ее прозвучал одновременно вежливо и требовательно. — Мне нужна ваша помощь как мужчины и офицера. Надеюсь, вы уладите возникшее между мной и уважаемым старостой недоразумение!

Глава 12

Вежеслав Агренов:

У меня на секунду голос пропал от такой... наглости?

С чего эта дамочка взяла, что я буду ей помогать?

Нет, жлоб, который орет тут не своим голосом, — он мне отвратителен. Но она-то тут при чем?

Я уже открыл рот, чтобы задать вопрос, но вдова Аддерли меня опередила:

— Я не сомневаюсь, что имперский офицер и человек чести не пройдет мимо женщины с детьми и не оставит ее без помощи и защиты, — глядя прямо мне в глаза прежним требовательным взглядом, выдала она.

И опять меня как ушатом помоев окатили! Да потому что она права! Черт возьми! Она женщина, попавшая в трудное положение не по своей вине! Причем женщина, которая не бросила чужих ей, по сути, детей и ради них отказалась вернуться в нормальный дом к родителям... Она как раз поступила как настоящая дворянка и человек чести.

А я последний подонок. Если тут еще чем-то возмущаюсь, пусть и про себя, и считаю себя при этом мужчиной.

Меня чуть не подбросило от злости. На самого себя и на нее... Да знаю! Знаю, что на нее злиться неправильно! А толку?!

И не помочь ведь не могу. Правильно она рассчитала, черт побери!

— Вот что... м-м-м... любезнейший, — холодно одернул я пыхтящего от ярости старосту. — Объяснитесь. Что вам понадобилось от этой женщины и ее детей?

Бабы вокруг одобрительно загудели — они явно поддерживали в этом вопросе свою товарку, тоже женщину, хоть и другого сословия. Но открыто выступать против старосты опасались — он здесь, в глуши, царь и бог. Такое с непокорной сделать может, что поневоле задумаешься.

— Вы, вашбродь, не по делу суетесь, вот вам круг святой! — забухтел староста, злобно посверкивая глазками то на Беран Аддерли, то на меня. — Здеся сельский торг! И нам тута бунтовщиков не надобно! А заступаться за покушателей — то дело недоброе, не

офицерское, и...

— Ты, крапивное семя, думай, что языком поганым ляпаешь! — рыком вмешался поручик Шилов и так грозно навис своим небольшим росточком над бугаистым мужиком, что тот живо втянул голову в плечи и растерянно заморгал. — Ты, смерд, потомственным дворянам и офицерам указывать будешь, что им делать?! А ну пшел вон отсюда!

— Не серчайте, господин поручик, — староста хотя и пожух, а отступить не хотел. — Да только дело мое правое... право, сталбыть, имею! Не давало обчество ей поручительства и не даст никогда! — тут он так глянул на деревенских баб, что они аж попятились. — А без поручительства не может она тута торговать и не может!

— Я поручительство дам. Офицерское, — холодно процедил я, стараясь не смотреть на вдову Аддерли. — Этого более чем достаточно, не так ли?

Народ вокруг активно зашушукался, какая-то баба в задних рядах радостно хихикнула — старосту своего здешние, по всему видно, не очень любили. Сами против него не выступали, но поражение встретили скрытыми злорадными усмешками.

— Супротив вашего слова мы, конечно, ничего не скажем, — скрипнув зубами, выдавил жлоб. — Особливо ежели через канцелярию, сталбыть... чтоб бумажка, сталбыть... ежели чего случится, и ответчик чтоб был...

Ах ты и впрямь крапивное семя! Решил, что одно дело тут языком трепануть, а другое официально за вдову бунтовщика поручиться? Этот опарыш деревенский мне тут намекает, что я трус, трепло?!

Очень хотелось по-простому дать быдлу в зубы. Но опускаться до его уровня нельзя.

— Вот ты со мной сейчас в комендатуру и пойдешь, — ледяным тоном объявил я. — Лично засвидетельствуешь поручительство и подпись свою тоже поставишь. Чтоб сомнений ни у кого больше не было. Вперед!

— Пшел! — поручик был гораздо менее склонен вести себя аристократично и с видимым удовольствием ткнул старосту в загривок, направив его в нужную сторону. А сам развернулся и элегантным жестом подхватил руку Беран Аддерли:

— Госпожа, позвольте представиться... поручик Шилов к вашим услугам. В любое время! — и поцеловал ей руку.

Вдова ответила ему вежливой улыбкой, а у меня внутри прямо вскипела внезапная злость и раздражение. Не знаю почему, но этот... хореk, целующий руки, вдруг стал просто... ненавистен. На секунду. А потом я опомнился. Это еще что такое?! Что со мной?!

Передернул плечами, сухо поклонился женщине и зашагал прочь, подталкивая перед собой старосту.

В комендатуре все прошло быстро и буднично, только начальник канцелярии все поглядывал на меня с интересом, но мои нахмуренные брови удержали его от лишних и бестактных вопросов. Староста вякать побоялся и даже подписал поручительство как свидетель.

— Сталбыть, давайте отнесу этой... барыне-то бумагу, — предложил он после того, как писарь стряхнул песок с просохших чернил.

Мне не понравилось, как хитровато блеснули его маленькие пороссячи глазки под нависающими бровями. И в то же время я вовсе не хотел сам нести документ вдове. Не по себе мне рядом с ней...

— Свободен, любезнейший, — поручик Шилов тоже, видимо, разглядел в старосте злой умысел. — Без тебя справимся. Сам отнесу.

Вот это мне тоже почему-то не понравилось. Да просто это неприлично! Женщина только овдовела. Какой бы ни был ублюдок этот Аддерли, а муж. И флиртовать с его вдовой, когда тело толком не остыло...

— Не утруждайтесь, поручик. Раз уж я поручился за госпожу Аддерли, сам ей и передам, — к насмешливому неудовольствию Шилова, я забрал плотный лист гербовой бумаги, машинально проверил четкость печати и вышел из комендатуры, не оглядываясь.

Черт! Похоже, надо будет осадить Деметриса напрямую — намеков он понимать не хочет. Увязался следом, ловелас провинциальный.

К тому моменту, как мы вернулись на место, где стояла тележка вдовы, она уже успела распродать весь свой товар (а интересно... Я сначала думал, что женщина от бедности будет продавать за бесценок хорошие дорогие вещи, оставшиеся от мужа. Но нет. У нее там что-то другое лежало, непонятное, толком не успел рассмотреть) и с помощью старшего пасынка укладывала в телегу какие-то мешки, туески, свертки. Младшие дети держали в руках кое-как плетенные корзинки, в которых, кажется, кудахтали куры. Сама вдова о чем-то степенно и негромко беседовала с деревенскими бабами.

Удивительно. Куда делась ее дворянская спесь? Или я все сам придумал, глядя на графа, а его жену толком и не знал? Просто заранее решил, что она такая же?

Я подошел и уже хотел окликнуть женщину, но вдруг буквально напоролся на хмурый и злой взгляд подростка. Сын Аддерли выглядел чем-то жутко недовольным и на мачеху тоже смотрел сердито. А на меня и особенно на Шилову и вовсе глянул как на врагов.

— Госпожа Аддерли, смею вас уверить, все улажено! — поручик ничтоже сумняшеся опять поймал женщину за руку и поцеловал. На мальчишку он даже внимания не обратил, а зря. Тот буквально зубами уже скрипел от ярости и готов был кинуться на «благодетеля».

— Я думаю, мне следует проводить вас до дома, — тем временем усилил напор Шилов. Вот... фанфарон! Он что, не видит, что женщине уже вовсе не приятно такое настойчивое внимание?!

— Благодарю, господин поручик, но вынуждена отказаться. Я не смею занимать ваше время более необходимого, да и дорога нам с детьми знакома.

Уф, ну и правильно. И взгляд такой подарила — вроде любезный, а Шилов моментально отстал. Но по разгоревшемуся в его глазах огоньку азарта я понял — это временное отступление. И опять разозлился на сослуживца.

Шилов принялся многословно прощаться, я сухо кивнул и уже повернулся, чтобы уйти, когда она вдруг окликнула меня:

— А вас, господин лейтенант, я попросила бы задержаться... на пару минут. Если вам не трудно.

Глава 13

Вежеслав Агренов:

У Шилова был такой забавный вид. Но идти против желания женщины он не посмел, так что у нас с Беран Аддерли появилась возможность поговорить наедине. Ну, то есть... мы просто отошли на пару шагов от тележки, детей и толпы крестьянок.

— Вы что-то хотели, леди?

— Да, господин лейтенант. Я хотела попросить вас уделить еще немного своего внимания старосте, — очень серьезно произнесла вдова. — Я не склонна поддаваться пустой панике, но его взгляд на прощание мне не понравился. Нам с детьми довольно далеко идти до дома по лесу. И я была бы благодарна, если бы вы успели вовремя поднять тревогу, если заметите, что некие подозрительные личности отправятся следом.

Все мои вопросы и вся досада разом исчезли. Она права! Опять права, и как же это бесит. Случиться может всякое. В этой глухомани, в лесу, потом и тел не найдут, и виноватых не сыщут. Вот черт!

— Я сам провожу вас до дома, — я резко кивнул своим мыслям, но она меня остановила:

— Не стоит, господин лейтенант. Во-первых, не будем давать повод для сплетен. Одно дело, когда вы как благородный человек оказали мне помощь и мы с вами общаемся в публичном месте, и совсем другое — пригласить холостого мужчину на прогулку в лес. Вы же понимаете? Кроме того, заведя вас, злоумышленники всего лишь отложат свой «визит». Вы же не сможете охранять нас вечно. Лучше будет поймать их на месте преступления и раз и навсегда отбить охоту так развлекаться. Да и люди воспримут все в лучшем виде — это нормально, если вы заметите подозрительных людей и направитесь за ними, а не со мной по приглашению.

— Но... — я стиснул кулаки. Ее слова были разумными, просто мне все это не нравилось, — с вами дети. Нельзя подвергать их опасности.

— О, не беспокойтесь. Детей я отправлю вперед налегке с наказом как следует спрятаться. Если мои подозрения верны, я собираюсь

встретить опасность лицом к лицу, без детей за спиной. Сделаю самое лучшее, что может женщина, защищая потомство, — она улыбнулась, но как-то невесело: — подманю и спрячусь. А дальше вся надежда на вас.

Бераника:

— Я хотела по-хорошему, любезный, — я чувствовала, что улыбка у меня весьма неприятная, но сознательно ничего не хотела с этим делать. — Но вижу, что этого никто не ценит. В таком случае ждите разбирательств касательно аренды моей земли за все прошедшие годы.

— Ах ты с-сука! — задохнулся староста и даже вроде как замахнулся, но появление двух офицеров посреди толпы его притормозило.

Вовремя мои спасители подросли. Хотя по господину лейтенанту было видно, что он не горит желанием кого-то спасать. И мои призывы к дворянской чести его бесят. Но одновременно — он ведется, как сказала бы правнучка. Не может отказать, а мне того и надо.

Сослуживец его, правда, этакий дон Жуан провинциального разлива, чуть было все не испортил. Я и так едва сдерживала озверевшего Лисандра, слишком непривычна оказалась для подростка ситуация, где его унижает какой-то крестьянин. Приходилось так крепко держать руку мальчишки так, чтобы он от боли охал и, обжигаясь о мой гневный взгляд, сжимал зубы.

А когда «галантный» поручик полез мне другую руку целовать, Лисандра и вовсе перекорежило. Но уже по другой причине — для него я вдова его недавно умершего отца. И любой мужской интерес ко мне вызывал в мальчишке дурной собственнический протест. Ох, только этого не хватало.

В любом случае все обернулось к лучшему: офицеры ушли, забрав злобного скандалиста в комендатуру. Думаю, не начни этот вонючка наезжать на лейтенанта — не видать бы мне его поручительства. А тут нашла коса на камень.

— Ох, барыня, ты в своем праве, конечно, — торговки постепенно опять стянулись к моей тележке, испуганные дети выдохнули вроде бы, а та самая тетка, что подошла ко мне первой, покачала головой, глядя на меня с сочувствием. — Да только Диодор-то та еще тварина злопамятная. Зря ты про аренду вспомнила... Удавится за пятак, а прежде других удавит. Как бы чего плохого не вышло, живете-то на

отшибе.

Я нахмурилась. А ведь она права. Как бы не накликать визита мужиков с дрекольем. Хотя открыто этот гад полезть не посмеет. А вот нанять каторжников ему никто не помешает... нам домой через лес идти.

Кажется, сегодняшним прибытком придется пожертвовать. Вряд ли покупки уцелеют при нападении. А оно почти наверняка будет. Староста после возвращения из комендатуры близко подходить не стал, но я его взгляд из-за спин толпы оценила. Такие люди месть откладывать не умеют.

Пришлось снова давить на кнопки лейтенантского благородства, и тут уж в сторону недовольство пасынка. Хотя напрямую провожатого с собой брать — неправильно. Те самые бабы, что так хорошо меня приняли, первые языки по полу распустят — и давай мести. Одно дело честная вдова с детьми, и совсем другое — вертихвостка, которая мужиков в лес водит. Вся доброжелательность разом исчезнет.

Одна надежда, что злющий господин лейтенант, которого корежит от противоречивых чувств, все же пошлет подмогу. А моя задача — сберечь до этого момента детей и не дать себя убить.

— Не смей строить глазки этим... этим! — первым делом выпалил Лисандр, едва мы вытолкали перегруженную тележку за околицу и свернули на тропинку, ведущую к дому. Но слава тебе господи, хоть на людях скандалить не стал — что-то соображает.

— Во-первых, ты не будешь мне указывать, что делать, — спокойным голосом ответила я, быстро оглядываясь. — Во-вторых, ты не будешь спорить со мной сейчас. Так, дети. Тихо. Эмилина и Кристис, берете Шона за руки — и бегом по тропинке вперед, как только свернем туда, где нас из села уже не видно. Лисандр, бежишь следом и следишь, чтобы. Никто. Не упал. Не отстал. И не потерялся!

— Подожди, ты о... — ошарашенный подросток, который не ожидал такой резкой смены темы, упрямо выдвинул подбородок и явно приготовился препираться.

— Некогда! — я за плечо развернула его носом в сторону дома и довольно чувствительно шлепнула по затылку. — Делай, что говорят! У кувшинковой заводи свернете налево и через овраг в дубраву! Домой не ходите, понятно?! Где яма под корнями, все помнят? Сидите там, пока я за вами не приду.

Лисандр аж вскинулся, но поглядел мне в глаза и сдулся. У меня еще в прежней жизни так было — опасность и настороженность заставляли вылинять родной синий цвет радужки, а золотистое «солнышко» вокруг зрачков становилось ярче. Разок в зеркале видела — сама испугалась.

— Ма-а... — пискнул Шон. — Бера...

— Бегом! Все будет хорошо, если будете слушаться! — прикрикнула я и с радостью увидела, как девчонки подхватили младшего с двух сторон и шустро сыпанули по тропе прочь. Бледный, все время оглядывающийся Лисандр явно колебался, но чувство долга перед младшими взяло верх, и он тоже скрылся в подлеске.

Уф-ф-ф... А я неспешно покатила тяжелую тележку дальше по тропе, стараясь не попадать колесом на торчащие из утопанной земли еловые корни. Шла и прислушивалась... может, пронесет? Или уж лучше вскрыть нарыв сразу? А если лейтенант замешкается?

Глава 14

Вежеслав Агренов:

Вот за что уважаю Шилова, так это за его способность мгновенно отбрасывать шутовские манеры и становиться предельно собранным, как только дело обретает серьезный оборот.

Подозрения вдовы не показались ему пустыми, поручик прищуренным взглядом оценил рыночную площадь и пристально уставился на крыльцо кабака. Заходил ли туда староста, мы не видели, но, если он решит нанять проходимцев для грязного дельца и одновременно составить себе алиби, — лучшего места не найти.

Шилов следил за кабаком, стоя у окна в комендатуре, а я быстро вызвал пятерых караульных и велел им быть наготове. Довольно скоро наш дозорный знаком подозвал меня к себе, я как раз закончил перезаряжать свой огнестрел и подошел к окну.

— Вон те четверо, — коротко доложил Шилов. — Вышли из кабака и как-то подозрительно оглядываются. Сейчас посмотрим, куда пойдут и будут ли разделяться. А староста точно в питейной, я местному пацану грош кинул, тот сбегал, заглянул.

Когда минут через двадцать мы с Шиловым и с караульными осторожно пробирались по тропе вглубь старого ельника, я поневоле поймал себя на том, что сердце колотится чуть не в горле. И даже не от волнения, а от злости на эту самоуверенную девчонку. Как только у нее получилось заставить меня идти на поводу?!

Надо было не слушать, брать в охапку и вести домой, а на обратном пути разобрался бы со старостинскими прихвотнями. Подумаешь, сплетни! Жизнь дороже. А теперь что? Не дай бог покалечат или еще хуже — это на моей совести будет.

Чер-р-рт, зла не хватает!

— Вон они, паскудники, — хриплым шепотом сказал один из солдат, отводя еловую лапу в сторону.

Я прищурился — за бугорком тропа делала поворот, и на усыпанной старой хвоей земле лежала опрокинутая тележка. Высыпавшиеся из нее кули и мешки не давали разглядеть толком, что там происходит, только было понятно, что трое висельников с грязными

ругательствами пинают что-то, попавшее им под ноги.

У меня аж в глазах потемнело от ярости, я подумал, что это она... и уже почти рванул туда, чтобы пристрелить на месте эту падаль, но тяжелая рука старого солдата опустилась мне на плечо:

— Погоди, вашбродь, не горячись. Куль с овсом они пинают, бестолочи. А баба с детишками, по всему, убегла. Вот и ярятся. Давай-ка, вашбродь, в клещи их возьмем, шоб никто не утек. Да за брюхо-то и пощупаем.

Меня еще за Южным Хребтом отучили от дурной офицерской спеси, и к дельным советам бывалых солдат я взял за правило прислушиваться. Так что кивнул и сделал знак разойтись. Но тут же коротко вскинул руку, призывая замереть, — на тропе что-то изменилось.

— Пымал паскуду! — заорал хриплый голос в дальнем от нас ельнике, и из подлеска выбрался четвертый висельник, волоча за собой отчаянно брыкающегося подростка. — А ну не дергайся, щенок, порежу!

Тут уж стало не до стратегии и тактики, я рванул с места и уже на бегу вдруг увидел, как позади каторжника, прижавшего нож к шее подростка, что-то мелькнуло. Здоровенный мужик вдруг захрипел и начал оседать прямо на пойманного пацана. А за его спиной, бледная как смерть и такая же решительная, обнаружилась Беран Аддерли. С топором в руках.

— Лисандр, беги! — рявкнула она командным голосом, выдергивая мальчишку себе за спину и снова занося топор.

— Ах ты с-с-су-ука! — заорал один из тех, кто пинал мешок, и кинулся на женщину. — Убью!

Тут уж я мешкать не стал. Выхватил огнестрел и уложил проходимца с тридцати шагов. Ну а Шилов и караульные тоже времени зря не теряли, с боевым ревом рванули бегом сокращать расстояние до врага, а поручик еще успел выстрелить по ногам самому шустрому каторжнику, когда тот попытался бежать.

Другой подонок решил было дорого продать жизнь, а при удаче и вовсе выскользнуть: дернулся к женщине с явным намерением захватить ее в заложницы. Я заледенел на бегу — не успеваю!

Но и этот был встречен обухом топора в лоб — вдова не колебалась ни доли секунды и даже словно шагнула навстречу нападающему. Тот

все еще не ожидал от хрупкой девушки такой решимости, хотя и видел, как она уложила его собрата.

Злодей замычал, схватился за голову и осел на траву. А тут и мы подоспели.

Через три минуты все было кончено: живые и раненые висельники скручены, а труп того, который угрожал зарезать старшего пасынка Беран, отволокли в сторонку.

М-да. Пацана вон выворачивает в кустах, и неудивительно. А женщина бледна как мел, но держится подчеркнуто прямо и смотрит осмысленно. Кивнула мне с благодарностью, аккуратно положила топор на слежавшуюся хвою и пошла мальчишке физиономию утирать своим платком. Обняла его за плечи, спрятала его лицо у себя на груди и что-то шепчет тихонечко, успокаивает.

— Ай, суровая бабенка, вашбродь, — с уважением сказал старый солдат, останавливаясь возле меня и прислоняя винтовку к стволу осины. — Эк она их... Ить на вид и не скажешь, в чем только душа держится. Одно слово, знатная барыня, старая кровь. За такой и детишки не пропадут. Вона, гляди, пацана в разум привела и уже кошелки свои подбирает, как и не было побоища-то. Да аккуратно так. Хозяйственная жена — всякому дельному человеку находка. Рази такой бабе графенок пустой нужен? Слава те хосспади, круг святой, что прибрал никчемука. Терь и настоящего мужика, глядишь, пошлет.

Кто бы мне объяснил, откуда взялась в душе эта едкая досада при мысли о неведомом «настоящем мужике», которого святой круг должен послать вдове?

Бераника:

— Ну все, все кончилось, — я еще раз мимолетно погладила пасынка по трясущемуся плечу и решительно отвлекла его от невеселых мыслей: — Ну-ка помоги. Собери бутылочки, даже те, что разбились. Все равно пригодятся. Вот, молодец.

Лисандр заторможенно шарил по опавшей хвое, собирая битое темное сетекло и целые раскатившиеся пузырьки. И даже не фчыркнул, как тогда, когда я выменяла цшелую корзинку пустых ненужных бутылок на вышитые тапочки. Я на торгу не стала объяснять, что собираюсь с ними делать, и старшенький заметно надулся. А теперь ничего, не протестует. Только косится с невольным ужасом, пополам с

уважением и благодарностью.

Хотя, конечно, ни к лешему бы нам такого приключения не надо. И по заднице мальчишке стоит надавать за непослушание и ослиную упертость. Сестер отвел куда сказано и решил вернуться, герой. Чуть все не испортил.

Да не железная я, нет. Внутри не душа, а кисель противный, и трясется. Человека убила... душегуба страшного. Не жаль мне ни капли, ударила бы еще раз и не моргнула. Моих детей никто тронуть не смеет!

Вот только муторно теперь.

— Господин лейтенант, может, отправите с мальчиком одного из ваших солдат? — спросила я, когда все припасы были аккуратно сложены обратно в тележку, трое караульных под руководством поручика потащили в село пленных преступников, а решительно настроенный и мрачный Агрнев с двумя другими солдатами явно вознамерился проводить меня до самой заимки. — Пусть приведут младших. Он и один справится, но так спокойнее будет.

Лейтенант коротко кивнул, махнул самому пожилому караульному на Лисандра, поправил выбившуюся из-под фуражки белокуро-вьющуюся прядь и оттеснил меня от тележки. Сам ухватил за ручки и невольно охнул. Посмотрел на меня дикими глазами.

Я только плечами пожала и улыбнулась. Ну да, пожадничала немного, так известное дело: женщина на торгу — родственница верблюда. Дай волю, сама не заметит, как на оба горба по арбе нагрузит. А этот белокурый красавец викинг еще такой молоденький, не сталкивался с женской запасливостью.

Глава 15

— Вы же понимаете, что обвинить старосту в нападении не получится? — спросил меня мужчина, старательно направляя тачку в обход очередного узла еловых корней на тропинке.

— Конечно, — я кивнула и поправила сползший к краю мешок с крупой. — Слово уважаемого человека против слов каких-то каторжников. Это даже если те душегубы во всем признаются и выдадут нанимателя. Он просто от всего откажется и заявит, что эти висельники сами все придумали. Подслушали его жалобы на жизнь в трактире, решили пожить, а староста вообще ни при чем.

— Но на время он притихнет, — хмуро вздохнул лейтенант. — Если и возьмется палки в колеса вставлять, то по мелочи. А дальше...

— А дальше видно будет, — я оглянулась на раздавшиеся в перелеске голоса. Ага, Лисандр, девочки и Шон на руках у провожатого солдата. Младшие дети, кажется, даже не успели толком испугаться и восприняли происшествие как приключение. Зато старшего до сих пор потряхивает. — Туда еще дожить надо. Я написала письмо домой, но не уверена, что мне ответят. Маменька всегда как огня боялась малейшего подозрения в неблагонадежности и вообще любого урона репутации. Вполне возможно, как дочь я для нее более не существую. Так что придется справляться своими силами.

— Если вам понадобится помощь... — эти слова викинг явно выдавил через силу. Ему не улыбалось повесить меня с детьми себе на шею. А бросить так совесть не позволяла.

— Я постараюсь не злоупотреблять вашим благородством, господин Агрнев. И не стану беспокоить, если ситуация не примет совсем уж скверный оборот. Пока мы неплохо справляемся сами.

Странно, но мужчина еще больше помрачнел и надулся. Ждал, что я упаду в обморок, как классическая героиня в беде, или буду смотреть на него глазами раненой лани? Надо будет, стану, конечно. Но это самый крайний вариант. Не стоит тратить его там, где можно обойтись.

До дома дошагали спокойно. А у калитки я решительно попрощалась с провожатыми.

— Простите, господин лейтенант, я понимаю, что это крайне

невежливо, но не могу пригласить вас в дом. Я еще не приноровилась вести хозяйство правильно, мне нечем поприветствовать даже самых дорогих гостей. Кроме того, мне сейчас придется заняться детьми, и я не смогу уделить вам должного внимания. Примите мою самую искреннюю благодарность. Без вас мы вряд ли сумели бы выжить в этой переделке.

— Ых ты эка! — послышалось из-за моей спины, где солдат как раз ссаживал со своей шеи довольного поездкой Шона. — От оно как у господ затейливо. А и правильно.

— Не смею больше надоедать, — сухо кивнул Агреньев, и мне показалось, что он хотел о чем-то спросить, о чем-то важном для него. Но словно сам себе запретил. И сказал совсем другое: — Но настаиваю, что один раз в день сюда будут приходить двое караульных из комендатуры, чтобы убедиться, что с вами все в порядке. Угощать их не надо, но можете передать через солдат письмо или просьбу.

— Я вам глубоко признательна, господин офицер, — я действительно была ему благодарна. — Всего хорошего.

Они ушли, а я еще какое-то время простояла у калитки и смотрела вслед. Справлюсь-то я справлюсь... но без мужской крепкой руки будет трудно. Эх, викинг... правильный ты парень, судя по всему. Была б я помоложе... то есть, кхм. Но пока мне все равно некогда.

Я встряхнулась, выкинула глупости из головы и вошла в калитку.

— Так, дети! Набегались, напрыгались, устали? Значит, сейчас ужин и спать.

— Спа-ать?! — потрясенно выдохнула Эмилина и посмотрела на едва-едва вечерее небо. — Почему так рано?!

— Потому что вы устали. А кто не устал, сейчас пойдет ворошить камыш, чтобы лучше просох.

— У-у-у, — дружно протянули младшие, и Шон с обидой добавил:

— Ты говорила, на ярмарке погуляем, а мы только веревки вязали и бежали домой! Нечестно!

— Все претензии к злым дяденькам, — я пожала плечами и стала вытряхивать младшего из выходного костюмчика. — Ты зато на солдате с ружьем верхом ехал, понравилось?

— Да-а! — обрадовался мальчишка и принялся захлебываясь рассказывать, как это было.

Девчонки повздыхали и переоделись сами. Эмилина дула губы,

Кристис только жалобно смотрела исподлобья. А вот Лисандр притих и сидел на лавочке у печки, делая вид, что его вообще нет.

— А ты сбегать в кровать даже не надейся, — вскользь заметила я ему. — У нас с тобой серьезный разговор будет.

М-да, благими намерениями. Никакого серьезного разговора у нас не вышло, потому что, когда я уложила-таки младших и пришла к пасынку в его уголок, обнаружила, что мальчишка сидит с красными мокрыми глазами. Ну и...

— Ты смелый и сильный, — обнимая подростка, шептала я ему на ухо. — Просто еще неопытный и молодой. Поэтому неправильно рассчитал свои действия. Обещай мне, что в другой раз ни за что не оставишь младших и не побежишь воевать, наплевав на мои слова. Обещаешь? Слово дворянина?

— Я больше не дворянин...

— Глупости. Честь и совесть у людей в сердце и в крови, а не на бумаге. Если у тебя они там есть — ты благородный человек. Прежде всего перед самим собой. Остальное приложится. Это трудно. Вот как держать слово, несмотря ни на что. Но я в тебя верю.

Лисандр пытливо посмотрел мне в глаза и выпрямился, торопливо вытирая лицо рукавом.

— Я смогу!

— Значит, я буду тебе доверять. Нам тут легко не будет, а ты у нас единственный мужчина. На тебя вся надежда.

— Я... Беран... скажи, откуда ты там взялась? Когда этот человек меня поймал и тащил... я видел, там елочки маленькие же, почти прозрачные. Некуда спрятаться! А потом вдруг раз — и ты!

— Хм... — я сама задумалась. — Глупости, наверное. Просто я удачно стояла за кустом. Испугалась за тебя и кинулась на каторжника. Вот так и получилось.

— Да-а? — недоверчиво протянул мальчик и задумчиво умолк.

— Да, — решительно подтвердила я. Не признаваться же мальчишке, что сама не помню толком с перепугу, как это было. Или как дрожащими губами повторяла всплывшую из самых глубин памяти детскую присказку, которой научила нянюшка. «Дедушка леший, укрой и сохрани в чаще от злых людей, я тебе вином да хлебом поклонюсь!» Кстати... надо поклониться. Суеверия, конечно, но жизнь меня научила слушать интуицию и еще — держать слово, даже если оно дано

воображаемому лешему.

— Ладно, пойдем, поможешь разгрузить наши покупки. Нам еще столько всего сделать надо. Скоро зима...

— Сейчас только июнь! — поразился Лисандр. — Какая зима?

— Ты и представить не успеешь, как быстро это лето пролетит, — грустно покачала я головой. — А потом полгода темень и морозы. Мы должны подготовиться, чтобы выжить.

— Угу, поэтому ты заставляешь нас трепать крапиву об ежа, жечь еловые пни, собирать ту вонючую гадость и покупаешь на рынке пустые бутылки! — возмутился пасынок, но встал и пошел за мной в сени, где стояла тележка. — Где ты этому только научилась?

— И поэтому тоже, — я проигнорировала последний вопрос. Не рассказывать же, что мастерить эспадрильи меня научила настоящая испанская коммунистка Матильда Лаурисия Бланка Гарсия де Кастаньеро... в рабочем бараке под Нижним Тагилом.

А бутылки мне нужны, чтобы залить в них добытый из елового пня с помощью простейшей перегонки скипидар, пропустить через глиняную пробку скрученный из полоски льна фитиль и поджечь.

На свечи и настоящую керосиновую лампу мы не скоро заработаем. А освещать дом лучиной — то еще удовольствие, мигом без глаз останешься.

Нам сказочно повезло, что, роясь в полуистлевших сундуках на чердаке, я нашла настоящее сокровище — длинную, позеленевшую от времени медную трубку, закрученную в спираль. Змеевик готовый, с ума сойти! Да это же самая необходимая в деревне вещь!

Глава 16

Время шло, день за днем убегали, как вода в песок. Когда свое хозяйство, да еще такое заброшенное, как здесь, минуты считать не приходится. А за ними и часы ручьем, и дни, и недели... июнь уже за середину перевалил. А работы все только больше и больше.

Я выставила на стол кривоватые глиняные миски, собственноручно слепленные из отличной голубой глины и обожженные в нашей уличной многофункциональной печке, которую я сложила из глиняных же кирпичей по образцу той, в которой свекр когда-то гнал все от самогона до дегтя.

Это дело нехитрое: круглая глиняная труба с поддувами внизу, дно у нее воронкой вылеплено, чтобы смола и деготь вниз стекали, туда наколотый старый еловый пенек, глиняной же крышкой накрыть. Из крышки носик наружу, в который потом вставляется

змеевик. Вокруг этой трубы из глиняных кирпичей еще одна труба, это внешний кожух. В промежуток накидать горящих углей — и процесс пиролиза пошел. Снизу смола вытекает, сверху скипидар парит, в обмотанном мокрыми тряпками змеевике конденсируется и в бутылку капает. И воняет.

Дети поначалу не знали, как к этому чуду-юду относиться. С одной стороны — волшебство прямо, химия для всех. А с другой — пни тяжелые, занозистые, скипидар вонючий, смола тоже не фиалками пахнет, да еще и мажется. Полный комплект для истерики.

Эмилина даже попробовала порыдать над несправедливостью судьбы. И заполучила дежурство у печки на следующие три дня. Больше не рыдает, только сопит, кривит губки и тщательно скрывает, как ей интересно, что я еще придумаю. А я много чего могу...

Все свои «изобретения» мне еще пришлось как-то детям объяснять. Это Шон просто смотрит в рот и принимает все на веру. Старших уже легко не проведешь.

Теперь они уверены, что я училась не просто в высшем пансионе самых знатных леди, а в какой-то магической супершколе, где неизвестно зачем маленьких девочек учат выживать на Луне. Как минимум.

А что им еще думать? Вот, например: посуды в доме не нашлось, и горшки я сама соорудила — это просто. Плоская лепеха глины — это дно, а потом приплюснутым жгутом по кругу наращиваем высоту и приглаживаем мокрой ладонью. В войну научилась, когда с геологами в тайге медь искали, а экспедицию собирали наспех, еще только-только реки вскрылись, и котлы с ведрами унесло паводком с перевернувшейся лодкой вместе. Хорошо, не утоп никто...

Ложек на заимке тоже не водилось, но тут уж совсем легко: дно речушки, вытекающей из соседнего болота, было густо утыкано пресноводными мидиями. Их мы сварили и съели, а половинки раковинок крепко заклинили в расщепленных палочках — вот и ложка, не хуже любой другой!

Конечно, посуду можно было выменять в селе, невелика ценность. Но если я могу сама сделать замену — сделаю. А на рынке выменяю зерна, сала и других нужных вещей — на зиму запасы сами себя не сделают.

Как ни странно, детей этот робинзонский быт не отпугивал, а забавлял. Да и попробуй покапризничай, когда мачеха — злодейка, а аппетит на свежем воздухе такой, что как бы кашу вместе с миской не слопали.

— Итак, кто из вас сейчас правильно определит, какие травы я положила в кашу, какие в похлебку, а какие в чай, получит приз! — главное, не давать детям скучать. Ну и научить попутно нужным вещам.

Кристис торопливо выхлебала суп из своей миски, на секунду зависла, а потом радостно захлопала в ладоши:

— А я знаю, а я знаю, что здесь! Остренько, как с перцем! Это почки от васильков, чабер и розмарин! Ты утром говорила, что в со-четании... они заменяют острую приправу!

— Умница. Теперь кашу ешь, — похвалила я. — Вечером, после того как сделаем массаж рук, сошью тебе куклу.

— Ой! Настоящую?! Вот только... Массаж... — скривилась Крис, а Эми повторила ее гримаску. — Это больно... и скучно.

— Если ты хочешь остаться настоящей леди, то за руками надо ухаживать каждый день.

— А зачем ты жестким полотенцем ногти трешь? Как будто от этого они чище!

— Не чище, а лучше. Если отодвигать кожицу с ногтей каждый

день, то, когда вырастете, они будут красивой овальной формы.

— Правда? — удивилась Эми и посмотрела на свои ноготки, из-под которых я каждый вечер заставляла аккуратно вычищать грязь.

— Правда. Доедайте, нам еще сегодня бортики для картошки перестраивать.

Ответом был уже привычный дружный стон.

А что делать? Одна я не справлюсь. И так каждый день... то тюлень позвонит, то олень. В смысле, забот столько — не знаешь, за что первое хвататься.

Кстати, стихи Чуковского на ура пошли, и теперь дети распевали тюленя и оленя на самодельный развеселый мотив, помогая мне наплетать новый уровень бортиков к контейнерам с картошкой.

Один куст у меня на семена пойдет, а остальные семнадцать... Был такой журнал «Наука и жизнь», мы с дедом там вычитали, как вырастить из одного картофельного глазка мешок картошки. Попробовали — получилось. Красота — не два гектара кустов окучивать, а два десятка всего, засыпая их постепенно так, чтобы только верхушка из земли торчала. Потом опалубку вокруг куста разбираешь, а там мешок клубней.

Уф-ф-ф... А еще в последнее время мне постоянно кажется, что со стороны леса за мной кто-то наблюдает. И это не солдаты, которые навещают нас регулярно, раз в день. И не какой-то тайный злыдень из деревни.

Внимание оттуда ощущается такое... относительно доброжелательное. И нечеловеческое.

Вот как это объяснить нормальными словами? Не знаю. Кто из лесных зверюшек съел тот пирожок, что я в самую чащу ельника отнесла, и кто выпил купленное в селе молоко из глиняной мисочки под кустом? Да бог его знает, любой ежик мог. Хотя бы из тех, об которых девчонки крапиву чешут — я поймала парочку и устроила им временный загончик. Подкармливала лягушками. И ежи сыты, и очески готовы.

Короче, в мистику мне не очень верится. Но я не могу не замечать, как в последнее время мир вокруг словно... оживает?

Например, караульчиков наших, что из села по тропе идут, я слышу задолго до того, как они вынырнут из-за пригорка. Первые несколько раз не слышала, а теперь даже если в подполе вожусь — как

локтем в бок кто толкает: идут!

Вот и сегодня, я выпрямилась, вытерла локтем мокрый лоб и уже хотела пойти к дождевой бочке помыть руки, когда это странное чувство снова меня настигло. Я резко повернулась в ту сторону, откуда обычно приходили гости.

Это не караульные... это кто-то другой. И один. И очень быстро двигается.

— Дети, в дом! — скомандовала я, быстро отбирая у Эми плетенку, с помощью которой она таскала мне свеженакопанную землю, и подхватывая на руки Шона. — Лисандр! На чердак их и сидите тихо, как мыши! Помнишь наш разговор? Ты слово дал.

Пасынок хмуро кивнул и потащил сестер к лестнице, которую мы только вчера связали с ним из двух длинных жердин. Влезут на чердак позади дома, втянут ее наверх, и какое-то время никто не догадается, куда дети делись.

А я пока встречу тебя, гость неожиданный, кто бы ты ни был.

Глава 17

Вежеслав Агренов:

— Так что же заставило вас, боевого офицера, перед которым открывались блестящие перспективы, разом перечеркнуть все и попросить перевода к нам? — начальник гарнизона внимательно всмотрелся в меня из-под седых нависающих бровей.

— У меня были личные причины, господин полковник, — этот разговор у нас уже не раз повторялся, и я уже привычно старался отвечать коротко и безэмоционально.

— То есть, князь, вы даже не скрываете, что не оставили дурную мысль расследовать гибель брата, не удовлетворившись официальной версией? — полковник тяжело вздохнул и положил на стол какое-то письмо.

— Ваш батюшка, князь, весьма... обеспокоен вашим упрямством. Да и мне оно не по нраву. В любом случае граф Аддерли покончил с собой и ничего не сможет никому рассказать. Если вы сию минуту напишете рапорт о переводе, я незамедлительно наложу на него положительную резолюцию и дам делу срочный ход.

— Благодарю, господин полковник, но я предпочел бы дослужить положенный год в гарнизоне, — побольше спокойной уверенности в голос, особенно из-за того, что в душе я ее не чувствую.

— Вот упрямец! — начальник гарнизона резко ударил ладонью по столешнице и откинулся на спинку кресла, недовольно топорща густые моржовые усы. И сразу стал похож на привычного старого дедовского друга, а не на сурового начальника. — Да что тебе здесь — медом намазано, Веж?! Все, нету больше Аддерли. Успокойся, езжай домой, навести отца, женись уже, наконец! Ты один наследник у Агреновых остался, сколько лет уже прошло, оставь ты эти мысли! Тех каторжников, что Варислава убили, повесили давно! Все! Закрыто дело. Даже родители твои смирились, а ты все память им баламутишь, все ищешь чего-то.

— И тем не менее, Архип Коратьевич, — я упрямо склонил голову. — Я дослужу год. А дальше видно будет.

— Уж не вдова ли Аддерли тебе покоя нынче не дает, друг

любезный? — прищурился полковник. — Это ты брось... Хотя, конечно, женщина она видная и с характером. И происхождения доброго. Но батюшка твой, как и матушка, благословения своего никогда не дадут, не обессудь. Вдова бунтовщика, да еще какого — того самого Аддерли. А если... — тут он повысил голос, упреждая мое гневное желание возразить, — а если ты позабавиться хочешь, да и только, тем более оставь! Не дело это, и князю, офицеру, неместно!

Я уже набрал в грудь воздуха, чтобы возмутиться, но Архип Коратьевич повелительным жестом прервал мое намерение:

— И не возражай! А ты подумай! Поручительства он раздает, понимаешь... А ну как чего выйдет? И караульных каждый день гонять — тоже, знаешь... Ну ладно, ладно! Не отменяю я твоего приказа! Сам понимаю, что женщина там с детьми одна. Да только проку с того, что там раз в день солдаты мелькнут, не много. Ладно... дело молодое. Только разговоры уже пошли, Веж, не о себе, так о репутации вдовы подумай.

— Надеюсь, вы понимаете, насколько безосновательны и нелепы эти предположения? — сквозь зубы процедил я, резко встал со стула для посетителей и четко, сухо поклонился, чуть коснувшись подбородком груди. — Не смею более отнимать у вас время, господин полковник. Разрешите идти?

— Да иди уже... Как был в детстве медведенок упертый, так и остался, — вздохнул начальник гарнизона. — Скажи там адъютанту, пускай прикажут аракской малую стопку занести, с закуской, и коня седлают. Утомил ты меня, домой поеду.

Я вышел на крыльцо комендатуры и вдохнул вкусный слепополуденный воздух. Близость леса наполняла все вокруг свежим запахом хвои, поспевающей земляники и медвянки. Даже сельский дух перебивало.

Настроение, вопреки всему, было не такое уж пасмурное. Но тут я вспомнил Беран Аддерли, и она снова, помимо моей воли, захватила все мысли.

Признаться, после того как я проводил женщину до ее дома, а также по собственной инициативе предложил навещать ее и передавать через караульных просьбы или письма, я первые дни ждал, что просьбы эти посыплются градом.

Ну не могла она не воспользоваться ситуацией! Видел я —

прекрасно понимает, что поймала меня в ловушку. Если я человек чести — не смогу отказать женщине в стесненных обстоятельствах.

Ждал, злился, на нее, на себя. Мне не жалко помочь! Отвратительная ситуация, когда я это делаю из чувства навязанного долга. Под напором умелых манипуляций.

И не дождался. Караульные приходили с заимки, докладывали, что у вдовы с детьми все в порядке, и уходили в казарму. Ни одной просьбы. Словно я и не обещал ничего.

Как она там справляется одна, я не мог понять! С четырьмя детьми! Денег у нее нет: это смешно — считать деньгами мелочь, которую она могла выручить в рыночный день. Припасы выменяла — максимум. Никаких денежных переводов из центральных губерний не поступало. Мать Беран, госпожа Коршевская, пока не ответила на письмо дочери, и я склонялся к мысли, что вдова права: родня постарается забыть жену опального графа и порвать с ней всякие отношения. Староста затих, вопрос аренды земли больше никто не поднимает, и я понимаю Беран — в ее положении это небезопасно. Нет у нее сил судиться.

По докладам солдат, Аддерли не голодают. Дети выглядят здоровыми, вдова тоже. Дом потихоньку обустраивается, хозяйство налаживается. Каждый раз новости — то печь они там с детьми во дворе особую сложили, то картошку посадили в странные короба, то колодец у ворот почистили. И еще, и еще.

И это тоже вызывает множество вопросов.

Бераника Коршевская — дочь очень и очень состоятельных помещиков. Даже когда император-освободитель, после того как наша Славская империя выиграла войну с Галльским Союзом и прошла маршем от Полонской границы до белых обрывов полуострова бриттов, в честь великой победы даровал волю крестьянам, бароны Коршевские остались при изрядном состоянии и обширных землях в самых плодородных губерниях.

Многие тогда разорились, особенно мелкие помещики. Обрабатывать поля без рабского труда оказалось не так просто.

Но прадед Бераники сориентировался быстро, одним из первых выдал вольные своим крепостным и раздал им землю в аренду. И почти ничего не потерял.

Так вот... Бераника росла как принцесса. Ее баловали, обучали тонким искусствам и изящным наукам, приличным для молодой

баронессы. Но никак не учили сажать огород, ухаживать за курами и строить печь!

Меня не удивляло, что вдова Аддерли свободно говорила с детьми и на языке бриттов, и на славском наречии, не делая между ними пауз. Без акцента говорила. Насколько я знаю, она так же хорошо владела галльским и дойчским — эти народы вошли в империю после великой победы и давно стали равноправными ее гражданами.

Но она родом из западных славских земель, а там язык хоть и наш, общеимперский, но говор свой. Неужели в столичном пансионе настолько выправили девушке произношение, что ее не отличить от уроженки центральных губерний?

В этой женщине слишком много загадок. И я уже не отступлюсь, пока не разгадаю их. Мне просто любопытно... что такая умная женщина могла найти в пустом павлине Аддерли? Что она знает о его прошлом и связях с бунтовщиками? Может ли дать мне подсказку?

Так или иначе я решил. Поеду и... просто посмотрю на все своими глазами. Сначала посмотрю. Насчет того, как поговорить с Беран о бумагах ее мужа, я подумаю после того, как составлю полное мнение.

Глава 18

Вежеслав Агренов:

Когда я подъехал к заимке, вопросов у меня стало еще больше. Прошло... сколько? Две с небольшим седмицы с того момента, как я тут побывал в последний раз? Да, всего лишь июнь идет к концу. А дом и двор не узнать.

Это колдовство какое-то. Даже слегка покосившийся могучий лиственничный сруб словно стоит прямее, хотя это просто невозможно.

Но на крыше у него заплатки из свежей дранки, крыльцо точно подровняли — вон сбоку брус упирается. Мощный бурьян, которым был завоеван весь двор, исчез, и не просто куда-то, а с некоей непонятной целью уложен в аккуратную гору сбоку от курятника...

Курятник! Кто — КТО?! — мог научить дочь баронов Коршевых, как сплести курятник из лозы и сухих стеблей камыша? Навес над колодцем тоже крыт камышом...

Какие-то непонятные ящики сбоку от дома, из них сиротливыми макушками торчит картофельная ботва.

Чисто выстиранные вещи сохнут на веревках вдоль забора. Да и плетень починили, и калитка больше не болтается на одной петле. Сбоку, там, где двор обрывался старым заросшим прудом, тоже какие-то странные приспособления виднеются.

Все это совершенно неожиданно и невероятно. Я слушал доклады караульных, но масштаба себе даже не представлял. Поневоле закралось воспоминание о словах солдата: «Святой круг никчомука прибрал, теперь пошлет нормального мужика». Уже послал?!

Какое-то незнакомое отвратительное чувство захлестнуло на секунду так, что в глазах потемнело. Еле отдышался, сжал зубы — в конце концов, личная жизнь вдовы меня не касается. И вошел в калитку.

Кстати, во дворе удивительно тихо и пусто, дом словно вымер. Где дети, где сама Беран?

И тут же увидел, как женщина выходит из-за дома. С запозданием пришла мысль, что мое появление заметили раньше, чем разглядели, что это именно я. Опасаться незваных гостей у здешних обитателей есть серьезные причины.

Женщина спокойно шла ко мне, солнце за ее спиной уже садилось за резную кромку векового бора, и его ало-золотые лучи подсветили тонкий силуэт, сквозь просторный сарафан обрисовывая тонкую, но весьма... женственную фигуру.

Я поневоле залюбовался, а потом резко отвел глаза, снова чувствуя себя подростком, застигнутым за преступным подглядыванием.

— Рада видеть вас, господин лейтенант, — Беран улыбнулась спокойно, без капли кокетства, но так, что я поверил и удивился: действительно рада. Просто по-человечески. — Что привело вас в наш скромный приют?

И она склонила голову к плечу, ожидая ответа. А я вдруг замешкался. Точнее, смешался. Зачем я приехал? Посмотреть, как они тут живут, и, если все достаточно плохо, опять предложить помощь в обмен на архив графа? Потешить свое любопытство, разузнать, где попавшая в трудное положение женщина научилась справляться с невзгодами? Или удостовериться, что она не нашла себе нового мужа?

Сейчас вдруг это намерение показалось мне постыдным.

— Я... хотел посмотреть, как у вас дела и не нужна ли помощь, — вышло довольно мрачно, потому что я был зол на самого себя.

— Значит, проходите, будем рады гостю, — вот как у нее получается? Сказала формальную фразу, какую всем говорят, а мне уже кажется, что именно я — дорогой гость и меня ждали. И не для того, чтобы что-то выпросить, а просто так.

Я даже на секунду задумался: может, в этом главная хитрость? Ничего не просить, и тогда сам все предложу?

Потом зло дернул щекой: до чего меня моя вечная подозрительность довела, вижу подвох в обычной вежливости и приветливости, жду корысти там, где женщина ведет себя просто... так, как и должна вести себя дворянка в бог знает каком поколении.

Другое дело, что весь мой прежний опыт говорит: и родовитые дворянки большей частью корыстны и лживы. Насмотрелся.

Но никто из моих прежних знакомых не стал бы жертвовать собой ради чужих детей, и этим все сказано.

Вслед за хозяйкой я поднялся на крыльцо и вошел в дом. В который раз поразился: как все изменилось!

Нет, не появилось каких-то дорогих вещей, все та же изба. Но стало... уютно. Я затруднялся определить, что делает этот уют таким

осязаемым, да и не мужское дело женские секреты разгадывать. Запах, что ли, изменился? Или чистота?

Но теперь в этом доме вдруг захотелось задержаться подольше, просто сесть за стол, попробовать нехитрое угощение, полюбоваться спокойными, несуетливыми и уверенными движениями хозяйки.

В комнату между тем просочились неизвестно где прятавшиеся дети, я их заметил, только почувствовав на себе хмуро-ревнивый взгляд старшего.

Бераника:

Мне искренне интересно: узнает ли господин лейтенант в щак лягушачье мясо? Лисандр вон после почти месяца такого питания сделал для себя открытие и несколько дней ходил слегка пришибленный, с круглыми и выпученными, как у тех лягушек, глазами.

Но, что показательно, ел. И младшим не сказал ни слова. Истерика в исполнении девочек мне еще предстоит, но чем позже она случится, тем меньше будет разрушений. Потихоньку вымывается из моих барышень барская брезгливость, что поделать, и я такая, и жизнь не сахар.

Вообще за господином Агрневым было забавно и... приятно наблюдать. Давно я не сталкивалась с мужчиной, так ярко воплощающим в себе тот далекий-далекий тип настоящего офицера и дворянина, которым в моей юности грезилась каждая пансионерка.

Ностальгия — странное чувство. А первая любовь не забывается и на пороге ста лет, и даже в новой жизни. Мой Сашенька... Князь Вежеслав совершенно не похож на него внешне. Но удивительно схож душой, повадками, реакциями и тем неуловимым, от чего вдруг на секунду замирает сердце.

Я вздохнула, грустно улыбнулась собственным мыслям и решительно задвинула их в самый дальний угол сознания. Не время сейчас, и не место.

Дети тихонько просочились сначала в комнату, потом за стол, пока я проявляла гостеприимство и ухаживала за князем. Хитрые паршивцы, углядели, что я самое вкусное достала, и теперь поблескивают умильными глазками, как котята над мисочкой с молоком.

Один Лисандр строг и насуплен: этот охраняет свою территорию от чужого самца. Смешной такой, господи, и ужасно трогательный. Я сама

не поняла, когда я успела привязаться к нему и ко всем остальным детям. Они теперь по-настоящему мои, это свершившийся факт.

— Что нового слышно в селе и вообще в мире? — поддерживать за обедом светскую беседу так, чтобы гости не давились угощением, надо уметь. — Мы ведь здесь как на необитаемом острове.

Агрнев чуть слышно вздохнул над своей слегка кривоватой (как умею, так и слепила) миской щей и поднял на меня слегка ошалелые глаза. Не видел раньше такой посуды? А вот.

— Ничего особенно нового, леди Аддерли, — после короткой паузы сказал он. — Я, собственно, зашел сказать вам, что напавшие на вас негодяи после короткого расследования осуждены на каторжные работы и уже отправлены дальше по этапу на север. Можете быть спокойны.

— А староста, значит, содействовал расследованию? — с горькой усмешкой предположила я.

— Совершенно верно, — Вежеслав нахмурился. — Но вам нечего опасаться, во всяком случае пока я служу здесь. Пришлось поговорить с господином Диодором неофициально, но я вас уверяю, он меня понял правильно.

Глава 19

— Слишком часто появляться в селе вам не стоит, — продолжал пояснения мужчина. — Незачем дразнить собак. Но если возникнет надобность — приходите смело. Сюда к вам, надеюсь, в ближайшее время без приглашения никто не наведается. Караульные будут появляться по-прежнему, раз в день, мне удалось провести через канцелярию официальный приказ.

Князь Агренов говорил спокойно, негромко, а мне все чудилось какое-то напряжение в его голосе, словно он все хочет что-то спросить и не решается. Сам себя останавливает.

Не стесняется, не робеет, но не хочет... чего? Беспокоить лишний раз? Странно. Не понимаю.

— Еще раз хочу повторить вам свое предложение, леди Аддерли: если вам понадобится что-то, передайте просьбы через караульных.

Я вздохнула. Похоже, для того, чтобы решиться на некую просьбу, мужчине сначала надо заслужить... не знаю, моральное право? Спасение нас от каторжников он не считает достаточным поводом и как настоящий русский офицер... то есть славский офицер, полагает это своим долгом, которым он чуть было не пренебрег.

Ему надо заслужить мое доверие и право на просьбу чем-то другим, более личным. Ну что же...

— Пожалуй, одну просьбу я могу вам озвучить, князь. Нам нужны учебники за все гимназические классы. Желательно подержанные и недорогие, чтобы я смогла их оплатить, не урезая свой бюджет до жизни впроголодь. А ближе к зиме, возможно, — кто-то из наиболее благонадежных ссыльных, готовый за весьма умеренное вознаграждение обучать моих детей. Вы сможете найти и порекомендовать мне такого человека?

Тишина в комнате после моих слов воцарилась абсолютная. Все, и дети и лейтенант, смотрели на меня слегка ошалелыми глазами.

И что такого я сказала? Они всерьез думали, что я оставлю детей без образования?

Нет уж. Я одну жизнь уже прожила и усвоила твердо: чем больше человек знает и умеет, тем лучше он живет. И мои дети не будут

неучами!

— Учиться? — как всегда, первой рот открыла самая разговорчивая — Эмилиная. — Но... когда... мы и так... Ма... Бера! Мы и так заняты с утра до вечера, и вообще, это скучно!

— Хм, — я решила, что сейчас самое время объяснить детям некоторые важные вещи, ну а лейтенант... да пусть тоже послушает. — Скажи мне, дорогая, тебе что, так понравилось копать землю и чистить курятник от помета, что ты собираешься заниматься этим всю жизнь?

И снова изумленное молчание в ответ. Я тихонько усмехнулась, обвела сидящих за столом глазами и подперла подбородок рукой.

— Нет, если тебе это по душе, я ничего не имею против. Любой труд достоин уважения. Но мне казалось, что мои дочери хотят вернуться в столицу, достойно жить там, возможно выйти замуж. А сыновья не ограничатся тем, что будут копать канавы для полива огорода. Станут достойными людьми, вернут себе дворянство. Нет? Никто не хочет?

— Хотим, — пискнула Кристис и тут же покраснела, попытавшись сползти на самодельном табурете как можно ниже.

— Тогда не понимаю вашего нежелания учиться, — я пожала плечами с самым недоуменным видом. — Вот представьте себе: через пять лет приезжаем мы в столицу, идем по улице и видим... ну, например, ваших прежних подружек. Они уже взрослые девицы, наверняка закончившие пансион, свободно разговаривают не только по-славски или бриттски, но, как любая образованная дама, еще и по-галльски и дойчски. И эти юные дамы обсуждают последние романы, которые читали на одном из этих языков, а также умеют поддержать беседу с любым образованным молодым человеком их круга — на самые разные темы.

И тут вы. Красивые такие. Мало того что бывшие ссыльные, так еще и неграмотные, поговорить с вами не о чем, языков не знаете, можно про вас в глаза гадости щебетать с улыбкой, а вы и не поймете. Нравится такая перспектива?

Ох ты какое, оказывается, у моих детей богатое воображение! Не только Кристис и Эми с лица спали. О чем-то очень похожем подумал Лисандр, увидел, скорее всего, внутренним взором кого-то из прежних приятелей и вообразил ситуацию в лицах. Его аж перекосило. И даже Шон приоткрыл рот от потрясения, а потом насупился и стал похож на

сердитого ежонка.

Князь же Агренов несколько раз моргнул и вдруг посмотрел на меня с таким уважением, что мне даже немного неловко стало. Но я себя одернула и продолжила хитро-воспитательную работу:

— Лисандр, с тобой нам придется особенно потрудиться. Ты наследник рода, на тебе основная задача вернуть ему честь и дворянство. Значит...

— Я думал... — Лис вскинулся, понял, что перебил меня, да еще в присутствии чужого, сильно смутился, но упрямо продолжил: — Я думал, что, когда пройдет пять лет, я сразу поступлю на службу в армию, попрошусь туда, где бои, и там...

— Совершишь подвиг, — кивнула я и вздохнула. Мальчишки во все времена, во всех мирах одинаковы. — За который тебе вернут титул.

— Посмертно, — вдруг вмешался до сих пор молчавший князь и посмотрел сначала на меня, словно спрашивая разрешения. Я едва заметно опустила ресницы, и он перевел взгляд на непримиримо сжавшего губы Лисандра:

— Послушайте, наследник Аддерли. Я ни в коем разе не хочу вас унижить или подчеркнуть некоторую... несбыточность вашей мечты. Но позволю себе дать совет опытного человека. Вы забываете, что, не будучи дворянином, вы не сможете претендовать на офицерскую должность. А солдатская доля мало того, что тяжела, она еще и очень редко вознаграждается по заслугам. Я не сомневаюсь в вашей способности совершить подвиг во имя родины, — Агренов говорил и смотрел абсолютно серьезно, в его голосе не было даже намека на пренебрежение или насмешку, — в вашей храбрости я имел честь убедиться лично. Но скорее всего, за ваш подвиг наградят вашего начальника. Учитывая пятно на репутации вашего рода, вы годам к сорока сумеете дослужиться до унтер-офицерского чина. И дворянство вам вряд ли вернут. Кто все это время будет обеспечивать и защищать вашу мать и сестер?

Я видела, как сжался Лисандр от этих слов. И малодушно подумала: хорошо, что их сказала не я! К тому же, здесь и сейчас веры мужчине будет больше. Даже тому, кто не вызывает никаких симпатий.

Но тут главное вовремя вмешаться, что я и сделала:

— У нас есть другой выход, — твердо, уверенно. — Именно для этого тебе надо получить не просто хорошее, а блестящее образование.

Пройти гимназический курс, сдать экзамены при округе с отличием и поступить в университет. Туда, где твои склонности лучше всего пригодятся, например на горного инженера, или на механический факультет, или... много вариантов. Человек с университетским дипломом — это твердо стоящий на ногах мужчина, который может обеспечить себя и семью. А если ему захочется посвятить свои таланты армии, то и в войска он попадет уже не простым солдатом, верно, господин офицер?

— Верно, — кивнул Агренов, — инженерные специальности в войсках востребованы и уважаемы, наследник Аддерли. Это действительно хороший шанс для вас. Я приложу все усилия, чтобы помочь.

Он встал и коротко поклонился:

— А теперь разрешите откланяться. Благодарю за гостеприимство и ужин, как только я сумею решить этот вопрос, я дам вам знать.

— Большое спасибо, господин лейтенант, — я тоже встала и пошла провожать гостя до калитки.

Шла и думала — интересно, чего же тебе от меня надо, белокурый викинг? Ты прямо рвешься оказать услугу, но чего попросишь взамен? Не делаю ли я ошибку, соглашаясь на твою помощь?

Да нет... даже при твоём непонятном интересе, нет в тебе подлости, князь. Я чувствую. Подлости нет, а тайна есть.

Глава 20

Лейтенант уехал, а наша жизнь вернулась в привычную колею. Некогда было думать о чьих-то тайнах и проблемах, тут со своими бы разобраться.

Поднимать хозяйство с нуля — это забыть, что такое сон и отдых. Нам очень повезло, что я попала сюда в конце весны: если бы осенью — вряд ли бы мы смогли выжить.

Да и сейчас по-настоящему сделать запасы на зиму не так просто. Картошка, огород, лягушачий пруд, рыба в ручье, куры на яйцах — это хорошо. Но мало.

А для того, чтобы закупить вдоволь крупы, зерна и мяса, тапочки шить недостаточно.

Как только в лесу пошла первая ягода, про нормальный отдых окончательно забыла не только я, но и дети. Мне их было жалко, а куда деваться?! Не справлюсь я одна. Поэтому вставали мы до свету и ложились, когда долгие летние сумерки уже почти сливались в ночную тьму.

Как пригодились мои странные, словно проснувшиеся способности! Нет, я и раньше, будучи на Земле, лес любила и понимала. Но теперь... самые ягодные места, самые безопасные тропинки словно кто-то нарочно стелил прямо под ноги. Только собирай, только работай! И поблагодарить не забудь, лешего ли, лес ли — какая разница?

Я, конечно, старалась в течение дня дать детям отдых — в соответствии с возрастом. А еще — сделать самую нудную и рутинную работу интереснее хоть немного. Так уж случилось, что за долгую жизнь кем я только не была, но дольше всего — сельской учительницей. Ну а что?.. Детей даже в ссылке у края земли учить надо. А я была самая грамотная.

И тетрадки мы из старых обоев шили, и прописи выводили между строк старых газет. Потом полегче стало, но, когда в селе всего двадцать ребятишек, от семи лет до шестнадцати, учительница у них одна на всех. И директор она, и библиотекарь. И литератор, и физик, и химик... Вместе со старшеклассниками сидели вечерами и разбирали учебники, решали задачки, помогали друг другу. Лучшие годы были, несмотря на

голод-холод.

А здесь их всего четверо, да разве я не придумаю, как сделать детскую жизнь интереснее и полнее? Чтобы они не возненавидели лес, чтобы узнали его и полюбили, как я, чтобы не потеряли радости знакомства с миром.

Зачем мне в таком случае какой-то приходящий учитель? Да просто все. Бераника получила блестящее образование... для женщины. И девочек я обучить смогу, потому что четко знаю, какие к женскому образованию здесь предъявляются требования. А парни? Мое земное знание физики-химии тут не спасет, я понятия не имею, что именно и как преподают в Славской империи. Какие области этих наук уже открыты, какие нет. Могу только предполагать. Потом, когда по урокам и учебникам сориентируюсь — посмотрим, может, что-то и подскажу.

А пока землянику мы собирали под сказку про горшочек и дудочку, потом наперегонки, потом пели хором все детские песни из мультиков, какие я только могла вспомнить.

— А-а, крокодилы-бегемоты! — выводили хором девчонки, на четвереньках переползая от одного куста с красными ягодками к другому.

— А-а, обезьяны-кашалоты! — подхватывали мальчишки с другого конца поляны.

— А-а, и зеленый попугай! — орали мы все хором и принимались хохотать.

Иногда мы изображали разведчиков и подкрадывались к ягодам ползком — в восторге были все, от шестилетнего Шона до взрослого, всего из себя солидного Лиса. Иногда устраивали великую битву, разделившись на два войска: одно наступало с левого края поляны, другое с правого, а главное сражение случалось посередине, где надо было наперегонки «завоевать» все до последней ягодки.

В общем, собирать дары природы детям даже нравилось, а вот обрабатывать, перебирать, чистить, мыть и сушить... ну да, мучительно и скучно. Но вот если дать задание каждому придумать сказку и рассказать остальным... или, например, устроить викторину по галльскому алфавиту; ну, на худой конец, поиграть в слова и города. Причем слова можно не только из славского языка брать, а из любого, с условием, что ты можешь объяснить, что это слово означает.

А еще рассказать, как когда-то галльский император собрал войско

всего запада и пошел войной на восток. Да просчитался, все проиграл, и стали земли запада частью Славской империи, их жители — ее полноправными гражданами.

Ну или про то, как устроена земля, что есть такие науки, как химия и физика, что с помощью законов механики можно делать настоящие чудеса, а простой солнечный свет может оказаться волшебным.

Все четверо страшно удивились, когда я им сказала, что это и есть учеба.

— Ма-а... почему ты раньше не говорила, что учиться так весело?! — высказал претензию Шон.

— Да ничего не весело, — вздохнула Эми, кидая в глиняный горшок очередную горсть очищенной земляники. — Это просто ма... Бера все выдумывает. Я... не знаю... — она явно заколебалась, закусил губу и вдруг задала вопрос: — А нам обязательно... возвращаться?

Я прекрасно поняла, что имела в виду моя... да моя уже, моя дочь. Я с самого начала для себя решила, что эти дети мои, и говорила об этом вслух всем: себе, чиновникам и самим детям. А теперь и они начинают в это верить.

Так вот, я поняла, о чем говорит Эми. В их прежней жизни было много слуг, вещей, «цивилизации», игрушек... и много-много скуки. А еще — несвободы. Отец, да и Бераника, уделяли им времени не больше принятого в других семьях, в основном они были предоставлены себе и гувернанткам. Не всегда, прямо скажем, наделенным педагогическими талантами. Зубрежка и муштра, муштра и зубрежка, а в перерывах сиди и не отсвечивай, потому что «хороший ребенок» — это такой, которого не видно и не слышно.

Ну а сейчас... Про нормы этикета мы и здесь не забывали, но разве сравнить? И уж чего-чего, а скучать было точно некогда.

— Лето кончится быстро, — вздохнула я, на глазок прикидывая, достаточно ли ягоды в горшке и можно ли уже давить и заливать. — Это сейчас здесь относительно тепло, и есть еда, и можно гулять и купаться. Ты вспомни, что было, когда мы только приехали.

Вспомнили все, в том числе и я — памятью прежней Бераники. Содрогнулись тоже дружно. Но что-то теплое в душе осталось — скромность скромностью, но я же прекрасно понимаю: это моя заслуга, если детям тут стало так хорошо, что они даже перестали мечтать о возвращении.

— Лис, завтра за дровами. Помнишь, левее ложка сухостой? Весь надо свалить, распилить, привезти и порубить. Я узнавала, это наша земля и прореживать лес мы имеем право. Угля же не напасемся.

Лисандр только вздохнул. Он уже давно не пытался отлынивать, особенно когда я наглядно — на его старом камзольчике — продемонстрировала, насколько рубка дров каждый день в течение месяца изменила его фигуру. В плечах одежда уже трещала так, что и натягивать было страшно. Но и поленница под камышовой крышей росла не по дням, а по часам.

Лис ошалел и возгордился собой — любому мальчишке доказательство его взросления и силы по нраву. А я вздохнула — новую-то одежду на этого юного Шварценеггера мне из чего-то шить... а осеннюю-зимнюю обувь?! Это вам не тряпочные тапочки. Это посложнее.

Но в целом мы справлялись, и я смотрела на жизнь с оптимизмом. Самая главная крестьянская валюта уже на подходе — все горшки были заняты постепенно забродившей ягодой.

Ну да. Самогон — это то, без чего в селе не выжить. Уж мне ли не знать. И крышу крыть, и огород копать, и дров привезти, и... и что угодно можно купить на эту жидкую валюту. А главное — мужскую силу нанять там, где мы с детьми сами не справимся.

Конечно, в деревне самогон всегда гнали чуть ли не в каждом дворе. Несмотря ни на какие запреты. Но... но.

Это дело тоже имеет множество своих хитростей, а «потребитель», хоть и неприхотлив частенько, быстро распробует, после какого пузыря у него поутру башка не трещит, а во рту нет привкуса кошачьей мочи. Да и пьется хороший продукт мягонько, но жарко.

Вот уж тут меня учить не надо. Столько хитростей в памяти осело — в пору академиком самогоноварения заделаться. Сделать градус из ничего — и то умею, а уж когда лес под боком... Кстати, березовый уголь надо в закрытой посуде без доступа воздуха прокалить. Активированный пригодится, не только самогон отфильтровать, но и для других целей.

Жизнь налаживалась. Пока в один прекрасный день у меня по спине не пробежал знакомый холодок — я узнала это ощущение. Лейтенант едет. И он чем-то встревожен... и очень сильно.

Глава 21

Вежеслав Агренов:

Я так и не решился заговорить с Беран о бумагах ее мужа. Сам не знаю, мне вдруг показалось низко пользоваться ее бедственным положением ради собственных целей. Хотя буквально за несколько минут до этого я ничего плохого в равноценном обмене не видел — я помогаю ей, она мне.

Приехал, посмотрел... и слова замерзли на языке. Я мужчина или нет?! Она, хрупкая женщина, может так мужественно переносить невзгоды, не сдается, не бросает чужих ей по сути детей.

Я почувствовал, что должен помочь. Просто помочь, ничего не прося взамен, иначе никогда больше не смогу уважать себя. А мое дело... столько лет ждало и еще подождет. Брату уже некуда торопиться. Он бы меня понял.

Может быть, потом. Когда у Беран Аддерли и ее детей все будет по-настоящему хорошо, я вернусь к нужному разговору. Но не сейчас.

И все же поражаюсь. Откуда столько силы, воли и здравомыслия в совсем молоденькой девушке? То, как она повела разговор со мной и своим пасынком, произвело на меня впечатление. Даже сейчас, когда самое ближайшее их будущее туманно, она уже думает на много лет вперед. И не бесплодно мечтает — нет! Рассуждает на редкость здраво, практично и убедительно.

Помимо собственной воли я думал о ней каждый день, с тех пор как уехал с заимки. Обязательно лично выслушивал доклад караульных, донимал их расспросами. Лично выписал учебники, придирчиво побеседовал с несколькими кандидатами в домашние учителя, отсеял неблагонадежных и слишком молодых, а также тех, кого заподозрил в легкомыслии. Таким не место рядом с Беран, и...

Не сразу я понял, что эта женщина стала моим наваждением. Что я думаю о ней чаще, чем о службе, собственных делах. Когда я поймал себя на том, что утром, проснувшись, первым делом вспоминаю спокойную улыбку в синих глазах и аккуратную золотистую косу на хрупком плече, а о том, чем жил столько лет — о расследовании, — вообще не вспоминаю через раз... мне стало не по себе.

А когда она стала приходить во сне... и, выныривая из жарких, томительных и неприлично-сладких грез, стало невозможно отдышаться... я понял, что дело плохо.

Я... я влюбился. Как последний мальчишка, черт побери!

И это не просто страсть или влечение. Разницу я почувствовал сразу — все же я взрослый мужчина, и у меня были женщины. Разные — холодные на первый взгляд аристократки и жаркие, огненные в своем своеволии дочери шингари, кочующего по всей империи племени песенников и конокрадов. Они тоже могли приходить в сны и воспламенять их, но...

С ними было весело, с ними было азартно, с ними было... развратно. Да по-разному было! Вот только ни одна из них не была Беран. Ни одну не хотелось взять на руки и нести через все невзгоды мира, на давая им коснуться даже кончика ее туфельки. И ни одна из них не смогла бы встать рядом как равная, не просто женщина, а та, которой можно доверить спину и душу.

С ужасом чувствуя, что этот вал накрывает меня с головой, я пытался остановить его с помощью логики и умных рассуждений: родители не одобряют... да мы виделись считанные разы, откуда столько эмоций?! Она сама не давала мне никакого намека! У меня служба, у нее дети. Как ни крути, она неблагонадежная мачеха детей ссыльного. У нее ничего нет, кроме тех же детей, развалюхи на краю мира и светлой головы... Ее мать даже не ответила на письмо, значит, род Коршевских отказался от неудачно вышедшей замуж дочери... Если я позволю себе сделать ей предложение, о моей карьере в гвардии придется забыть. Да и о наследстве... возможно.

Ничто не помогало. Даже мои вялые попытки продолжить расследование смерти брата уже не могли меня отвлечь. Но я упорно продолжал собирать материалы, расспрашивать тех, кто ехал в одном обозе с графом Аддерли, тех, кто работал на лесопилке в тот злополучный день.

Безрезультатно. То есть ни нашел, ни отвлекся.

Я получил нужные книги из губернского городка, сломал себе голову, как вручить их и не взять за это денег. Ничего не придумал и решил уже ехать, наплевав на все, — только бы еще раз увидеть... ее.

— Господин лейтенант! — с крыльца окликнул меня служащий почтового отделения. — Вы, говорят, караульных к вдове Аддерли

каждый день отправляете? Тут для нее весточка... невеселая. Похоже, баронесса Коршевская, мать вдовы, стала жертвой преступления и скончалась при пожаре. Имение тоже сгорело. В извещении написано, что было проведено расследование и выяснено: преступники пытались пожилую женщину и искали какие-то бумаги... вроде как дочь могла их матери из ссылки отправить.

Земля под ногами дрогнула и покачнулась.

Мгновенная догадка вспыхнула, как подожженный татями стог сена. Бумаги?! У матери Беран искали бумаги?!

Таких совпадений не бывает. Мгновенно все произошедшее высветилось перед глазами и разложилось внутри головы по полочкам. Все мои догадки, все подозрения.

Из участников заговора против государя помиловали только графа Аддерли. Всех остальных, кто входил в руководство подпольной ячейки, повесили. А этот... отделался ссылкой на довольно мягких условиях.

Узнав об этом, я не мог не связать то, что случилось с братом, и то, что происходит сейчас. Тогда, почти десять лет назад, Варислав увлекся нигилизмом, а еще больше — своим ближайшим старшим другом, первым предводителем студенческого братства, молодым графом Аддерли.

Именно по рекомендации «друга» наследник князей Агреновых влез в революционно-справедливые дела и пару лет изрядно маялся дурью, мотая нервы родителям. Тайные общества, собрания в масках, письменные клятвы и заверенные кровью списки заговорщиков. Мальчишество и дурь, но руководил всем этим сумасшествием кто-то очень умный и опытный.

Кончилось все резко и страшно. Когда из тайного ордена романтиков вдруг стало вылупляться обыкновенное бандитское сообщество, призывающее к убийству государственных чиновников, брат словно прозрел. И решил порвать с прежними друзьями.

В тот вечер он сказал мне, что пойдет к Аддерли и объявит о своем выходе из «ордена». Заберет бумагу с клятвой, которую когда-то неосмотрительно подписал собственным именем.

Я до сих пор не знаю, что там произошло. Официально Аддерли уверял, что брат побывал у него, они поссорились, граф отдал брату все глупые детские бумажки, и Варислав ушел. Его даже видели какие-то

общие знакомые на улице.

А потом в двух шагах от дома на него напали «грабители», которые даже толком не обчистили карманы своей жертвы, но закололи ее одним профессиональным ударом в сердце.

Когда через несколько лет я попытался прижать скользкого графа к стене и выбить из него правду, тот меня просто послал и рассмеялся в лицо. К тому моменту их тайное общество вроде бы уже распалось, все повзрослели, занялись карьерой или делами рода...

Вот только бумаги. Все те глупые клятвы и планы переустройства империи, подписанные молодыми дураками. Все эти бумаги, по словам брата, хранились у Аддерли — он был секретарем тайного общества. И уверял на следствии, что все уничтожил, поскольку тоже повзрослел и детские игры ему надоели.

Как выяснилось, детские игры покойный променял на вполне взрослые, за которые и угодил в конце концов в ссылку. А вот те «глупые бумажки», в которых, вполне возможно, стоят подписи весьма сейчас важных людей в империи... те бумаги так никто и не нашел.

И черт меня побери, если Аддерли не воспользовался ими, чтобы не попасть на виселицу! Шантаж — весьма действенное средство, но опасное.

Меня вдруг настигла новая мысль. Из-за неких бумаг убили весьма уважаемую и не бедную женщину. А было ли самоубийство Аддерли самоубийством? Или те, кого ушлый граф шантажировал, решили проблему радикально?

А самое страшное, я ведь не скрывал, что ищу архив и письма графа. И не хотел слышать ничьих предупреждений. Напросился в конвой и... проявил всем видимый, явный интерес к вдове Аддерли. Сложить два и два... идиот, что я наделал?!

Глава 22

Бераника:

— Что случилось, господин Агренов? — прямо спросила я, проводя в дом бледного и решительного лейтенанта. Выглядел он так, словно принес весть о конце света. А еще в его глазах была вина, меня это встревожило, потому что я не понимала, что это все означает.

— Вы должны немедленно уехать, — Вежеслав сжал губы так, что они побелели. — Сейчас же. Я добыл вам в канцелярии разрешение покинуть бывшее поместье и поселиться в уездном городе. Вернуться в столицу вы не сможете, но, снисходя к трудностям вдовы и малолетству детей, имперская администрация нашла возможным позволить вам дожить года поражения в правах в округе.

— Так, минуточку, — я сжала виски пальцами. Вот это новости! — Подождите минуточку... то есть мы можем...

— Вы можете выбрать любой уездный город по эту сторону Хребта и поселиться там, — резко кивнул князь. — Поэтому собирайтесь. Вы должны уехать немедленно. А в городе... Это очень важно. Леди Аддерли, в городе вы должны будете выйти замуж, сменить фамилию и уговорить вашего мужа усыновить детей. И им фамилию тоже надо сменить.

— Что?! — я так изумилась, что опустила руки и уставилась на гостя большими круглыми глазами. Лисандр, который, естественно, и не подумал оставить меня наедине с чужим мужчиной и просквозил следом за нами в дом, отложив топор, уронил миску, которую как раз взял зачем-то со стола.

— Леди Аддерли, вы не сможете сберечь и вырастить этих детей одна, — отрезал Агренов, но взгляд у него дрогнул. А у меня вдруг упало сердце... и не от тревоги, от чего-то другого.

— Вы молоды, красивы, несмотря ни на что, у вас есть ваше дворянское происхождение. Кроме того, вам хватит практической сметки выбрать себе в супруги человека состоятельного, порядочного и заботливого, — князь давил из себя эти слова через силу, пальцы руки, в которой он сжимал и крутил фуражку, побелели. — Скорее всего, этот человек будет купеческого или мещанского сословия, для него этот брак

будет большой честью и поднимет его статус в глазах общества. Это также поможет вам быть более счастливой в браке, и...

Я закусила губу. Старая дура! Размечталась... барышня-крестьянка.

Кажется, у меня в глазах что-то мелькнуло. А может, я не удержала лицо, не знаю. Но князь вдруг еще больше побледнел и резко отвернулся.

— Мы никуда не поедem, — стараясь оставаться спокойной, сказала я, и за моей спиной выдохнул Лисандр, а следом и невесть когда успевшие заскочить в дом младшие. — Я вообще не понимаю, что на вас нашло, князь, и с какой стати вы решили вдруг так распоряжаться нашей судьбой. Кроме того, здесь наша земля и хоть какое-то хозяйство. На что и как мы, по-вашему, будем жить в городе? Что касается замужества — увольте. Я не собираюсь больше замуж!

Гордо вздернутый подбородок мне самой показался смешным и жалким — как девчонка, ей-богу. Но это все равно правильно!

— Леди, послушайте...

— Простите, князь, — я уже взяла себя в руки, пересилила желание залепить этому идиоту пощечину, вдохнула, выдохнула и заговорила вполне спокойно: — Я признательна вам за заботу. Но впредь попрошу вас советы столь личного характера оставить при себе. Я не собираюсь замуж. У меня есть семья. Есть мои дети. Вряд ли в любом уездном городе вот так по волшебству найдется такой мужчина, который сможет не просто принять их как своих, но и сумеет заслужить их уважение и искреннюю симпатию. Потому что если этого не будет — ни о каком замужестве даже речи не пойдет. А кроме того, этот ваш претендент... — тут я не выдержала и добавила едкого сарказма в голос, потому что мне было обидно, черт возьми! Сватает он мне купцов и промышленников, вместо... вместо себя. Идиот. Но надо же взять себя в руки и продолжать, да? Да. — А кроме того, ваш претендент должен, естественно, быть хоть немного привлекателен и для меня. А на меньшее мы с детьми не согласны. Поэтому подобные разговоры я считаю бессмысленными, и...

— Бераника... — князь вдруг шагнул вплотную, схватил меня за плечи и чуть встряхнул. — Вы не понимаете! Если бы не обстоятельства, точнее, не моя одержимость смертью брата и неосторожность по отношению к вам, клянусь, я сам бы стал для вас таким человеком! Я... я отдал бы все ради вас и ваших детей. Но теперь

это невозможно. Я все испортил. Вы в опасности из-за меня, и вы должны уехать немедленно!

— Так, — я сглотнула, словно нехотя освободилась и отошла к столу. Села. Обняла себя руками за плечи и ладонями ощутила на ткани тепло его рук. Вздогнула, но сумела собраться. — Так. С самого начала, пожалуйста. Что вообще происходит? Дети! Во двор!

— Нет, мам, — это сказал Лисандр — Лисандр! Назвал меня мамой, впервые. — Мы останемся, пожалуйста. Ты наша мать, и мы должны... — он резко вздохнул и упрямо продолжил, — должны знать!

Самое удивительное, что вот сейчас я не чувствовала от него обычной подростковой ревности. Он был испуган, встревожен и немного зол, но пытался защитить меня и сестер с братом, как умел. И на Агренева смотрел мрачно-выжидательно, при этом не выказывая детского желания просто уничтожить чужака.

Я вгляделась в широко раскрытые испуганные глаза детей и покачала головой:

— Хорошо, Лис, только я тебя прошу: сначала уведи младших в комнату. Это взрослый разговор. Эми, возьми сегодняшнюю землянику и вы тихонько посидите, покормите ею Шона. И сами поешьте.

Как только притихшие дети скрылись в своей спальне, я не стала дожидаться возвращения старшего сына, а требовательно посмотрела на князя, непроизвольно сжимая кулаки:

— Говорите быстро, что случилось?!

— Ваша матушка... — Агренов вдруг закашлялся, словно воздух жег ему горло. — Примите мои соболезнования, леди.

Мужчина протянул мне письмо, я помертвевшими руками взяла серый казенный конверт с печатью и усилием воли загнала предобморочное состояние куда-то далеко-далеко. Это не моя мама... моя умерла очень давно. Просто конверт похожий на тот, который я получила в семнадцатом году.

— Беран, простите меня... — тихо-тихо произнес Вежеслав, когда я прочла расплывающиеся строки и уронила руки с письмом на колени. — Простите, это моя вина. Но я и подумать не мог, какую опасность на вас навлекаю!

Я словно в полусне выслушала историю его брата, тайного общества, собственного мужа... Все подозрения и догадки князя показались мне логичными и правдоподобными. Но это его стремление

услать меня куда-то далеко и замуж, оно-то... оно-то откуда?! Что за дурь еще?! Не понимаю!

Ну не девочка я и разглядеть чувства мужчины сумею уж. Князь-князь. Ты же влюбился по уши. И мне от этого одновременно невыносимо сладко и невыносимо горько. И страшно. И больно! Если бы не железная выучка еще от мадам Линарье, давно закатила бы истерику с рыданиями и пощечинами!

Я подняла глаза и посмотрела прямо ему в лицо. Требовательно, но одновременно и сама ничего не скрывая. Не скрывая своих чувств, которые не звала и которых не хотела, но разве они когда-то спрашивают?!

Что ж ты сделал, витязь из сказки?

Даже за всеми моими заботами о детях и хозяйстве, за мыслями про старую дуру, за памятью о первой любви и о муже, с которым без малого шестьдесят лет прожила, — даже за всем этим жила во мне дурацкая, девчачья какая-то, наивная и светлая мечта. Надежда. Неужели зря?

Глава 23

— Беран, послушайте, — Вежеслав вдруг опустился на одно колено возле моего стула, взял меня за руку, и столько в этом жесте было сдержанной нежности, что у меня горло перехватило. — Простите меня за то, что я вам сейчас скажу. Я не имею на это никакого права, я... Вы недавно потеряли мужа, дети потеряли отца, и мои признания, я понимаю, просто неуместны. Если бы не обстоятельства, я никогда бы не посмел... но случилось что случилось. У меня больше нет права и возможности медленно завоевывать ваше доверие, нет времени сойтись с детьми и доказать им, что я, хоть и не претендую на место их отца, но смогу стать другом и защитником. Я сам не ожидал от себя этих чувств, я оказался не готов к ним... но я ни за что не отступил бы, если бы это не было так опасно для вас!

Он выпустил мою руку, встал и стремительно зашагал по комнате из угла в угол.

— Я должен отвести от вас все подозрения! — резко рубанул он воздух ладонью, останавливаясь прямо передо мной. — Поэтому вы примете от меня достаточную сумму денег, чтобы безбедно прожить несколько лет, и уедете немедленно. Молчите! — он повелительно вскинул руку. — Вы возьмете эти деньги и официально подтвердите, что передали мне все бумаги вашего покойного мужа. Все должны знать, что я купил у вас его архив и увез! Все, до последнего письма, до последнего обрывка!

— Но у меня нет никакого архива! — все же мой не самый покладистый характер вырвался на волю, и я тоже вскочила с табурета, преградив путь мечущемуся по комнате мужчине. — Нет и не было! Мой муж не привозил в этот дом никаких бумаг! Вообще!

Вежеслав словно на невидимую стену налетел. Остановился и уставился на меня потрясенно. Похоже, он был уверен, что все секреты графа Аддерли буквально спрятаны у меня под подушкой, и теперь растерялся.

Но очень быстро взял себя в руки.

— Это уже неважно, леди. Я верю вам, но больше не поверит никто. Как не поверили вашей матери... простите. Мне удалось узнать,

что перед отъездом в ссылку ваш муж тайно писал ей и что-то пересылал, возможно это навело злоумышленников на подозрение, и вот чем все кончилось. Мы не можем так рисковать. Вы должны рассказать всем, что бумаги были и что вы отдали их мне за большую сумму денег ради того, чтобы дети графа ни в чем не нуждались.

Я видела и чувствовала, что, с одной стороны, его накрывает разочарование, ведь ответы на вопросы, которые он так долго искал, снова канули в неизвестность. Но я также не могла не заметить, насколько мимолетным оказалось это разочарование на фоне всего остального: опасность, которая, по его словам, мне грозила, волновала его гораздо сильнее. Настолько, что этот благородный идиот собрался жертвовать собой, чтобы защитить меня.

— Я сейчас же возьму отпуск в гарнизоне по семейным обстоятельствам, — Вежеслав был по-прежнему бледен и решителен. — Съезжу в округ и возьму в отделении Имперского банка нужную сумму, которую привезу вам. И громко объявлю о том, что забрал архив покойного графа. К этому моменту вы должны быть готовы, и... Послушайте, даже с деньгами вы слишком уязвимы без мужчины рядом! Я... мне нельзя...

— Я все понимаю, господин Агрнев, вдова ссыльного — не пара наследнику старинной фамилии! — перебила его я и с некоторым злорадным удовольствием отметила, как бледность сменилась румянцем злости. Ну да, я его провоцировала. Да! — Конечно, вы попытаетесь найти себе достойную невесту с хорошим приданым, а мне опять посоветуете выйти замуж за какого-нибудь купца!

— Вы говорите глупости, леди, — он шагнул вплотную и снова схватил меня за плечи, притянул к себе, яростно глядя мне прямо в глаза...

Я лишь мельком заметила белеющее в дверном проеме лицо Лиса, мрачное и упрямое, но пасынок сам отступил назад, в детскую. Не стал вмешиваться, точнее, мешать.

А князь решительно продолжил:

— Вы понимаете, что, если вы останетесь рядом со мной, вы снова будете в опасности? Если бы не это, я просил бы вашей руки немедленно! — он резко выдохнул.

Я молча подалась еще ближе к нему и прижалась к его кителю щекой. Пахнет хорошей шерстью, лесом и немного лошадьми.

Мужчиной пахнет. Ах, черт побери, что я делаю вообще?! Как провинциальная дурочка в романе... но останавливаться не собираюсь!

— Так просите, князь. И я обещаю дождаться того момента, когда ваши обстоятельства изменятся, а опасность минует.

— Бераника? — в его голосе было столько изумления, что я тихо засмеялась.

— Вы так мало верите в себя, господин Агренов? Неужели женщины никогда не смотрели на вас восторженными глазами?

— Не такие, как вы, — меня очень бережно и нежно обняли, а его губы вдруг еле заметно коснулись моих волос. Не поцелуй, еще нет. А сердце отчаянно забилося где-то в горле. — Вы... ты такая одна. Такая сильная, такая красивая. Я не понимаю, как мог не увидеть этого сразу, еще тогда, в дороге. И страшно зл на себя — почему не встретил тебя раньше, чем...

— Нет, — я торопливо перебила его и даже прижала пальцы к его губам. — Нет, раньше было нельзя. И я была другая. И дети остались бы одни. Поэтому все правильно. Так, как должно быть.

— Вы уедете в город, как только я привезу деньги, — снова заявил Вежеслав.

Ох, мужчины. В любви толком еще не объяснился, а уже командует.

— Я дам тебе письма к моим знакомым, они помогут тебе устроиться. А я уведу след архива в столицу. Напишу рапорт о переводе, мне его одобряют, это наверняка. Там распушу слухи, что ничего не нашел среди писем, что граф уничтожил все важное перед арестом, а мне остались лишь бесполезные записи. И я, наконец, бросил эту затею с расследованием смерти брата. Могу даже демонстративно что-нибудь сжечь. Мне поверят. Мы выждем еще немного времени, я уйду в отставку и приеду за вами! К вам...

— Я дождусь. Обещаю, — привстав на цыпочки, я сама взяла его лицо в ладони, потянулась и легко-легко коснулась его губ своими. — Мыждемся.

Вежеслав ответил на поцелуй, с негромким стоном подхватил меня за талию, прижал к себе так, что дух вон, и несколько минут мы упоенно не замечали ничего вокруг.

Когда мы, наконец, отдышались после поцелуя, мужчина сначала отступил от меня, потом резко шагнул обратно, снова стиснул, коротко

на этот раз поцеловал и снова отпустил.

— Я об одном прошу: будь очень осторожна. Пока я езжу за деньгами — Шилов присмотрит за вами. Но не появляйся в селе, не дразни недоброжелателей. Лучше, если о вас вообще забудут. И еще... — он вздохнул. — Это тяжелая тема, понимаю... Наследство твой маменьки. Беран, прошу — не пиши никому пока и ничего не предпринимай по этому поводу. Не привлекай к себе внимания. Я смогу обеспечить вас всем необходимым, вы с детьми не будете нуждаться. А насчет всего остального, обещаю, я сам все узнаю позже и прослежу, чтобы земли и фамилия твоих родителей не исчезли.

— Хорошо, — я серьезно кивнула. — Обещаю. Дождусь тебя и до этого ничего не буду предпринимать.

— Бераника... я вернусь. Так быстро, как только смогу. Я к тебе вернусь, даже если придется сделать невозможное.

Глава 24

Вежеслав уехал, а я все так и сидела на табуретке посреди комнаты, бессильно уронив руки.

Что это было? Сумасшествие какое-то... Да мы же встречались всего... три раза! Я же не ждала и не хотела. У меня была четкая задача — выжить самой, спасти детей и спасти свою праправнучку. Вижу цель, не вижу препятствия. Да я забыла уже, что такое мужик в доме!

Несмотря на молодое тело, я до недавнего времени так внутренне и не почувствовала себя юной и по-прежнему смотрела на мир глазами старухи. Какая там любовь? Даже желаний никаких не возникало.

Дети, хозяйство, заботы, хлопоты. Привычно, понятно. Если молодость и радует, так только тем, что сил много и усталости не чувствую долго. И мысли не было про личную жизнь, на белокурого викинга поначалу я смотрела как на красивую картинку — с отстраненным интересом, и только.

А потом как громом с ясного неба. Разом всколыхнулось все, накрыло с головой, и я остро, каждой клеточкой прочувствовала свое новое молодое тело и враз помолодевшую душу.

Мне нужен был этот мужчина, вот именно этот идиот, который примчался сватать меня за неведомого купца, дуб стоеросовый. Если бы не он, я бы, может быть, и сама со временем додумалась до трезвого расчета и выгодного замужества, все же вернуть детям их род без денег и поддержки будет слишком трудно.

Но теперь об этом даже речи быть не может! Уж раз решила я, что в омут с головой и мой это мужчина, — значит, так тому и быть! Если током бьет от него, мысли в голове путаются, а тело жаром обдает, как от костра...

Хотя чему я удивляюсь? Разве раньше у меня все было по-другому? Да нет же. Я сразу, чуть ли не с первой встречи, всегда знала — он! Ни доли сомнения, ни секунды, шла навстречу с «поднятым забралом» и не скрывала своих чувств ни от себя, ни от любимого. Что с Сашей так было, один вальс в Офицерском собрании — и я уже почти невеста, что потом с мужем. Первого у меня война забрала, а со вторым я жизнь прожила душа в душу и детей родила. И ведь не ошиблась... Значит, и

сейчас не ошибусь, поверив своему сердцу.

— Ма-а? — я вздрогнула и резко обернулась.

Все четверо детей столпились в дверном проеме и смотрели на меня прежними несчастно-испуганными глазами, как месяц назад, когда все только начиналось.

Ох!

Я молча поманила их к себе и раскинула руки. Первым с места сорвался Шон, он и влетел в мои объятия, уже заливаясь слезами, и вцепился в меня, как обезьяний детеныш в мамку. Да и остальные всего на пару секунд отстали.

— И что теперь? — растерянно спросил Лис, торопливо вытирая глаза, отворачиваясь и делая вид, что он вообще не плакал и слишком взрослый для этого. — Ты за него замуж пойдешь и... А мы? Выгонишь нас?!

— Здравствуйте, приехали! — я тоже перестала лить слезы, дотянулась и отвесила мальчишке легкий подзатыльник. — Еще раз такое ляпнешь, по заднице надаю и скажу, что так и было!

— Не выгонишь? — переспросила теперь Крис.

Я вздохнула и быстро перецеловала все четыре зареванные мордены. Даже ту, которая уворачивалась и недовольно сопела.

Да понятно же, что детям страшно. И этот вопрос они будут задавать снова и снова, чтобы услышать ответ и на время успокоиться. Их даже «по заднице» устроит и не расстроит, лишь бы страх ушел.

Еще удивительно: против самого моего замужества и перспективы получить отчима ни один из них не возразил. Не знаю, может быть, в других обстоятельствах они закатили бы полноценную истерику, и не на один день. Особенно Лис, который лучше всех помнит родного отца.

Но нет... Крах всего его прежнего мира сильно ударил по нему. Счастье еще, что не сломал до конца. И он сейчас понимает — нам всем нужна защита, а еще — возражать и истерить у него никаких прав нет. Да и не выйдет — не тот у меня стал характер, чтобы терпеть истерики не по делу.

— Так! — минутка нежности — это отлично, но хорошенького понемножку. — Землянику всю съели? Нет? Великолепно, значит, оставшееся чистим и будем варить!

— Ы-ы-ы-ы-ы! — хором сказали все четверо. — Бера-а! Зачем?! Если мы уедем?!

— Затем, что надеяться надо на лучшее, а готовым быть ко всему. Пока мы здесь — будем работать как прежде.

Да. Правильно. Запасы не помешают никогда, а занятые руки и мозги не дадут раскиснуть и слишком тревожиться.

Потому что мне тоже страшно... все серьезно на самом деле. Все эти студенческие игры покойного мужа в революцию, оказывается, могут нас достать и теперь. Хотя казалось — куда уж хуже!

Есть куда. Я еще раз мысленно окинула взглядом память Бераники и снова убедилась: не было у нас никаких бумаг. Она их в глаза не видела. Если Эдриан их спрятал и использовал для шантажа — жену он в известность не поставил.

Ох, горяшко... Вежеслав вернется только через десять дней. Рапорт, дорога до уездного городка, день там, потом обратно... Он решил, что посланцы неведомых злодеев за это время просто не успеют добраться до нашей дыры, не сумеют сориентироваться и подготовиться. Я не стала ему напоминать, что если граф Аддерли повесился не сам, то посланцы-засланцы эти уже здесь. Все равно он в городе сразу заявит, что забрал бумаги и повез их на хранение в банк.

Ох, только бы его по пути не перехватили... Правда, слух о бумагах поручик Шилов пустит после отъезда Вежеслава, так, чтобы того затруднительно было догнать. И все равно страшно... страшно.

Но страх страхом, а жить надо. Тут у меня опыта хоть отбавляй... горького опыта: что в Первую мировую, что во Вторую бабы своих мужей и сыновей ждали и боялись так, что по ночам сердце биться отказывалось. А по утрам вставали и шли пахать до следующей ночи.

Когда руки заняты, душе не легче, нет. Просто ей некогда болеть.

Конечно, подсознание мое рвануло уже просчитывать, как мы там на новом месте будем устраиваться, что возьмем с собой, что тут оставим, все ж таки провинциальный, но город будет... Я его на полном скаку остановила, взнуздала жестко и направила мысли в день сегодняшний.

Нельзя мне пока так далеко мечтами разлетаться. Даже в вопросах хозяйства, а про любовь и прочие радости я себе прямо думать запретила. Вернется Веж — тогда и настанет время миловаться и пить счастье полными глотками. А пока — вот они, дети, каждый день кормить надо, стирать, сажать, собирать, вспоминать, налаживать, придумывать. И никаких.

На этом всю жизнь простояла — что бы ни случилось, плохое или хорошее, руки всегда должны быть заняты. На этом и вторую жизнь проживу, не прогадаю.

Ох, а ведь я обещала Вежеславу не мелькать в селе, но мне туда позарез просто нужно. С печкой надо что-то решать, сама я смогу только раскурочить трубу, но для нормальной тяги складывать ее должен настоящий специалист. Самогонку-то первую я выгнала, в два круга и через березовый уголь, а потом на смородиновый лист. Продукта мало, упиться не выйдет, а по сто грамм — здоровому мужику милое дело.

Только вот провернуть это надо с умом, чтобы деревенские бабы меня на вилы не подняли как ведьму, чужих мужиков спаивающую.

А и ладно, мы проторенной дорожкой двинемся. На торгу мелькать не станем, к старосте тоже не сунемся. У него все еще зуб на меня большой — вопрос с деньгами за аренду земли я пока отложила, да не забыла. И он это прекрасно понимает, аспид.

Когда я следующим ранним утром, еще до свету, пока дети спали, двинулась в село, на душе было муторно и беспокойно. Интуиция вроде молчала, а взгляд из чащи, к которому я привыкла так, что не замечала уже, был спокойный, бестревожный.

Ну, сила лесная, есть ты, нет ли, а защити, не выдай, родимая. Присмотри за детьми, будь ласка, не пускай на порог злого человека или зверя. А я в долгу не останусь...

Показалось или я опять после ласковой просьбы добежала до села вдвое быстрее? Словно спрямил кто тропинку под ногами. Но задумываться некогда, мне сейчас нужна Астасья, большуха многолюдного семейства Вежевых, с которой у нас потихоньку складывалась крепкая взаимовыгодная дружба.

— Никак барыня? Ну проходи, родимая, смотрю, ранняя ты пташка, — поприветствовала меня крепкая сорокалетняя «баба-ягодка», открывая заднюю калитку, ту, что возле хлева. Ну а где еще поутру хозяйку искать, если не возле доильника?

— И тебе привет, Астасья. Знала, что ты хозяйка справная, встаешь с птицей, вот и прибежала по холодку, дальше-то забот будет полон рот, некогда лясы точить.

— Ой, твоя правда. Ну проходи, гостьей будешь. В дом пойдем или как? Ты, небось, опять с делом каким?

Через два часа, обсудив все подробности, поторговавшись для порядка и удовольствия, загрузившись припасами и прикинув по солнцу время, я вышла в обратный путь.

Вот и хорошо, вот и ладно. Смородиновку я свою пристроила, да не мужикам, что без меры и толка вылакают, а хозяйкам, которые своих пней правильно ориентируют и простимулируют. И наградят сами. Будет к нам завтра печник, сразу после полудня.

Глава 25

Когда в полдень к нам на заимку явились караульные, я вынесла деревянный поднос, на котором вода родниковая в самолепных кружках и туесок земляники — ею в этом году были как ковром усыпаны все полянки окрест. Не ахти какое угощение, но приличия соблюдены — все ж таки люди вроде как уже не чужие и ходят сюда для нашей защиты.

— Ну, хозяйка, благодарствуем, — степенно поклонился пожилой солдат, отдавая обратно кружку и облакачиваясь на подновленный плетень у калитки. — А что, купец-то из города так и не дошел до вас?

— Какой купец? — удивилась и насторожилась я.

— Дык был там один, — включился в рассказ второй солдатик, помоложе, веснушчатый и лопоухий парень с немного щербатой, но очень солнечной улыбкой. — Тапочки, сталбыть, ваши ему уж очень понравились. Бабы-то на селе не дуры, быстро рукодельство переняли, уже и сами шьют, только вот то, да не то получается. Ухватки нет еще, али секрета какого не знают. Дык этот пришлый хотел ваши за деньги торговать, а не за припасы, сталбыть. Расспрашивал, когда на селе бываете, а как узнал, что редко теперь, — так собрался к вам на заимку идти.

— Не приходил никто, — надеюсь, я не выдала голосом своего напряжения. Неизвестный купец, которому позарез понадобились именно мои тапки, — это в нашем положении более чем подозрительно.

— Вот чудно, — пожал плечами пожилой караульный. — Два раза возвращался, дорогу спрашивал, и вроде не пьяный, с утра-то. Говорит, как выйдет за околицу, так блукает. Тропа вот она вроде, а он то в болото забредет, то в заросли такие, что и как назад-то поворотить, не сразу поймешь.

— Ну, если надо человеку, найдет дорогу, — я с самым безразличным видом пожала плечами. — Вы-то вон не заблудились ни разу.

— Это верно говоришь, барыня. Ровно сама дорожка под ноги стелется, даже казаться стало, будто короче она, чем в прежние-то дни, — добродушно пошутил пожилой. — Да и в удовольствие нам по

лесу прогуляться, красота-то кругом какая! Нешто в пыльной казарме лучше... так что и никакого беспокойства нам от приказа господина лейтенанта, одна сплошная приятность. Воздухом дышим не надышимся вольным, да у конца пути радушная хозяйка встретит, улыбнется приветливо, угостит чем круг послал. Оно человеку-то любому приятно.

Когда наши охранники ушли, я вернулась в дом и, пока никто из детей не видит, быстро умылась холодной водой из ведра. Глаза красные... плакала в сених. Всего секундочку слабости себе позволила, а то совсем тяжко.

Будь он проклят со своими играми, Бераникин муж. Знаю, нехорошо так говорить и думать, а иначе не могу. Сам сгинул, окаянный, а теперь и всю семью за собой тащит на тот свет, как упырь ненасытный.

Не к добру тут купцы разные начали появляться. И Веж... ох, хоть бы успел спокойно до города добраться, а там уж пойдут слухи, что он бумаги в банковское хранилище сдал, есть надежда, что нападать станет бесполезно.

Вежеслав даже собирался для вида собрать какие-нибудь старые тетради, письма и прочую макулатуру, чтобы действительно привезти и оставить в банке. Даже если кто-то станет расспрашивать клерков — так убедятся.

А дальше посмотрим... может, попробуют договориться?

Но что все же за странная история с этим купцом? Как это — заблудился в трех шагах от села? Может, совсем городской, не умеет в лесу ориентироваться?

Хотя с другой стороны — что там ориентироваться, вот она тропа, ему показали, иди, никуда не сворачивай. За месяц караульные ее основательно протоптали, это раньше чуть заметная дорожка пряталась в траве.

Я вышла на крыльцо, быстро огляделась. Лис рубит дрова, Шон и Кристис ему помогают, складывают полешки под навес, формируя две «башни» по углам крепостной стены. Это у них задание такое — строить крепость. Гораздо интереснее, чем просто таскать дрова...

Эми за домом рассыпает на полотне собранную землянику — чтобы завялилась. Меда и сахара для варенья у нас нет, значит, будем сушить. Эх, вот печь починят, тогда начнется настоящая работа, пока

так, баловство.

Ладно, с детьми все в порядке. Но меня мучает другой вопрос.

Я вернулась в комнату, положила каши в чистую миску, добавила молока, которое принесла сегодня от Астасьи. Накрыла все это хлебной горбушкой. И пошла со двора за калитку, прямо, мимо оврага, где прятался родник, мимо тропы, через березовый молодняк, через поросший деревьями бугор, к старому ельнику.

— Спасибо, что уберег от недоброго глаза, — пристроив плошку под развесистые пушистые лапы самой большой елки, я ей еще раз вежливо поклонилась. — Не суди строго, но, может, дашь знак какой, если и правда защита есть? Тревожно мне...

То ли ветер по макушкам пронесся, то ли мне просто показалось, что ель вздохнула-заскрипела, словно засмеялась.

Вот жизнь пошла, в любую нечистую силу уже готова поверить. Понятно, никакой старичок-боровичок из-за елки ко мне не выйдет, сказки это. Если и прислушиваться к чему — так это к интуиции. Не отмахиваться, не прятаться трусливо за «показалось», а жить с оголенным нервом...

Трудно, да. Трудно...

В начале июля начала поспевать малина — работы только прибавилось. Благо, свояк Астасьин оказался знающим печником, он нам и трубу прочистил, и свод, и под, как говорится. Вьюшку поменял, ухват помог наладить, проверил, как лежанки нагреваются в обеих задних комнатах. Очень обстоятельный мужик оказался. Получил за работу смородиновкой, а также принес мне небеленый лен и мерки для тапочек на всю свою многочисленную семью.

Пока я шила обувку, он и в бане, что к сениям пристроена была, печурку переложил, там она совсем завалилась.

— Ты, хозяйка, с малиной-то хороша, — после работы Антелей пил у меня в комнате за столом травяной взвар с ягодами и довольно щурился. — Да только зимы у нас суровые, несерьезно это все. Скотину тебе надобно, перво-наперво. Эвона ртов-то, — Он степенно выдохнул и подставил кружку под новую порцию взвара, что я ему налила. — Я тебе вот что скажу. Баба ты справная, хотя и барыня, ну да с кем не бывает, как святой круг рассудит, так и рódисся. Корову ты не купишь, перво-наперво потому, что денег у тебя нету, а второе — не сдюжишь с такой заботой. А молоко, оно для детей и вообще в хозяйстве — первое

дело. Ты послушай совета доброго. У Мачеихи из Забрахольных две девки-погодки одновременно на сеновале в весну погуляли, дык осени ждать некогда — будут со свадьбой тянуть, пузо на нос налезет. Батюшка у нас строгий, не одобряет. Велел разом окрутить, а то в храм не пустит ни их, ни родителей ихних, значит. Дык ить без приличной-то свадьбы перед людьми стыдно, а когда ее сготовишь, коли самая страда?! Вот и изверчиваются. Потому дорога ложка к обеду: сошьешь девкам платья по господским фасонам, как ни у кого в округе не было, и забыстро, ты ж умеешь, — Мачеиха спасибо скажет. А ты у нее за то спасибо проси козу молочную, да с двумя козлятами. Аккурат к зиме откормятся.

Я улыбалась и кивала, выслушивая его советы, и думала: даст бог, не пригодится. Но с каждым днем волновалась все больше, и все больше надо было прикладывать сил, чтобы сосредоточиться на повседневном. Еще и дети нет-нет да заведут разговор про город и скорый переезд.

А мне чем дальше, тем страшнее становилось. Неизвестный купец, охотник за моими эспадрильями, уехал из села, как не было. И от Вежеслава ни весточки...

И под сердцем росла и росла ледяная игла — неладно что-то. Что-то случится. Не выйдет сказки, не приедет мой витязь...

Но платья Мачеихиным невестам я сшила, не привыкла еще по той жизни шанс упускать. И плату свою рогатую-молочную получила, устроив ей загон в дальнем углу двора, к восторгу и ужасу детей. Только радости от этого не почувствовала.

Последние из десяти оговоренных дней прошли как во сне. А в настоящих снах были кошмары, которые я утром не могла вспомнить, но просыпалась вся зареванная и разбитая.

Вежеслав не приехал.

Вместо него на одиннадцатый день из лесу карьером выметнулся поручик Шилов на взмыленном жеребце, понесся через поляну к дому. А ледяная игла, что поселилась под сердцем, рывком вошла в него и затопила мир болью предчувствия.

Глава 26

— Леди Аддерли, — поручик соскочил с седла и пошел ко мне, а я почувствовала, как линияет окружающий лес, выцветают свет и звуки, и на меня стремительно надвинулись серые камни осеннего Петербурга, в лицо пахнуло стылým запахом воды и гранита с набережной Фонтанки. Я даже ощутила в пальцах то самое письмо, в котором было написано, что моего Сашу...

— Бераника... простите. Я вынужден вам сообщить... что князь Агренов убит. Застрелен в спину по пути из города на гарнизонную заставу.

Серые камни с грохотом обрушились мне на голову, и показалось, что я теряю сознание. Но нет. Нет. Просто мир качнулся и вернулся на место — все тот же убогий плетень, хвойный лес неровной кромкой, сорочье стрекотание за оврагом.

А его нет. Опять. Опять я осталась, а он ушел.

— Я могу его увидеть? — губы онемевшие и голос чужой, как со стороны доносится. Но нет. Это я. Я все еще жива.

— Простите, Беран, — Шилов смотрел на меня с болью, и его хитроватое, насмешливо-заостренное, как у хорька, лицо сейчас было предельно серьезным и... настоящим. — Простите, но нет. Дело в том, что Вежеслава не сразу хватились. Только когда он не вернулся в срок. Когда поехали искать, нашли только раненого коня с разрезанными седельными сумками и по следам определили, что стреляли в спину, а потом бросили истекать кровью. Понимаете, дорога через лес, место глухое. Напали на него, скорее всего, вечером, а нашли только под утро. Ночь, следов звериных там полно, и... почти ничего не осталось, только... вам не надо этого видеть, поверьте.

Я мучительно сглотнула пересохшим горлом. А Шилов, словно добивая, продолжил:

— Похоже, кто-то навел грабителей. Увидели, что Вежеслав взял в банке крупную сумму наличными и повез один. Места у нас сами знаете какие. Лихих людей долго искать не надо. Грабители, каторжники.

Грабители?! Грабители?!!!

Я вскинула глаза на поручика, и он невольно отступил на шаг, но я

уже справилась с собой. Грабители... те же самые, что когда-то убили брата Вежеслава, сожгли мать Бераники и теперь добрались до самого князя.

Как же так, Веж? Почему... ты же обещал быть осторожным... ты обещал вернуться!

Как и Сашенька когда-то...

— Леди Аддерли... вот, — Шилов вдруг полез во внутренний карман и достал платок, в который что-то было завернуто. На мою дрожащую ладонь выкатилось два тонких колечка из белого золота, простых и гладких, но на внутренней поверхности каждого что-то было выгравировано.

Когда в глазах слезы, а плакать нельзя, изредка случается, что зрение обретает небывалую остроту. Вот и сейчас одного взгляда на мелкую неглубокую вязь оказалось достаточно, чтобы понять... глупый мальчишеский жест, но такой... от сердца и в самое сердце, как удар ножом.

«Бераника». «Вежеслав».

Обручальные. Обручальные кольца.

— Родовой перстень, как и золотой круг с именем князей Агреновых, мы должны отдать его родителям, — виноватым голосом сказал поручик. — А это, я думаю, Веж хотел бы оставить вам.

Мне стало не хватать воздуха, а может, я просто не могла его вдохнуть. Всего несколько секунд, а потом я резко выпрямилась и... заставила себя дышать. Просто. Заставила.

Шилов смотрел на меня внимательным, испытующим взглядом. Кажется, его слегка шокировало то, что я не плачу. Но когда я посмотрела ему в глаза, он что-то такое во мне увидел, что сразу словно устыдился своих мыслей и забормотал торопливо:

— Леди Бераника, Вежеслав выбил вам разрешение на переезд в город и хотел, чтобы вы уехали, я могу вам помочь!

— Нет! — резко оборвала я его. — Мы отсюда никуда не поедem.

— Леди Аддерли, это неразумно, я настаиваю!

— Я вам очень благодарна, поручик, — моим голосом можно было бы моря замораживать. — Но мы никуда не поедem. Здесь моя земля, здесь дом, из которого нас никто не имеет права выгнать, здесь пусть трудно и впроголодь, но я умею поднять детей. Никому не нужна бездомная вдова с грошом в кармане, ни в каком уездном городе. Вы не

сможете содержать нас, да и с какой стати. Я вам благодарна за заботу, поручик, буду еще более благодарна, если вы оставите за мной право изредка обращаться к вам с небольшими просьбами. Но решения я своего не изменю.

— Хотя бы позвольте привезти вам те вещи, которые Вежеслав заказал для вас, — попросил Шилов, сдаваясь.

— Какие еще вещи? — я нахмурилась.

— Книги, учебники. Веж сказал, что это для детей, он перетряс все каталоги на почте и писал каким-то своим знакомым в столицу.

Как больно стало... невыносимо. А показывать нельзя. Нельзя, нельзя!

— Да, конечно... спасибо вам, господин Шилов.

— Деметрис, если позволите, леди. Вежеслав был моим другом, леди, надеюсь, — он вздохнул, — вы не сочтете мое желание хоть как-то помочь его любимой женщине за назойливость или невежество.

— Спасибо, господин Деметрис, — я произносила слова, как деревянная кукла на ярмарке, за которую вещает невидимый актер из-за ширмы. Неживым голосом. И больше всего мечтала, чтобы он наконец ушел и оставил меня одну, хотя бы на несколько минут одну!

Потому что боль жжет изнутри, а выпустить ее я не могу, пока он здесь.

Кажется, он понял и быстро поклонился.

— Простите, леди Бераника, но я вынужден вас оставить. Караульные будут приходить по-прежнему, и вы можете передать через них любую просьбу. И еще... похоронят Вежеслава его родители, в семейном склепе, но на седьмой день будет поминовение у Святого Круга. В нашей гарнизонной церкви. Если вы захотите прийти, я выпишу вам пропуск.

— Спасибо, Деметрис.

Я стояла и смотрела, как его силуэт растворялся в черноте вечеряющего бора. Когда вдали стих стук копыт, я машинально огляделась — где дети? Ушли к роднику, все четверо.

Когда я шла от калитки к лесу, в другую сторону от овражка с родником, меня шатало. Но пока еще оставались силы, надо было уйти подальше, чтобы не напугать детей.

Вот первые березки расступились, развели тонкие ручки-веточки, словно в испуге отдергивая их от моего горя. Вот уже толстые корни

лесенкой под ногами, туда, по склону наверх, потом вниз...

Когда колени, наконец, подломились и я упала лицом в слежавшуюся прошлогоднюю хвою в самом темном месте старого ельника, мой дикий вой весь ушел в нее, как в никуда.

Почему? Почему?! Почему так больно?!!!!

Опять одна... опять...

И ничего не могу изменить, даже отомстить не могу! Грабители, как же! Которые не взяли с тела убитого князя золотые кольца.

И мне никто не поверит. Точнее, не станет слушать вдову бунтовщика, якобы невесту убитого. Вежеслав был родовитым дворянином, офицером, и то его доводы никого не убедили. Все его попытки расследовать смерть брата встречали только досадливое недовольство — все же ясно, зачем ворошить?

Господи или ты, сила неизвестная, если ты есть! Все что хочешь возьми, вот я, вся здесь!

Мои пальцы впились в хвойный ковер и мягкую сыпучую землю под ним, а звериный вой перешел в рык ярости и мольбы.

Я не смогла уберечь своего мужчину, снова не смогла. Не удержала. Но я не отдам детей!

Мой дом — моя крепость, и пусть все дороги для недобрых людей и мыслей закроются, трясиной им обернется любая поляна, бурьяном порастет любая тропа, чащей непролазною, тьмой безнадежною, страхом смертельным, отчаяньем горьким! Нет пути к моему дому ни для кого из них! Навсегда!

Глава 27

— Ты совсем перестала смеяться, — как-то вечером странным голосом сказал мне Лис, почти неслышно подходя и садясь рядом со мной на крыльцо. Был уже август, ночи стали холодными, и сын принес мне связанную из козьей шерсти шаль. Накинул мне на плечи и сел рядом на ступеньку.

Я искоса посмотрела на него и ничего не сказала, подняла глаза к темно-синему небу и вгляделась в серебряную россыпь звезд. В этом году звездопад был особенно густым, небо словно осыпалось мелкими бриллиантовыми блесками, как дешевое китайское платье с барахолки в Олимпийском.

— Когда отец умер, ты так не переживала, — озвучил наконец Лисандр то, что его, видимо, мучило. — Ты его не любила?

Я вздрогнула и сбросила с себя то странное оцепенение, которое держало меня все эти месяцы. Сколько прошло? И мы все еще здесь, все еще живы. И даже неплохо живем.

— Твой отец оставил нас задолго до того, как его убили, — я уже давно решила ничего не скрывать от сына и рассказала ему все, включая свои догадки, еще тогда, когда сообщила, что ни в какой город мы не переезжаем. — Я успела и наплакаться, и привыкнуть к этой мысли, и смириться. Даже самую большую любовь можно убить, Лис.

— Почему ты тогда не уехала? — лицо парня стало напряженным. — Тебя ничего тут не держало! Мы тебе никто! Были...

Я не ответила сразу, прикрыла глаза и наконец позволила себе вспомнить все, что произошло за эти месяцы.

С самого начала. С чувства долга и нереальности всего происходящего. С досады, признаться, — под старость-то лет я ой как оценила достижения цивилизации, дом с теплым туалетом, стиральную машинку и газовую плиту. А тут опять... Но молодое тело оказалось проворнее даже того, что жило в памяти, и пришел новый интерес, азарт. И, конечно, договор с нечистым. Куда от себя деваться: я тащила хозяйство и чужих детей только ради одной цели — вылечить там, в другом времени, свою праправнучку, свою кровь. Да вот только надолго меня не хватило — я ведь осталась живая, а не просто стала персонажем

в непонятном спектакле.

Какие бы ни были дети чужие, балованные, неумехи и вообще не слишком приятные — они дети. Проводя рядом с ними двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, я просто не смогла остаться в рамках долга.

Говорят, во что ты больше вкладываешь себя, то и любишь. Это верно, я в детей вкладывалась, не жалея, и сама не заметила, как они стали мне родными.

А потом Вежеслав. Веж...

Нет, еще слишком больно. Не могу. Не могу даже сама с собой. Даже думать не могу!

Я не помню, сколько я тогда в старом ельнике пролежала, возможно и всю ночь. Помню уже следующий день и то, как стою у печи и механически замешиваю тесто для хлеба.

Этот навык вошел в кровь еще тогда, в первой молодости. Душа может умирать от боли, а тело должно идти и делать то, без чего не выжить не только тебе, но и тем, кто от тебя зависит.

Я тогда как очнулась, огляделась дикими глазами... Все четверо сидели у стола и смотрели на меня такими испуганными глазами, что я задохнулась. И... и продолжила месить тесто.

Скорее всего, больше никакого договора с нечистой силой нет. Я почти уверена, что пятая жизнь, о которой там говорилось, — это Вежеслав. И я его не спасла. Все оказалось напрасно, Никуша не поправится, я не смогла.

Ну и что теперь?!

Бросить все, опустить руки, и пусть идет, как и должно было идти, если бы тут не появилась я? Пусть разваливается и гниет дом, зарастает бурьяном тропа, рушится все, что достигнуто нашим трудом? Дети? Ну, видно судьба такая.

Я зло ударила обоими кулаками в тесто и почти оскалилась. Черта лысого, господи. Это теперь МОИ ДЕТИ. Плевать на договора, на дурацкую мистику, не нужно мне никаких чудес, сказок с хорошим концом для всех не бывает.

Для меня ее не будет? Пусть!

Но мои дети будут живы, здоровы, образованы. И у них будет своя сказка. У каждого. А там — как сложится, как они сами выберут.

Еще одна блеска отвалилась с темно-синего бархата, резким

прочерком разрезав густую пустоту над горизонтом. Я вздохнула, повернулась к Лисандру и улыбнулась ему:

— Дурень ты. А подумать? Вы мне никто, догадался тоже. Лис, кроме вас у меня никого и нет, это тебе в голову не приходило? Я необходима вам, это понятно. Но ведь и вы мне не меньше. Ты вот представь, как плохо быть одному, неприкаянному, пустому, никому не нужному. И сам все поймешь.

Лис вдруг всхлипнул, и я резко дернулась к нему. За все это время, с того самого момента, как нас чуть не убили люди старосты, он ни разу не плакал... днем.

Мокрую подушку я утром находила, это да, но всегда делала вид, что ничего не заметила, потому что подросток явно демонстрировал нежелание делить свои слезы с кем бы то ни было.

А тут его впервые прорвало. И так горько, почти беззвучно, что у меня сердце зашлось — ну не дура ли я бесчувственная? Закрылась в своем горе, закуклилась, остекленела душой, нет бы по сторонам посмотреть!

Дети же все чувствуют. Им мало быть сытыми, одетыми и занятыми. Им надо быть защищенными и уверенными во взрослом. А еще им нужны тепло и любовь. Вот так просто все.

А я в последнее время так ушла в себя, что какая уж там любовь. И заледеневшая от боли душа никакого тепла дать не может.

— Поплачь, нам можно... немножко, пока мелкие не видят, — шепотом сказала я ему на ухо, прижимая к себе и накрывая краем платка. — Нет сил в себе слезы держать, надо выпустить... — и действительно, с того страшного дня, когда я была раненым зверем в хвойный ковер, мне глаза как суховеем высушило, а боль застряла в горле ржавчиной, не найдя выхода. Только теперь вдруг хлынула слезами. Не удержать! И стало самую малость полегче.

— Кто не может плакать, не может и смеяться, — прижимая голову мальчишки к своему плечу, шептала я. — А мы сумеем. Все сумеем, сын, и выжить, и вернуться, и покажем еще всем этим сволочам, кто такие Аддерли. И вообще будем жить счастливо!

Позади нас скрипнула дверь, а потом кто-то неловкий уронил жестяной подойник в сени, тот истерично загрохотал и без того мятыми боками по половицам.

Лис дернулся и попытался отпрянуть, но я его не отпустила. Не

оборачиваясь, спросила:

— Дети, которым положено спать ночью и вставать рано утром, что вы забыли в сених, да еще босиком на холодном полу?

— Мам... а что вы тут делаете? — с непередаваемой интонацией спросила из темноты Эми.

Я хмыкнула и ответила:

— Я решила немного поплакать, а Лис меня утешает.

— А... э... — судя по шебуршанию, дети слегка ошалели и не знали, что сказать. А Лисандр торопливо привел физиономию в порядок при помощи рукава и благодарно сверкнул глазами — я его не выдала, а в темноте красных глаз не разглядеть.

— А нам можно? — очень серьезно спросил Шон, и его сопение раздалось у меня над самым ухом.

— Утешить или поплакать? — я улыбнулась в темноте, чувствуя, как самая страшная, острая боль тонет, тонет на темном дне души. Не исчезает, но... больше не мешает просто дышать.

— Поплакать... — Крис довольно бесцеремонно втиснулась между мной и старшим братом, Шон тут же залез ко мне на колени, а громко и прерывисто вздыхающую Эми пришлось ловить за подол и силой усаживать рядом на крыльцо, обнимать, накрывать другим концом платка. Девочка немного потопорщилась, а потом прижалась ко мне и обмякла.

— Можно, и даже нужно.

Глава 28

Рассвет пришел невероятно быстро. Я только прикрыла веки, а уже он подкрался, тут как тут. Я так плохо спала все эти прошедшие недели... да больше месяца, все время была разбитой, и сейчас то, как я чувствую себя отдохнувшей и полной сил, казалось странным. Боль... да здесь она, никуда не делась. И тоска, и грусть. Только они перестали заслонять собой все остальное — что поделать, жить-то надо дальше.

И так у нас август плавно перекатился через макушку. Самая пора, когда, как говорится, месяц год кормит.

Этим утром я проснулась как после кошмара. Нет, Вежа я не забыла... но зато вспомнила, что я осталась жива. А любовь... в следующей жизни. Тем более я теперь точно знаю, что она есть.

А пока надо навести порядок в этой. Для начала окинуть хозяйство более трезвым взглядом и подсчитать, что я тут в бессознательном состоянии... нахозяйствовала.

Сушеными ягодами у нас забит весь чердак. Там же аккуратные низки камышовых, рогозовых и тростниковых корней. За весну мы почти все заросли по берегам пруда повывели, оставили совсем немного «на развод» и потом уже ходили по течению ручья к другим болотцам.

Плетеные загоны в дальнем конце пруда, куда я аккуратно собирала лягушачью икру со всех окрестных луж и где они были защищены от рыб, личинок стрекоз и птиц, были полны молодыми лягушатами, которых я кормила кузнечиками, дождевыми червями, рыбьими потрохами. По моим прикидкам, когда все это живущее в загонах с плетеными крышками начнет впадать в зимнее оцепенение, я вморожу в лед примерно килограмм двадцать, а то и тридцать живого белка. По нашим небогатым временам — существенно.

Рыбы, кстати, тоже удалось насолить и навялить. Конечно, не очень много — сколько там выловят двое неопытных мальчишек? С самодельной удочкой и даже вершей.

Ершики, уклейки, другая рыбная мелочь, изредка бершик или даже молодой сазанчик — вот и вся добыча. По-хорошему больше возни, чем пользы, если есть другой источник пищи. Но у нас-то нет. А зимой — все будет приварок. Тоже на чердак, под самые балки, на прочных

крапивных шнурах.

С охотой у меня не ладилось вот... но тут я даже знала почему. Точнее, и знала по прежней жизни, и тут чувствовала. Начало и середина лета — время, когда зверье выкармливает детенышей. Трогать маток с потомством в эти месяцы — злодейство по отношению к лесу.

Мы пока с самодельным луком по мишеням потренируемся. А вот пойдут первые заморозки и с лесных озер полетят на юг откормленные, жирные гуси и утки — вот тогда и поохотимся.

Гусиный жир в хозяйстве — первое дело. За неимением «парижев» и прочих гигантов косметической индустрии — он основа любой мази, хоть лечебной, хоть для красоты.

А еще по первому снегу надо лесной силе поклониться и пойти с рогатиной на барсука. Поискать старого, кого не так жалко, и лес его отдаст. Барсучий жир от простуды легочной незаменим.

Ну и само собой, мы с девочками собирали травы. Тут секретов немерено — какую по вечерней заре брать, какую по утренней, а какую вовсе ночью. В полнолуние или на молодой месяц. И никакой мистики, одна сплошная наука — каждое растение набирает максимум полезных химических веществ в свой срок и отдает их при своих условиях.

Так что вторая половина чердака божественно благоухала подсыхающим сеном.

Кстати! Сено-то... Я где-то в подполе нашла ржавый серп. Коса-литовка тут хороших денег стоит, не потяну пока, да на одну козу с козлятами и серпом хватит.

Я как раз была на лугу, когда на тропе, что шла к нам от села, слышались шаги. Мельком глянув на солнце, я вздохнула — уже полдень. Стало быть, двое караульных из комендатуры идут.

— Эми, принеси с ледника квасу! — крикнула я и пошла в дом, хоть причесаться и снять с лица платок, в который я замоталась от солнца. Не знаю, машинально, что ли... на автопилоте, как правнучка говорила, но я все еще держалась за нашу принадлежность к аристократии, а незагорелая кожа — это первый признак. Как и руки — поэтому мы все работали в самосшитых перчатках, хотя поначалу это было жутко неудобно. А потом привыкли. И все мазали лица ягодным соком, закрывались накинутыми поверх самодельных соломенных шляп «вуалями».

Эми выскочила из дома и проворно упрыгала за угол. Ледник у нас

там был устроен по всем правилам — мы с Лисом еще в самом начале нашей робинзонады выкопали, когда в овраге за обрывом я нашла пласт слежавшегося в твердую массу не растаявшего снега. Мы тогда под камышовым навесом много чего настроили, и ледник в том числе: яму с вырытыми в стене ступеньками, утрамбованным полом и глубокой нишей в одной стене, куда я заложила снег вперемешку с соломой и солью. Плетеная крышка отделила эту «морозилку» от основного подпола, а сам подпол мы тоже сверху надежно изолировали от летнего зноя с помощью толстого слоя все того же сухого камыша.

— Ахти незадача, — запыхавшийся пожилой солдат прислонился к плетню, притулил к нему же скинутую с плеча тяжелую винтовку и утер пот со лба рукавом. — Хозяйка, благодарствуем... очень к спеху-то холодненького. Только вот беда у нас. Арефний, рожу-то покажь! Чай барыня не спужается. Пчелы его поели, хозяйка, прямо страсть какая.

— Пчелы? — удивилась я, разглядывая опухшее лицо молодого солдата, на котором, кажется, даже веснушки поблекли и растянулись в бледные пятна, так его раздуло от укусов.

— Да вот же ж напасть, — развел руками пожилой, которого звали Кодрат. — По тропе не пройти, видимо-невидимо их там, окаянных... Поздно в этом году роились, оттого и злые. Неладно это...

Он, отдуваясь и с удовольствием булькая, выпил полную кружку кисловатого овсяного кваса и вытер усы:

— Я все спросить хотел тебя, барыня, да не в себе ты вроде как была. А теперь, гляжу, опаматовалась. Вы как тут живете-то, не страшно? Такие дела творятся, жуть что сделалось, а ты одна с малыми, почитай. Пацан старшой не в счет, сам еще дите.

— Страшно? — очень удивилась я и напряглась. Нет, об опасности, исходящей от неведомых бывших сообщников графа Аддерли, я помнила, но как-то... вскользь. Не знаю, откуда взялась эта уверенность, что они сюда не придут. Вот сейчас осознала ее и сама себе изумилась. — Да что ж страшного-то такого сделалось?

— Ох, барыня... — Кодрат проследил, как по моему кивку Кристис сгоняла в дом и притащила горшочек с перетертыми травками, он у нас в сенях всегда стоял — детей пчелы тоже изредка покусывали. — Дык все село ж гудит... такие дела творятся.

— Бери щепотку, пожуй, а потом на место укуса намазывай, — велела я рыжему и вынужденно молчаливому Арефнию. Тот благодарно

угукнул — внятно поблагодарить он не мог из-за раздутых пельменями губ — и сунул жвачку в рот. — Так что за дела-то, Кодрат? Я уже месяц в селе не была...

— Оно и видно, барыня. Нечистая сила у нас тут в лесу завелась. Да злая такая, переборчивая. Скажем, каких баб али детишек по ягоды — пускает, и уйдут, и придут порядком. Только жалуются, что следит кто-то из чащи, да строго так. Чуть в сторону от ягодной поляны свернешь — то на сук острый напорешься, то о корень споткнешься, то вон пчелы кусают, али вообще гадюка с под кочки вышипит. А иных вовсе с тропы как начнет водить да блукать по буреломам да болотам, едва живые, бываеча, возвращаются, и то не все. Пара, сталбыть, душ так и загнула с концами!

— Фофоят, фояйка фефная фнефаетфя, — Арефний уже облепил себе физиономию зеленой кашицей и повеселел — отек на глазах начал спадать.

— Какая еще тебе хозяйка лесная гневается, — отмахнулся от него Кодрат, — то-то дурень. Сказки это. А вот сила нечистая, она завсегда, зловредная, завестись может, коли люди круга святого не убоятся и грешат без опаски. Сталбыть, наказание то нам господне за грехи наши. Вона, старостин сын, Фефоан, первый гаденок на селе был, все про него знают, что девок силком портил да в городе и своровать чего не брезговал, с дурной компанией по кабакам дружбу водил, темные дела крутил. И к родителю возвернулся, когда жареным запахло, каторгой али тюрьмой. И что? Первым днем, как приехал, за околицу к лесу-то ентому вышел, до покоса батиного, говорят, пройтиться. Ну, тот покос, барыня, что на вашей вроде как земле, которую общество арендует же ж. Дык и сгинул, уж почитай месяц как, с концами!

Староста все село на поиски поднял, всех свояков-мужиков. Дык дальше опушки никто и пройти не смог! Кому зверь в кустах помстился, кто ногу подвернул, кто просто испугался незнамо чего. Потом полк подняли, прочесали вроде лес — не нашли ничего. Ни зверей, ни буераков. Ни старостинного Фефоана. Как под землю провалился.

Глава 29

Солдаты ушли, а я все стояла у калитки, глубоко задумавшись. Вспоминала, сопоставляла, анализировала.

Это что получается? Когда муженек мой повесился — или помогли ему, неважно уже, — «комитет» по сиротским делам до нас дошел без всяких препятствий. Да и потом крестьяне заглядывали, точнее, бабы крестьянские — никаких проблем. И в лесу в самом начале лета мы частенько на сельских ребятишек натыкались — те тоже и по землянику бегали, и в лесных заводях рыбачили.

А потом?

Первым заблудившимся был тот неизвестный купец, что хотел эспадрильи непременно у меня купить. Уехал несолоно хлебавши. И это было... это было в тот день, когда я ходила в ельник не просто поблагодарить, но и попросить защиты. Сама не верила до конца, но просила...

И детишек крестьянских после того дня мы в лесу еще встречали, а вот взрослых... если вспомнить... ни разу.

Или нет? Ох, трудно вспоминать, одно сплошное болезненно-черное, выжженное пятно там. В день, когда Шилов привез весть о гибели князя, я что-то сделала. Что-то...

Меня вдруг как ударило памятью и осознанием, я едва сдержала вскрик. Вспомнила все. Как закрыла пути-дороги, как заклала и прокляла. Все слова свои вспомнила, до единого. И как трещал вокруг меня ельник, словно занялся страшным лесным пожаром, как выл ветер в вершинах старых деревьев, как стонала земля — тоже вспомнила...

Неверными шагами, спотыкаясь и покачиваясь, я вышла со двора и побрела в лес. Не дошла, села за пригорком прямо на землю, уставилась полуслепыми от слез глазами на судорожно сжатую в пальцах траву, которую я только что с корнем выдрала и сама не заметила как.

Если бы я догадалась раньше... если бы я попросила за Вежа... дала ему защиту... он был бы жив?!

Теплая мягкая рука опустилась мне на плечо и погладила, а я дернулась и едва не заорала с перепугу. Оглянулась... Елочка. Пушистая молодая елочка, как она оказалась у меня за спиной? Я ведь

на пригорке, здесь такие деревья не растут...

Оглядевшись, я поняла, что ничего не поняла. Торопливо вытерла лицо краем платка и вскочила. Я стояла посреди того самого ельника и не могла понять, как я сюда попала: ну не могла я прийти и не запомнить этого! Уж чем-чем, а провалами в памяти отродясь не страдала.

Было очень тихо, но это была особая, лесная тишина, она распадалась на множество оттенков, как луч света — на радугу. И от этой звенящей вокруг живой радости почему-то становилось так спокойно... словно меня действительно утешающе погладили и даже обняли — как кто-то большой и сильный обнимает маленького плачущего ребенка.

Не знаю, что это было. Я по-прежнему отказываюсь называть это глупыми словами «магия», «леший» или, господи прости, «место силы». Никакой ведьмой я себя не чувствовала, ни в какое волшебство не поверила, никакими силами не повелевала.

Это было скорее... знание. Ну вот как у младенца, который рождается уже с умением дышать, кричать и сосать грудь. Так и у меня — на уровне инстинктов.

Я дома. И только от меня зависит, будет ли у меня и моих детей все хорошо.

А боль... прошлое... этого не изменить, но впервые за все время, прошедшее с гибели Вежеслава, ко мне вернулась надежда. На что надеялась? Не знаю. Просто...

Из лесу я вернулась где-то через час, если судить по солнцу. Спокойная, собранная, уверенная в себе. Посмотрела, что дети заняты и даже не заметили моего недолгого отсутствия, и пошла воплощать в жизнь последнюю задумку, догнавшую меня в тот момент, когда я обдумывала жалобы караульных на невероятное количество диких пчелиных гнезд вдоль тропы от села к нашему дому.

— Что ты делаешь? — еще через час озадаченно спросила Эми, застав меня на крыльце за весьма странным занятием — я осознанно портила довольно большой кусок льняной ткани, один из последних, что еще оставался.

— Сетку от пчел, — охотно пояснила я, отсчитывая и выдергивая из полотна каждую вторую остевую нить. Это было непросто, нитка

норовила порваться до того, как я ее вытяну, зацепиться за соседок и собрать ткань в густые кривоватые складки. — Будем добывать мед, самое время попросить наших кусачих соседок немного поделиться.

— Мам, ты или волшебница, или ненормальная, — очень серьезно сказала подошедшая к крыльцу младшая дочка. — А есть что-нибудь в лесу, чего ты не умеешь?

— Летать не пробовала, — подмигнула я. — Но все еще впереди. Позови-ка Шона и Лиса, у меня к вам серьезный разговор.

Мальчишки прибежали примерно через полчаса, Крис пришлось искать их, они были на лесном озере, рыбачили. Вернулись немного недовольные из-за того, что их прервали, но все равно с добычей.

— Так, дети, — я отложила уже почти готовую сетку. — С сегодняшнего дня режим ваших прогулок меняется. Завтра утром мы обойдем наши владения, и я поставлю отметки, за которые вы ни в коем случае не должны выходить. Даже если на другой стороне поляны будет целый куст орехов, даже если там на березе вдруг вырастут яблоки — заходить за отметку нельзя!

«И после этого можно будет даже двери не запирать на ночь, как раньше, никто чужой близко не подойдет» — добавила мысленно.

— А если кто-то позовет? — Лис слушал внимательно и напряженно, вопрос задал по делу.

— Тем более! Знакомый, незнакомый — неважно. Разворачиваетесь — и бегом домой. Зато! В пределах тех границ, которые я укажу, отныне можете гулять где хочется. Естественно, при условии соблюдения правил лесного движения. Все их помнят? Молодцы.

— Это связано с тем, что никто чужой не может прийти к нам на заимку? — Эми здорово повзрослела за лето и научилась быть очень внимательной, схватывала все на лету.

— Да, именно с этим.

— Но солдаты службу несут каждый день, господин поручик приезжал с учебниками, Астасья заходила... — Лис наморщил лоб. — И учитель, ты же сказала, он будет приходить с осени три раза в седмицу?

— Сюда могут прийти те, кто не желает нам зла и кого мы сами пригласим, — пояснила я. — Остальным на нашу землю хода нет, и никто не сможет причинить нам вреда, если мы сами не выйдем за

границу собственных владений.

— Как в сказке? — Шон едва сдерживал восторг. Для него все происходящее было приключением, волшебной историей из тех, что я рассказывала на ночь. Что он и подтвердил следующими словами: — А Серебряное Копытце придет? И говорящий Добрый Мишка?

Я тихо засмеялась и затащила сына на колени — щекотать. Старшие дети тоже облегченно заулыбались. И причина этому была.

За все то время, что прошло с гибели Вежа, почти ни одну ночь дети не спали спокойно. Вроде и не ждали нападения, я так и вовсе как в трансе пребывала, а вот они-то не в трансе были. И они боялись...

Лис вставал несколько раз за ночь и подолгу сидел на крыльце или смотрел в окно. Эми просто тихонько плакала в подушку. Кристис с Шоном как самые младшие прибегали в мою постель, где было хоть капельку «безопаснее».

А теперь эти страхи вдруг отменились. Потому что они мне поверили — как привыкли верить за эти два месяца.

Никто не придет, не напугает, не обидит. Самый страшный зверь — человек — нам больше не угрожает.

С остальным мы справимся. Завтра пойдем добывать дикий мед! Надо дымарь еще сделать и сетку накрепко пришить к полям соломенной шляпы. Совсем разорять гнезда я не стану, заберу только часть сот, жужжащим труженицам останется достаточно для того, чтобы перезимовать. Но для нас этот медок тоже станет драгоценным запасом.

А любовь... однажды. В следующей жизни.

Глава 30

— Во поле березка стояла...

Осторожный взгляд поверх молоденькой поросли на самом краю леса. Никого. Отлично, отлично.

— Во поле кудрявая стояла...

Осенний лес цвел золотом и пурпуром, листва еще только начала облетать, и можно было спокойно наблюдать за околлицей, не боясь, что меня обнаружат.

Тихонечко напевая себе под нос песенку про незаломанное деревце, я еще немного потопталась на месте, зорко вглядываясь в соломенные крыши овинов и верхушки изгороди.

Если бы была засада, я бы ее точно обнаружила, как в прошлый раз.

За прошедшее время я убедилась, что границы моих владений начинаются по кромке леса сразу за сельской околлицей и тянутся вглубь тайги на многие километры, поскольку даже по людским бумагам это мой лес. До тех краев, где мои владения кончаются в где-то в глубине чащи, мы так ни разу и не добрались. Так и надобности не было. С каждым прошедшим днем я все лучше чувствовала, чуяла свой лес.

Так что когда непонятные люди пытались подкараулить меня у самой опушки, я обнаружила их заранее. Собственно, еще в тот день, когда, занавесившись превращенной в сетку тканью и надев перчатки, взяла самодельный дымарь и пошла на медовый промысел.

Пчелиных гнезд в дуплистых деревьях вдоль тропы действительно оказалось видимо-невидимо. Я даже удивилась — обычно в природе рои не селятся так густо и близко друг от друга. А тут...

Даже закралось подозрение, что некая сила сама устроила мне своеобразную пасеку, а заодно приспособила маленьких тружениц охранять единственную тропинку к дому.

Например, Шилова или Кодрата пчелы никогда не трогали. А вот Арефния, того самого рыженького конопатого молодца, в какой-то момент просто перестали пускать на тропу.

Потом выяснилось, что молодой дурак слаб на выпивку и за чарочку много болтал в кабаке с каким-то ушлым подсадным

человечком, рассказывая о странной барыне из леса.

Ну и, видать, пока только болтал, его просто покусывали для профилактики. А когда «денежку малую» взял за небольшую услугу — поставить метки на деревьях вдоль дорожки, мол, чтобы люд честной не плутал, — так и все. Пчелки его дальше опушки не пустили.

Так вот в тот день, когда я строго-настрого велела детям заниматься делами возле дома и у пруда, а сама пошла за медом, машинально напевая про себя песенку всем известного медведя из мультика, ну ту, про тучку-тучку-тучку, а вовсе не Беранику, обнаружилась очень интересная вещь.

Точнее, две вещи. Одна приятная, а одна совсем наоборот.

Первая новость, та, что приятная, была связана все с теми же пчелками. Они меня не кусали, вообще. Зря только сетку мастерила и дымарь. Толстенькие полосатые медоносы ползали по моим рукам, немного обиженно жужжали над ухом, но ни одна не сделала попытки атаковать.

Причем деток моих эти летающие тигры еще как жалили, особенно если мелкие нагтели и, скажем, садились на цветочек, в котором шуровала полосатая, попой.

А я через пару обработанных диких ульев начала чувствовать их настроение... Это было удивительно и странно, но где-то даже приятно. Я почему-то приняла все происходящее словно само собой разумеющееся.

И именно пчелы, те, что жили на самом краю моих владений и летали за нектаром в сторону села, «сказали» мне, что на опушке, чуть в стороне от тропы, в кустах, постоянно сидят трое мужиков.

Ничего не собирают, почти не двигаются, очень противно пахнут. И ждут. Каждый день кого-то ждут от утренней зорьки до вечерней.

Кого-то? Уж не меня ли?

Дальнейшее осторожное наблюдение подтвердило эту неприятную догадку. Значит, меня вовсе не оставили в покое. И старостин сыночек Фефоан, вдруг решивший приехать из города, навестить родителя и его покос на моих землях, не так просто в болоте сгинул, или где он там провалился. Значит, шел не просто со злым умыслом, напугать или выведать силком что-то. Нет, этот шел убивать. Иначе лес не обошелся бы с ним так круто.

Так вот... эти тоже по мою душу. Пчелы, конечно, не могли их

«подслушать», а сама я не рискнула соваться вплотную, но небольшой эксперимент провела. Как раз первые грибные дожди пошли, а после них солнышко пригрело, и мы с детьми по локти запустили руки в эту богатую лесную кладовочку.

А по кромке леса как раз отлично белые растут, вот я и прогулялась так, чтобы самую малость выглянуть за границу своей земли, но дальше десяти шагов от нее не отходила. Как мне это удалось? А я ее чувствовала. Как пчел.

Ну и вот. Прогуливалась я там, мелькала белым сарафаном между еще зелеными осинками и легкой золотой пестряди молодых березок. И четко засекала, как трое этих бандитов тишком, ползком, прячась за пучками травы, стали ко мне подбираться.

Я их подпустила поближе, чтобы исключить возможность ошибки и заодно как следует рассмотреть. И с недоброй усмешкой в душе убедилась в кое-каком своем предположении.

Один из этих крадунов подкустовых был мне знаком. Это он тогда, во время первого нападения на меня и детей, пытался сбежать с места происшествия. Именно этого плюгавенького и словно бы немного скособоченного мужичонку с крысиным лицом я видела. Значит, либо отмазал его староста, либо опять сбежал, ирод, и вернулся к работодателю.

А это значит, что враги спелись. И староста теперь в сговоре с теми, кто продолжает искать бумаги покойного графа.

За осознанием этого факта пришла ненависть. Сволочи! Мало вам смертей.

Я почувствовала себя сжимающейся пружиной. Это ощущение было мне знакомо как родное, и я обрадовалась, когда обнаружила его в себе. Когда я начинаю так злиться, никто меня не остановит. Нет такой силы. И плевать на все внешние обстоятельства — именно на этом темном огне злости я прошла все самые страшные годы своей прежней жизни. Эта жаркая и одновременно ледяная ярость не давала мне сдаться, опустить руки, плыть по течению и в конце концов погибнуть, когда вокруг был такой мрак и чернота и окружающие меня люди сотнями тонули в ужасе и безнадёжности.

И сейчас я не почувствовала страха. Пусть только сунутся, душегубы, пусть только войдут под сень нежных, полупрозрачных, таких безопасных березок.

В тот раз я сама не поняла, какая волна меня понесла, но знаю точно: тех троих в лес я заманивала специально. Не знала еще сама, что стану с ними делать, что вообще должно произойти, но темное, злое предвкушение переполняло мою душу до краев.

Шажок, еще шажок — сволочи крались ко мне, а я незаметно, медленно отступала, стараясь держаться с беспечным видом на открытом месте, но зорко следя, чтобы не отходить далеко от своих владений. Шагов на двадцать пусть подойдут... ну еще немного. Еще чуть-чуть...

— Стой, девка! — хрипло гаркнул один из висельников, выскакивая из-за куста и бросаясь мне наперерез. — Стой, дура, умные люди с тобой по-хорошему поговорить хотят! Стой, все равно догоним!

Ага, щаз-з-з, как говорила правнучка. Я специально сделала вид, что испугалась, чуть не уронила корзину с грибами и со всех ног кинулась в лес. А эти идиоты, почуяв близость жертвы, — за мной.

То, как они пересекли невидимую границу и оказались там, куда их манил мой мелькающий между деревьями силуэт, я почувствовала сразу всем телом, всем существом. И резко остановилась. Развернулась к ним, и...

Эх, жаль, поспешила. Поторопилась. Слишком мало у меня опыта охоты на людей.

Когда твердая, поросшая невысокой безобидной травкой земля вдруг топью расступилась под ногами самого быстрого преследователя и он с разбегу провалился в нее по колени, двое других успели шарахнуться назад. И даже схватили воющего от ужаса и неожиданности передового гада, не давая жадно чавкающей жиже засосать его по пояс.

Выдернули, да только потому, что сами ногами стояли за невидимой границей.

— Ведьма! Ведьма! Сгинь, проклятая! — провыл самый смелый из душегубов.

— То стой, то сгинь, — неприятно усмехнулась я, не трогаясь с места. — Вы уж определитесь, любезные. А еще лучше — сгиньте сами да хозяевам своим передайте, что если будут мне и дальше докучать — пожалеют!

Глава 31

Вот с тех самых пор засады у тропы больше не наблюдалось. Но я была бы слишком наивной, если бы решила, что нас оставили в покое навсегда. Нет, просто враг временно отступил и явно обдумывает, как меня достать.

Главное, в селе мне все же надо было появляться. Самая страда запасливая подступила — бабье лето. Соленья, варенья, а главное — крупы, мука, соль. Ткань, шерсть! Кроме как в деревне, мне их взять негде.

По моей просьбе всю невеликую наличность, что завелась у меня за лето — где за эспадрильи монетками дадут, где за смородиновку, — Астасья потратила на поросенка. И откармливаться он остался у нее на дворе, в обмен на кое-какие услуги с моей стороны. В ноябре ее муж будет колоть свиней, тогда и я свою долю мяса и сала заберу.

Но чтобы поддерживать эти и другие договоренности, мало было появляться на опушке или зазывать гостей к себе. Тем более что селяне, хотя и не шипели мне вслед про ведьму, леса стали побаиваться.

Самое досадное, что, если бы я взялась-таки отстаивать свои права на землю в уездном суде, денег нам бы хватило не только перезимовать. Со старосты, много лет «арендовавшего» покосы близ чащи, а также несколько небольших распаханых участков, было что взять.

Но я четко понимала, что стоит мне сунуться дальше крайних дворов с их тихой, почти нелегальной торговлей — тут-то меня и прижучат. А вот потихонечку рано-рано утром к Астасье еще есть шанс проскочить.

Таким вот полушпионским-полуосадным методом у нас в амбаре появились мешки с ржаной мукой, овсом, просом и даже гречихой. Я с радостью узнала, что эта весьма полезная культура вполне успевает вызреть на южных склонах холмов, а еще ее нарочно разводят пасечники из сел, что южнее.

Тут ведь что здорово — крупа сама по себе всегда пригодится, но я сразу глаз положила на гречишную шелуху и по договоренности с удивленными бабами — за обещание показать секрет — запаслась целым возом тугих дерюжных мешков.

Первое, что я сделала, — это набила всем нам подушки. Сшила наперники, и вместо собственно пера туда — шелуху. А то мы спали на кое-как скомканных тряпках, вроде и привыкли, но зачем над собой издеваться, когда есть такая отличная и даже, говорят, полезная вещь?

Бабам я те подушки продемонстрировала — далеко не каждой было по карману обеспечить этим полезным спальным предметом членов своих очень многочисленных семейств. А девкам в приданое, опять же? И перины надо, и подушки, и много чего.

Стеганую перину, заполненную «кармашками» с шелухой, я деревенским хозяйкам тоже продемонстрировала. А Астасье, как моему «полномочному представителю» на селе, и вовсе подарила самую первую, какую сшила.

Да, не на барское ложе такое стелить, но вот Астасьин пожилой свекр, снявший пробу, остался доволен — даже кости, сказал, вроде ломить меньше стало.

Короче, товарообмен и циркуляция хозяйственными идеями у меня с бабами кипела. Вот только одна трудность — приходилось прокрадываться на Астасьин двор как воровке, под покровом темноты. И то я понимала, что долго продолжаться это не сможет, — кому надо, тот выследит. И отчаянно торопилась.

Первый раз меня попытались взять тепленькой в середине сентября. Как раз после заморозков выпал иней и захрустел под двойными подошвами «утепленных», высоких, как ботинки на шнурках, эспадрилий. И черная цепочка моих следов была четко видна на серебряной от почти истаявшего лунного света тропе.

По ней меня и засекли. Наверняка, староста и раньше пытался выпросить баб, в какое время я бываю на селе, но те, не сговариваясь, молчали как партизанки. И вовсе не из одной только женской солидарности. Просто этот козел неприятный решил слухи пустить: дескать, все, что из рук моих вышло, — проклятые вещи, беду несут, несчастье.

В другое время, может, ему бы и поверили. Но тут нашла коса на камень. Старосту все бабы знали как жлоба и взяточника, про то, что меня он ненавидит и за земли арендованные отвечать не хочет, тоже все были в курсе. Те бабы, с которыми я спелась, были крепкие хозяйки, не гольтыба легковерная, но и не богатейки, которые один хоровод со старостой водят.

В свое время этот жук навозный многим подгадил. Боялись его, не любили. Открыто воевать никто не решался, а вот исподтишка ужалить — многие случая не упускали.

Короче говоря, полезность моих идей явно перевешивала старостину злобу, а по части слухов не ему с тетками тягаться. Живое контрсплетню в народ пустили, про зависть да грязную душу. Мол, грехов на том много, кто добрых людей боится да очернить пытается.

Понятно, что долго эта битва сплетен не продлится... то есть дураков не сеют и не жнут, они сами родятся. И зла в душах у людей предостаточно. Не «злодейского зла», а мелочного, бытового, раздраженного и завистливого. Пачкучего и липкого, как деготь. И невежества дремучего тоже полно. И страха — как бы чего не вышло худого, моя хата с краю, но все незнакомое и непонятное на всякий случай надо уничтожить. Желательно чужими руками.

Увы, всегда так было. Вон, в мое время, в девяностые годы, после стольких лет «лучшего в мире образования» и дружбы народов, люди в подъезде моей московской квартиры подписи собирали, чтобы выселить семью беженцев откуда-то из южных краев, потому что «да грязь вся от черных, и глаз у них дурной». Тьфу, вспомнить противно...

И здесь такие найдутся рано или поздно. Начнут «добровольно помогать» сильным мира сего, даже не за плату, а по зову души.

Как в воду глядела.

— Ты, барыня, посторожись, — сказала мне в последний раз Астасья, бережно укладывая в мой самодельный заплечный мешок крынку с коровьим маслом и провожая со двора. Она зябко куталась в платок и хмурила густые соломенные брови. — Намедни я Гутьку-побрякушку у нашего плетня видала. Дурна-то дурна баба, а как соседке нагадить — так живо умишком пораскинет. Не ладит она с нашей стороной, здесь-то, почитай, хозяйки справные, не посикушки какие. А эта — глаза завидующие, так и зыркает через забор. Платок, что я по твоему узору из козьей шерсти на шелковой нитке связала, увидела и прямо глаза выпучила, что твоя жаба. Как бы чего худого не вышло.

Я кивнула, благодаря за предупреждение, поудобнее пристроила за плечами мешок и быстрым шагом направилась по проулку в сторону околицы. Сама не знаю, что заставило меня в какой-то момент резко остановиться. Просто ноги вдруг в землю вросли. А потом тело само развернулось на месте и резвым сайгаком скакнуло в сторону, в

приоткрытую калитку, через двор, мимо разрывающегося от лая дворового пса на цепи, на будку его, потом на курятник, к заднему забору и — у-у-ух! — спрыгнуло в соседний проулок.

Я тяжело осела под этот самый забор, пытаюсь понять: что это было? Словно зверя лесного что спугнуло, и он метнулся, уходя от опасности. Так и я... а мозг просто за инстинктом не успел. Но теперь и он гонит вставать и бежать.

Главное, проулок этот не в ту сторону ведет, не к лесу, а к заболоченному берегу деревенской запруды. Там огороды и заборы вплотную к воде, дальше камыши и илище, по пояс в этой каше далеко не убежать. Но инстинкт упорно тянет меня в ту сторону.

Вот не было печали. Я подобрала подол и со всех ног кинулась туда, куда указывала интуиция. И все равно не успела — едва выскочила на топкий берег, добежала до утлых мостков и стала оглядываться, куда бежать, как откуда-то слева торжествующе заорали:

— Вот она, кур-р-рва мать! Держи ее! Не уйдешь, паскуда!

Глава 32

Странно, но я увидела все происходящее как бы с двух точек. Или с двух «я». Одна я смотрела перед собой и под ноги, а вторая словно взлетела и разглядывала всю картину целиком с высоты.

Именно эта вторая я увидела, как со всех сторон к тому месту, где моя юркая фигурка выскочила на берег пруда, сбегаются черные в предрассветных сумерках мужские силуэты. И их так много... один, два, три... пять, шесть. Десять. Ого!

Где-то по краю сознания мелькнула удивленная мысль — это же не моя земля, почему я ее чувствую? Или...

Нет-нет, граница безопасности там, правее, за скользкой илистой кашей, за рваной бахромой сухих камышей, там, где другой берег прихватило хрусткой кружевной корочкой первого морозца.

А злоба и азарт погони, темным фонтаном плещущие из бегущих супостатов, — уже вот они, рядом.

Я еще раз огляделась — и своими глазами, и «сверху». А потом без колебаний сиганула с утлых мостков в шоколадно-масляную жижу. Врешь, не возьмешь! Ил меня замедлит, но и преследователи не смогут бежать по нему быстрее меня. А я доберусь до чистой воды и переплыву пруд!

И мне даже не холодно, как должно быть в ледяной жиже, мне жарко!

Полный злости и разочарования рев где-то позади только придал мне сил, и я вдруг осознала, что... пробежала! Как раз проскакала «аки посуху» всю илистую полосу и с разбегу, подняв тучу брызг, обрушилась в чистую, льдисто-черную глубину пруда.

Теперь плыть... быстро плыть, пока азарт, страх и адреналин не выкипели в крови, пока греют меня изнутри так, что даже ледяная вода, мгновенно добравшись сквозь промокшую одежду до тела, только приятно холодит, словно я не северной осенью устроила заплыв, а в летнюю жару решила остудиться.

Главное, успеть к другому берегу, пока мои преследователи не добежали туда первые. Почему-то ни один из них не решился прыгнуть за мной в пруд, только орали и матерились.

Правда, чтобы меня теперь перехватить, им придется либо лезть сквозь топь и камыши вдоль огородов, либо бежать вокруг села, теряя драгоценное время. А самое удивительное во всем происходящем — это то, что мой взгляд сверху никуда не делся, и именно им я рассмотрела, как то один, то другой преследователь вдруг с диким ором начинает дергаться на месте, увязая... в неизвестно как вдруг подобравшемся к их ногам иле. То есть словно топкий берег взял и... расширился в сторону деревни, ловя «ловцов», как мух на липкую ленту.

Ни один, правда, не увяз настолько, чтобы это ему всерьез навредило, и я сама не знала, рада я этому факту или разочарована им. Оставлять врагов за спиной — не лучшая идея. Но и душегубствовать лишний раз тоже нет желания. Надо плыть!

Когда я выбралась из воды, все произошедшее на другом берегу уже казалось мне каким-то ненастоящим, как будто сном. «Верхнее зрение» исчезло, зато мокрая юбка мгновенно примерзла к ногам. Я застучала зубами, обхватила себя за плечи и изо всех сил рванула через редкий подлесок в сторону тропы. Домой! К печке! Я не имею сейчас права заболеть, тем более чем-то серьезнее насморка!

Думать о том, что это вообще было, сейчас некогда. Давай, давай, Бераника, бегом! Пусть ноги подкашиваются, а грудь разрывается от нехватки воздуха, останавливаться нельзя!

Когда я влетела за первый редкий строй берез, мне показалось, что я рухну замертво, не пройдя и двух шагов. Но ничего подобного: у меня словно второе дыхание открылось, и я полетела по расстеленному осенью золотому ковру к дому как на крыльях.

Вот уже и дымок из трубы показался над поредевшими березовыми маковками. Ну, еще немного...

На крыльцо я практически влетела. Последние несколько сот метров дороги смазались в памяти в одну желто-черную полосу, так быстро я неслась. Еще несколько шагов на пределе сил, рывок — и я еще успела услышать испуганный вскрик кого-то из девочек. И рухнула в ту самую ледяную глубь, что не смогла поглотить меня там, возле деревни, когда я саженками переплывала пруд.

— Мама-а-а! — отчаянный детский рев и испуганные всхлипывания канули следом, и я еще успела подумать, что не имею права так пугать мелких. А потом темная вода сомкнулась над моей головой.

Жарко... очень жарко. И темно. Кто-то плачет далеко-далеко, так, что звук едва доносится сквозь ватное одеяло пустоты.

— Ну что, бабка, не сдюжила? — ехидный голос возле самого уха. — Могу перенести тебя обратно к твоему теплему сортиру и газовой плите. Последние годочки в комфорте доживешь и без всяких проблем. Даже без маразма и болячек. И квартиру не придется продавать, сделаю подарок за неудачную попытку, я добрый. Умрет твоя праправнучка сразу, этой же ночью, не мучаясь. Согласна?

— Пошел ты на... и по... да через... — от души в три этажа выдала я. Вспомнила уроки ссыльной молодости и зеков из расконвоированных, что от голода превращались в неопасных и неспособных к побегу доходяг. Их пускали на «легкую» работу в поселок. И русский матерный был в ходу даже у университетских профессоров.

— У, какая злая, — чему-то обрадовался голос. — Все равно ж не справилась, а? Какой тебе смысл возвращаться? Зачем тебе чужие дети и проблемы?

— Не твое дело, — я изо всех сил старалась прогнать темноту, а вместе с ней и голос. — Плевать мне на твое задание.

— Ну и дура, — хихикнул голос, и я почувствовала, что у меня, кажется, получается. — А ведь пятый шанс...

Я закашлялась и, борясь за каждый глоток воздуха, уже не услышала, что там с шансом и о чем это вообще. Зато, с трудом разлепив веки, я увидела склонившуюся надо мной зареванную старшую дочь с полотенцем и поняла, что я лежу вовсе не на полу в сених, а уже раздетая на полке в нашей маленькой баньке. Баня жарко натоплена, а Эми вместе с Кристис растирают меня жесткой тканью.

— Мама-а-а! — Кристис заметила, что я открыла глаза, и заревела в голос. — Мама-а-а-а!!!

— Перестань рыдать, делом займись, — совершенно с моей интонацией одернула ее Эми. — Пойди и проверь, заварились ли травки, и положи в горшок три ложки меда. Три, Крис, запомнила? Умница.

Тут она тоже заметила мой удивленный взгляд, и у нее задрожал подбородок, но она с усилием сглотнула слезы и принялась еще крепче растирать мне руки и грудь.

— Я все правильно делаю? — шепотом спросила девочка через

полминуты, когда младшая, наскоро высморкав нос в полотенце, уже выскочила в предбанник. — Правильно же, мам? Раздеть, растереть, согреть и дать попить отвара? Как когда Шон свалился в ручей? Лис помог нам принести тебя сюда, и я его выгнала... печь топить. Все правильно же, мам, да?

— Все правильно, — голос от слабости прозвучал хриловато и тихо, но у меня хватило сил привстать и оглядеться. Ага, девчонки-умнички даже натянули на меня сухую нижнюю юбку. И укрыли своим одеялом, из детской притащили. — Ты молодец, Эми.

Дочка закусил губу и кивнула, а потом не выдержала, вцепилась в меня и тоже разревелась.

— Мы так испугались, мам! Так испугались ужасно... Что случилось?

— Ничего страшного, я просто упала в воду и потом очень быстро бежала домой, чтобы не заболеть, — не стану я сейчас дополнительно пугать детей рассказами про облаву на меня. Они и так за границу наших владений не выходят, и впредь я их не выпущу. — Не надо бояться, зайнька, все хорошо.

— Ты теперь заболеешь и умрешь? — как только я очнулась, Эми снова почувствовала себя маленькой девочкой, вот и вопросы задавала соответствующие.

— Даже не подумаю, — фыркнула я и все же села на лавке. — Вот еще. Сейчас устроим внеочередной банный день, раз уж вы всю топку раскочегарили, потом напьемся отвара с медом и будем спать!

— Только ты тогда выпей молоко с маслом, как Шону давала! — потребовала от двери вернувшаяся Кристис, а где-то в предбаннике подтверждающе кашлянул Лисандр, который не решался войти туда, где «леди могут быть неодеты».

— Молока с маслом? — я удивилась не тому, что дети запомнили невкусное лечение, другому.

— Ага, — облегченным ломающимся баском выдал из предбанника Лис. — Я вообще не понимаю, в какую воду ты так падала, что прибежала с мешком припасов за спиной, и даже горшок с маслом не разбила!

Глава 33

Обошлось. Хотя я всерьез боялась после такого приключения заполучить воспаление легких, а при нынешнем уровне медицины и в нашей глуши это настоящая смертельная опасность.

Но правильные действия детей, жаркая баня и несколько дней на отварах трав подействовали просто волшебным образом. Даже не чихнула. Впрочем, не слишком этому удивилась, вспомнив первую молодость.

Вон в войну матери с детьми и голодали, и холодали, и единственный кусок ребенку, а сама по три дня голодная, да по двадцать часов в сутки пашешь, и чуть ли не босиком по снегу... и ни одна не болела всякими гриппами и простудами, как в мирное время. Каждая знала, что болеть нельзя, и этот запрет так крепко в голове сидел, что организм под него подстраивался, мобилизуя все силы и ресурсы.

Другое дело, чем потом платить пришлось за это нечеловеческое напряжение. Рано, ой рано постарело мое поколение... и болячки потом повылезали, в мирное уже время, когда внутренний приказ на выживание любой ценой ослаб.

Можно сказать, своим телом каждая мать детей выкормила.

Ну вот и тут я сдюжила, не заболела. Только в село решила больше пока не ходить — странное чувство было после спринтерского заплыва через пруд и забега через лес, будто изменилось что-то то ли во мне, то ли в окружающем мире.

Повздыхала-повздыхала и пошла делать ревизию нашему хозяйству. Не все, чего хотелось, успели запасти, но надо было четко выяснить, перезимуем ли мы самостоятельно, или все же придется что-то придумывать, чтобы получить доступ в село. Рисковать, конечно, не хотелось бы...

Ну что же. Дровами забито все под навесом, это Лис славно поработал. Я его на другие дела почти не отвлекала, а как только удалось выменять у крестьян старую двуручную пилу, наточить да выправить — стала помогать вовсю. До этого-то мы все больше хворост домой таскали. И то не всякий. А пойдика вытащи из бурелома упавшую вековую сосну!

Хотя чутье мое безошибочно указывало, где искать нужное дерево да какой дорогой его волочить, но все же волшебства никакого не происходило, и дрова сами к дому идти не собирались.

Так что когда появилась возможность распиливать толстенные стволы на месте и в тачке возить их к дому — мы с Лисом минимум половину каждого дня только этим и занимались.

Вот только я все же очень рассчитывала на уголь, который заказала через Астасью, оплатив ладно скроенными и сшитыми мужскими «пинжаками» из хорошей шерсти — славу как швея я себе добрую сделала, уже и заказы пошли.

И теперь непонятно, как тот уголь забрать. А также муку, мясо, новое полотно — весь свой лен мы почти извели уже... эх. Все же совсем робинзонами жить трудно.

Для нормального хозяйства куча вещей нужна, которых я сама не сделаю. Это и железо всякое, и шерсть, и кожи, и... колеса вон для тележки надо новые у колесника заказать. Про нормальную телегу с лошастью я уже молчу — думала внаем брать, бураков воз на зиму привезти, они дешевые и сытные. Да того же навоза для огорода! Козато много не нас... не нанавозит.

И словно полоса темная началась — начал вдруг капризничать и вредничать Шон. Вот вроде самый младший всю дорогу меньше всех проблем мне создавал. Особенно когда не болел. Ну непоседа, ну хулиганит понемножку, чуть-чуть вредничает временами. Но его легко было занять, отвлечь и уговорить.

А тут как шлея под хвост попала. Для начала поругался с сестрами. Да и по правде сказать, девчонки иногда перебарщивали в своем желании о нем позаботиться, и к тому же старались командовать «глупым малышом». Шон поначалу терпел, а потом обвыкся, перестал всего бояться и начал бунтовать.

Что они не поделили в этот раз, я понять не успела, занята была с утра так, что ни вздохнуть, ни... ни выдохнуть. И узрела только результат, когда, опоздав к столу, на котором стоял горшок со вчерашними щами, наткнулась на скандал.

Как рассказала потом всхлипывающая Крис, за обедом какой-то мрачный и недовольный Шон вдруг заявил, мстительно глядя в тарелку к Эми:

— Сама лягушек ешь, а туда же! Что, не знала? Глупая потому что!

И раззява! Все давно знают про мамин пруд, одна ты курицу от жабы не отличишь!

— Каких еще лягушек?! — Эми уронила ложку и посмотрела в тарелку с ужасом. — Какую жабу?!

Как назло, Лисандра, который не преминул бы дотянуться и дать маленькому пакостнику легкий подзатыльник, за столом тоже не было.

Так что Шон лишь довольно зло прищурился и противным голосом поведал сестре про нашу «жабью ферму» на другом берегу запруды и про то, что она дура, с самой весны не догадалась, а куры наши при всем желании не строчат цыплятами с такой скоростью, чтобы их чуть ли не каждый день варить, а курятник все полон.

Я как раз зашла в комнату во время его последнего спича.

— Шон! — возмутилась, видя, как побледневшая девочка, бросив на меня затравленный взгляд, зажала рот ладошками и опрометью выскочила из-за стола.

— А пусть знает! — маленький негодник упрямо набычился и ни в какую не захотел ни мириться с рыдающей сестрой, ни объясняться со мной.

И с этого момента в него как бес вселился — был милый послушный ребенок, а стал чертик-наоборотка. И ладно бы просто спорил и вредничал — так он ведь назло стал делать то, что категорически запрещено, потому что опасно.

Поначалу я не придавала этому большого значения. У детей такое бывает, и надо просто переждать, как осеннюю непогоду.

Что поделать, растет мелкий, а общения со сверстниками ему не хватает. И загружен он меньше всех, остальным просто некогда дурить, и сил на это нет — упасть бы носом в подушку и отоспаться!

Лис все время занят серьезной работой по дому, а Шону, хотя он и тянулся за старшим братом, быстро надоедало помогать там, где надо монотонно делать одно и то же. Девчонки же сынуле явно опротивели с их материнским инстинктом и вечным присмотром.

Я, как могла, старалась его занять. Лепила ему страшных зверей-динозавров из глины, выжигала раскаленным концом кочерги буквы на деревянных кубиках, которые напилили мы с Лисом. Учила различать звериные следы по первому снегу.

Но этого всего было недостаточно — я не могла выделить больше часа в день, зима неумолимо накатывалась на заимку темными стылыми

ночами и все теснее сжимала клыки вокруг крошечного и такого хрупкого нашего благополучия.

Если бы знала, чем это кончится, забросила бы к чертям свои попытки наладить связь с селом так, чтоб не приходилось выходить из леса, плюнула бы на лихорадочную заготовку дров и хвороста, на сбор рябины, калины и прочей клюквы.

Но я решила, что раз научилась в последнее время чувствовать более-менее, где именно шастает по лесу недалеко от дома каждый из детей, то сторожить их круглые сутки уже не надо. Успею, если что... да и учую заранее, если кто маленький и вредный полезет в осыпающийся овраг или решит прогуляться по только-только замерзшему пруду.

Ну и девчонки у меня ответственные вроде бы. Даже за вредным братиком приглядывают. Правда, Крис уже пару раз рыдала, когда сердитый Шон обзывал ее противной ябедой, и они даже подрались. Но это все не смертельно...

Было. До того момента, как я набрела в лесном болоте на особо клюквенное место и так увлеклась, что не сразу отреагировала на тревогу и странный озноб — думала, что просто замерзла.

Когда я спохватилась, грудь уже леденела от дурного предчувствия. Со всех ног кинувшись домой, я лихорадочно напрягала на бегу чутье, пытаясь определить, где находится каждый из детей.

Лис за оврагом, он вчера там пилил последний сухостой. Кристис и Эмилина во дворе. А Шон?!

Глава 34

— Выходь, ведьма! — гаркнул здоровенный мужик с косматой бородой, торчавшей из тулупа, как старая метла. — Выходь, а то удавлю твоего щенка, тока шейка его цыплячья скрипнет!

Поденок держал за шиворот обморочно обмягшего Шона и стоял шагах в тридцати от того места, где кончался лес. Ребенок не пытался сопротивляться, но был в сознании и смотрел прямо перед собой широко раскрытыми пустыми глазами.

Какая же я дура... Да, чужой взрослый человек с дурными намерениями не войдет в мой лес. А вот ребенок — крестьянский мальчишка, ровесник Шона, которому рассказали сказочку, дали пряник и предложили пригласить барчука из леса в гости, пройдет свободно до самой заимки. И позовет. И выведет.

Он ничего плохого и не хотел. Вон, подвывает с перепугу за первым деревенским плетнем, куда его отбросили, как ненужного кутенка, когда два здоровых мужика накинулись из засады на вышедшего из-под защиты неведомой силы сына.

После того как меня едва не поймали в селе, караульные из комендатуры перестали приходить. Один раз с опаской навестившая меня Астасья мельком сказала, что вроде как часть солдат гарнизона ушла куда-то за Хребет на учения, и с ними Шилов. В его отсутствие никто не стал гонять караульных к бесу на рога в странный лес. Да и вообще... нынче власть опять у «сельской администрации».

Теперь я стояла на тропинке в шаге от границы и понимала, что помощи ждать неоткуда.

— Выходь-выходь, цучька, — подхватил мнущийся тут же староста. Его самодовольная медная рожа аж лоснилась от удовольствия. — Щас, барин, вылезет, никуда не денется. Гнат, тряхни цученка, шоб заорал, на баб энто лучшим макарон действует!

Я резко выдохнула и шагнула вперед, так, чтобы выйти из-за заснеженной ели раньше, чем эта скотина с бородой успеет причинить вред ребенку. И прищурилась — разглядела наконец, кого так почтительно и раболепно называет барином староста.

— Леди, я всего лишь хочу поговорить с вами, — высокий

мужчина в дорогом плаще, подбитом мехом, откинул с головы капюшон и в упор посмотрел на меня бледно-голубыми глазами из-под прямых, сошедшихся на переносице бровей.

Он был бы даже красив, этот аристократ до мозга костей, если бы не равнодушно ледяной, рыбий какой-то, взгляд, от которого у меня по спине побежали мурашки.

— Сначала отпустите ребенка, — я старалась говорить спокойно и негромко. И даже голос не дрожал, надо же.

— А навоза на лопате те не надо?! — издевательски выкрикнул староста, прожигая меня ненавистью, но тут же подавился и даже отступил на шаг, получив от аристократа ледяной и злой взгляд.

— Как только вы подойдете сюда, ребенка немедленно отпустят, даю вам слово, — пообещал он и кивнул бугаю с бородой. Тот поставил Шона на утоптаный снег, но не отпустил, держал за ворот сшитой мною стеганой курточки.

Я с самого начала понимала, что мое положение безнадежно. И все равно продолжала надеяться на что-то, пусть даже на чудо. Не сдаваться до самого конца — я так всю жизнь прожила. И ведь были случаи, когда помогало.

Шаг, еще шаг. Я чувствую спасительную границу леса кожей и на секунду замираю, останавливаюсь, прежде чем шагнуть в последний раз. Смотрю на Шона — сын молча плачет, блестящие слезы частыми горошинками катятся из широко открытых глаз, но губы плотно сжаты, ребенок не издает ни звука, даже не всхлипывает.

Я ободряюще улыбнулась сыну и быстро пошла по тропе к нему и к его похитителям. Только ни в чем не сомневаясь и внутренне собравшись в пружину, готовая ко всему.

Сначала, не обращая ни на что внимания, подошла к бородатому и просто забрала ребенка. Бандит почему-то растерянно застыл, может быть не чувствовал во мне страха, которого добивался. И Шона он отдал безропотно, хотя что толку — оба мы уже здесь, и я спиной чуяла, как еще какие-то люди нас окружают и отрезают спасительный путь к отступлению.

Я не стала брать сына на руки, не стала даже вытирать его зареванное лицо — воздух вокруг так звенел от напряжения, и ситуация в любую секунду могла сорваться с острия иглы и обрушиться в пропасть. Так что просто толкнула мальчишку к себе за спину.

Остановившись в шаге от заезжего аристократа, я прямо посмотрела ему в глаза и вопросительно приподняла бровь:

— Что вы хотели, лорд... не имею чести быть представлена.

— М-да... — человек с рыбьими глазами медленно осмотрел меня с головы до ног и покачал головой. — Вот она, кровь. Порода. Даже удивительно, что такому слизняку, как Аддерли, удалось получить такую женщину. Только идиоты орут про всеобщее равенство. Всегда будет тот, кто выше и сильнее по праву крови и духа. Даже если это всего лишь женщина. Женщина древнего рода, в которой проснулись силы пращуров.

— Вы пришли, чтобы сделать мне комплимент? — я немного криво усмехнулась, якобы заинтересованно склонив голову к плечу.

— Увы, леди. Меня интересуют бумаги вашего мужа и не устраивает сказка о том, что вы якобы продали архив князю Агреневу. Во-первых, не той вы породы, чтобы так осквернить память мужа, даже если он оказался вас недостойн. А во-вторых, мои люди сумели получить доступ к банковскому хранилищу князя. Увы, никаких бумаг там не оказалось.

Я едва сдержалась, чтобы не кинуться и не вцепиться ногтями в это холеное и равнодушно-высокомерное лицо. Кто бы ни стрелял в Вежа, а главный виновник вот он, передо мной. Он отдал приказ.

Но я сдержалась. Нельзя показывать чувств, нельзя давать волю эмоциям. У меня дети.

— Боюсь вас разочаровать, лорд. У меня нет того, что вы ищете. И никогда не было. Мой муж никогда не показывал мне никаких бумаг, не доверял своих секретов и не просил ничего спрятать.

— Что же... мне жаль, — лед в рыбьих глазах сверкнул острой гранью. — Мне действительно жаль... но я вынужден пойти на крайние меры. Здесь вы слишком сильны, а вот в городе... И этот ребенок мне тоже нужен для гарантии. Взять!

Я ждала этого мгновения и была к нему готова. Сама не знаю, как мне это удалось, но, должно быть, со стороны это выглядело так, словно на том месте, где я только что стояла, взметнулся снежный вихрь.

Секунда — и я проскользнула под рукой еще одного здоровяка, кинувшегося ко мне наперерез, подхватила Шона, почти не чувствуя его веса, словно не ребенок в зимней одежде, а пушинка, и рванула к лесу.

Я не надеялась убежать, нет. И не рвалась именно на тропу,

кинулась через снежное покрывало к ближайшим кустам, в сторону от перерезавших спасительную дорожку головорезов.

И все равно понимала, что не успеваю. Сама убежать не успеваю, а вот сделать почти невозможное и в последнюю секунду, когда яростно дышащие преследователи уже хватали меня сзади за воротник, швырнуть мальчика вперед и вверх, чтобы он улетел в густое переплетение серебряных от инея тонких веток...

— А-а-а, цука! — взревело за спиной, и меня швырнуло в снег, да с такой силой и злобой, что едва дух не выбило. Но я только зубы сжала, внутренне ликуя — смогла! Смогла!

Шон упал у самой границы лесного оберега и, мой маленький умница, на четвереньках, шустрым зайчонком шмыгнул прочь, в самую середину заснеженного куста.

— Не смей! — еще успела услышать я резкий окрик аристократа, и удары ног по ребрам прекратились. Я закашлялась, почувствовав кровь на губах, и попыталась привстать. Может быть... еще что-то удастся... мне нужно чудо, черт побери!

Чуда не случилось.

Случилось что-то непонятное. Меня уже подняли за ноги, за руки и потащили к подъехавшей к лесу карете, когда неожиданно кто-то из моих похитителей вдруг дико заорал и резко хлопнул звук выстрела. А потом воздух вздрогнул от бешеного звериного рыка.

Глава 35

Все замелькало перед глазами — взрытый неглубокий еще снег, вывернутая из-под него и почему-то словно бы парящая теплой влагой земля, чужие руки, сапоги, тулупы, плащ...

Такая бешеная карусель, что меня из нее просто вынесло и выбросило, словно центробежной силой.

И звуки. Страшные, жуткие. Крик, хрип, какой-то непередаваемо леденящий кожу хруст и звук чего-то влажно рвущегося.

Я не сразу поняла, что черная земля под снегом парит не просто влагой, а почти черной в ранних зимних сумерках кровью. А на том месте, где стоял аристократ с рыбьими глазами, бешеным вихрем мечется огромный бурый зверь, весь покрытый алыми разводами.

Кажется, было несколько выстрелов, но они только добавили зверю ярости. Он был слишком быстр для такого огромного медведя, как-то ненормально быстр и свиреп: не просто убивал — рвал в клочки. Плащ аристократа отлетел в мою сторону и шлепнулся на снег влажной тряпкой.

Не знаю, кажется, я не успела даже испугаться, в голове была одна мысль: граница леса в тридцати шагах, меня еще не успели далеко оттащить, и где-то там, за ненадежным частоколом голых зимних веток, мой сын.

Так что быстро, Бераника, быстро! На четвереньках, если ноги не несут, но двигай в нужную сторону. Пока зверь не обращает на тебя внимания — надо бежать.

Я уже почти доползла до спасительного рядка молодых березок, зябко тянущих голые тонкие веточки навстречу падающим снежинкам, когда вдруг поняла, что вокруг стало тихо-тихо. Крики за спиной умолкли, и оттуда вообще не доносилось ни звука.

Я не стала оглядываться и снова поползла, но тут что-то большое и мокрое осторожно ткнулось мне в затылок и шумно засопело. А потом тяжелая медвежья лапа взрыла снег совсем рядом с моим телом.

Я прижалась к земле и постаралась даже не дышать. Первое правило тайги — притворяйся мертвым, и тогда есть шанс, что медведь тебя не тронет.

Этот медведь правил не знал. Или просто был противник всяческих ограничений свободы личности. Стоял, пыхтел мне в затылок и изредка пихал лапой в бок.

Через какое-то время то ли адреналин схлынул, то ли просто мороз оказался сильнее, но я почувствовала, что еще немного — и я просто околею тут, лежа на стылой тропе. Перевернуться и посмотреть прямо в медвежью пасть у меня духу все же не хватило, а вот тактику каких-то придурочных испанских мужиков, которые устраивали ползковую корриду у себя в Пиренеях, я решила попробовать.

Я по телевизору видела, в «Клубе кинопутешественников». Там две соревнующиеся компании полных дебилов пытались пересечь ползком арену, по которой бегал разозленный бык. Когда рогатая скотина смотрела в сторону, вереница идиотов привставала на четвереньки и шустрым гуськом ползла вперед. Как только бык краем глаза замечал движение и оборачивался к ним — все падали на пузо и изображали дохлую гусеницу.

Вот и я попробовала повторить нечто подобное. Медведь вроде убрал нос от моего затылка, и я медленно, отталкиваясь ногами, поползла с полметра. Замерла, снова ощутив его дыхание на затылке. Потом снова поползла...

Границу своих владений я почувствовала всем телом. А еще вдруг ощутила злость. У меня там ребенок в лесу, а я тут еле шевелюсь из-за какого-то куска меха! Какого хрена ему от меня надо?! Хотел бы — задрал уже давно!

Я резко развернулась и села, уставившись прямо в медвежью морду.

Дурацкий косолапый доставала тут же отвернулся и вообще сделал вид, что нюхает куст. А потом самым бесстыдным образом его пометил. И сел на тропу, по-собачьи склонив лобастую башку набок.

На своей территории я как-то почувствовала себя увереннее. Встала сначала на колени, потом, кряхтя, как старая бабка, и держась за ветки ближних кустов, на ноги. Снова посмотрела на медведя — сидит. Таращится куда-то в сторону, вроде как меня даже не замечает.

Нетипичное какое-то поведение для медведя, тем более шатуна. Зима ведь, ему дрыхнуть положено, а не шлаться возле деревни и рвать в клочки моих преследователей.

Я не выдержала и бросила взгляд туда, где за занавесом из

падающих с неба снежинок осталась карета рыбоглазого аристократа и его помощники. В теории остались... Карету я видела, непонятные кучи среди черно-снежного месива видела, а больше ничего. И тишина абсолютная, село как вымерло, никто не прибежал ни на крики, ни на выстрелы.

По спине потекла струйка ледяного пота. Даже несмотря на то, что для меня этот зверь являлся спасением, все равно от запаха крови и смерти, разлитого в воздухе, стало жутко и гадко.

Кое-как проковыляв первые несколько шагов, я совладала с собственными затекшими мышцами и сначала пошла, а потом побежала по тропе прочь, в глубь леса, свернула в сторону, через частокол зимних елей, туда, куда мог уползти сын, когда я его швырнула.

— Шон! — медведь за мной вроде не пошел, мне все равно было страшно подзывать мелкого неслуха туда, где поблизости зверь, но оставлять ребенка одного в зимнем лесу еще хуже.

Сына я скорее почуяла, чем увидела в подступившей темноте: Шон забился глубоко под развесистую ель и притих там клубочком на палой хвое — пушистые лапы росли так густо и широко, что у ствола даже не было снега и образовался настоящий шатер. Вытащив полуобморочного ребенка из убежища, я наскоро растерла ему лицо и руки снегом, отхлестала по щекам и добила слабого писка в ответ. Выдохнула и со всех ног рванула вперед, держа мелкого на руках.

О медведе я попросту забыла. И не вспоминала все то время, пока неслась к дому, потом, подняв по тревоге остальных перепуганных детей, в баню — привычным способом отогреть и лечить сына. Да и остальных заодно успокаивать, рассказывать урезанный вариант, объяснять как-то брызги крови на моей одежде и синяки на лице и теле.

Хорошо еще, эти пожранные зверем подонки зубы мне не выбили. Стоматологов в лесу не водится...

К полуночи все более-менее уладилось, распаренный и намытый Шон уснул, стиснутый между сестрами, Лис возился в предбаннике, наводя там порядок после нашего бедлама, а я вышла из сеней, вдохнула полной грудью морозный воздух и без сил опустилась на крыльцо.

Господи, что это было? А медведь?! Тоже сила лесная? Раз меня он не тронул?

Как следует обдумать эту мысль я не успела. Крыльцо затряслось,

не слишком крепко пригнанные доски заходили ходуном, и я не выдержала, завизжала, вскакивая и хватаясь за перила.

И тут же сама зажала себе рот ладонью и изо всех сил подперла спиной дверь, в которую уже бился изнутри перепуганный моим криком Лисандр.

— Бера! Бера, что с тобой?! Бера!

— Тихо, Лис, — могу собой гордиться, голос почти не дрожал. — Все нормально, не колотись и не ори, детей разбудишь.

— Да что происходит?!

Я мрачно прикусила губу и посмотрела на высунувшуюся сбоку из-под крыльца медвежью лапу. Этот... цука... зверь явно пытался устроиться в слишком тесном для него пространстве под крыльцом, но толстый зад и мохнатые лапы не влезли и торчали, подпрыгиваясь и разрывая когтями мерзлую землю. Оп-оп — и медвежьи конечности таки втянулись внутрь. Под крыльцом удовлетворенно взрыкнули и засопели.

Не поняла. Он сюда спать пришел? На всю зиму?!

Глава 36

— Бера, ты уверена, что он там? — шепотом спросил Лисандр, пытаясь что-то разглядеть через щель между косяком и приоткрытой дверью. — Ничего не видно... погоди... Снегу нападало, и он нетронутый по всему двору лежит.

— А ты думаешь, медведь должен был с утра встать и попрыгать вокруг дома, просто так, лапы размять? — хмыкнула я и вздохнула.

Вчера я не рискнула лезть к зверю под крыльцо и выяснять у него, какого рожна он там забыл. Посидела в ступоре, потом зашла в дом, кое-как успокоила Лиса, который от таких новостей ошалел и рвался посмотреть на топтыгина. Не дала, конечно. Загнала сына на печку, спать. И сама легла, чувствуя, что сил совсем не осталось.

Думала, буду ворочаться и кошмары видеть про нападение и про зверя — ничего подобного. Уснула, стоило головой коснуться подушки, и продрыхла до рассвета.

А утром сама уже засомневалась, не привиделся ли мне косолапый под крыльцом. Мало ли, от стресса.

Не-а, не привиделся. Когда я спустилась по скрипящим ступенькам и заглянула в темноту, темнота заколыхалась, из нее высунулся черный кожаный нос и шумно втянул воздух.

Я отступила на шаг, но орать и убегать не стала, хотя тяжелое полено в руке сжала покрепче. Понимала, что глупость это все и палка против здорового медведя — это все равно что мышь с зубочисткой будет нападать на кота.

А куда деваться? У меня дети в доме, не могу же я их держать взаперти только потому, что какая-то наверняка блохастая туша решила зимовать под нашим крыльцом.

— Эй, вылезай давай, — мрачно сказала я черному носу, чувствуя себя при этом полной идиоткой.

Сопение стало громче и перешло в задумчивое пофыркивание. А потом «оно» начало вылезать. И лезло, и лезло, уже, кажется, полдвора заняло собой и все никак не кончалось. Вчера в сумерках этот медведище не показался мне таким громадным! Как он только под крыльцом поместился...

Топтыгин окончательно выбрался из-под крыльца и первым делом как следует потянулся, смешно оттопыривая по очереди обе задние лапы. Прошелся по свежему снегу, искоса поглядывая на меня, и радостно плюхнулся на бок с грацией рухнувшего цементовоза — мне показалось, что весь лес и наш дом содрогнулись.

А потом эта туша принялась кататься по двору на спине, болтая в воздухе лапами, как дурной щенок, и радостно порывивать, вскапывая свежий снег мордой.

Медведь был действительно здоровенный, темно-темно бурый, почти черный. Шуба даже на вид невероятно густая и жесткая, как у какого-нибудь породистого терьера. А вспарывающие воздух когти и сверкающие в жизнерадостно раззявленной пасти клыки вообще заставили меня передернуться.

И вот это чудище изображало у меня перед крыльцом щенячий восторг, явно не собираясь ни на кого нападать. Прямо сейчас, в смысле, не собираясь.

— Это говорящий мишка?! — вдруг спросил с крыльца звонкий детский голос, и я подпрыгнула, резко оборачиваясь. Но дверь уже захлопнулась, и возмущенные вопли младшего сына из-за нее доносились приглушенно.

Шон, слава тебе господи, совершенно оправился после вчерашнего и явно был готов к новым подвигам. Правда, его возмущение быстро прервал звук подзатыльника — старший братик вчера тоже страху натерпелся и теперь дисциплину наводил драконовскими методами. Я уже слышала обрывок разговора про то, что он «не мама Бера» и если что — хворостину в лесу живо выломает для излишне вредных или инициативных. И если еще раз кто-то посмеет отойти от дома дальше, чем на два шага... или не слушаться с первого раза... или обижать сестер... короче, Лис устроил младшему пропесочку по высшему разряду. Сделал мою работу.

Не стала в тот раз вмешиваться. Лис на самом деле очень терпеливый и к вспышкам пустого гнева не склонен. Довести его до хворостины — это надо постараться. И если кто сумел... ну, каждый должен знать, чем чреваты попытки прыгнуть под грузовик.

Вот и сейчас в доме почти моментально все стихло. Но медведь уже услышал все что надо, потому что перестал кататься по двору и стоял, с интересом вытянув нос в сторону крыльца.

Я нахмурилась.

— Иди давай отсюда. У нас и так еды мало, тебя я точно не прокормлю. И вообще, ты дикий зверь, причем вон жирный какой! Иди ищи себе берлогу, выкопай в крайнем случае и спи до весны!

Это я прокомментировала явный интерес косолапого к запаху овсяной каши с сушеной малиной, который вырвался из двери вместе с Шоном. Не знаю, как шумный ребенок, а запах топтыгину явно понравился.

Правда, после моей отповеди он недовольно заворчал, отвернулся и побрел со двора. Словно и впрямь понял мои слова. Мне даже на мгновение стало очень стыдно за свою жадность и неблагодарность. Но я твердо знала одно: прикармливать дикого зверя поблизости от жилья нельзя ни в коем случае. Особенно медведя. Особенно зимой.

Косолапый ушел, я выдохнула с облегчением и вернулась в дом. А там повседневные заботы накатили колесом, и отвлекаться на мысли о его странностях лишней секунды не было. При том, что я даже подумать боялась, как теперь выбираться в село и что обо всем случившемся скажут люди и власти.

Понятно, вменить мне в вину разодранных медведем душегубов нельзя. С точки зрения логики нельзя. Но там, где из-под темной лавки выползает душным облаком страх, логике нет места.

Как бы теперь даже мои друзья среди сельчан не стали меня бояться и проклинать, называя ведьмой. Это было бы не просто плохо — это была бы полная катастрофа. Даже если накопленных уже запасов хватит на зиму, дальше-то что? Как жить?

И учитель же для Лиса и девочек! Молоденький студент, вляпавшийся в еще одно «тайное общество борцов за справедливость» и угодивший в глушь на поселение на три года... Я же с ним почти договорилась. Он должен был начать приходить к нам трижды в седмицу, когда работы на известковом карьере станут до весны — то есть когда упадет по-настоящему глубокий снег. В оплату я обещала подкормить тощего до прозрачности очкарика, обшить полностью, от исподнего до стеганого на шерсти пальто, на манер не к добру помянутых ватников, и даже соорудить ему зимнюю обувь из плотной парусины. Мальчишка был рад невероятно и боялся, как бы я не передумала. А теперь запросто сам откажется.

Да, теперь он вряд ли явится... вот беда.

За тяжкими думами день промелькнул незаметно, мягкие сумерки упали на очищенный с помощью самодельных лопат двор, и вместе с ними вернулся медведь.

Он решительно, как к себе домой, прокосолапил во двор и положил перед крыльцом полтуши здорового лося. Другую половину копытного потапыч явно потребил сам, судя по разводам на морде и жирной лоснящейся шерсти. А это подношение принес и теперь стоял над ним гордо, как мужик-добытчик, притащивший в родную пещеру мамонта.

Я вышла на требовательный рык гостя и едва не села на ступеньки от неожиданности. Медведь топтался возле туши и подпихивал ее ко мне носом, настырно ворча. А потом вовсе неуловимо-быстрым и неожиданным для такого громоздкого существа движением прянул ко мне, ухватил зубищами за рукав и очень осторожно потянул, словно звал спуститься с крыльца.

Его морда впервые оказалась так близко от моего лица, и я взглянула ему в глаза. Мир покачнулся.

— Веж?! — хриплый шепот скатился по густой бурой шкуре ледяными слезинками. — Не может быть...

С медвежьей морды на меня смотрели по-человечески умные и очень грустные глаза. Серые, с золотыми лучистыми солнышками вокруг зрачка. Глаза князя Агренева.

Глава 37

— Как же так, Веж, как же так... — словно во сне повторяла я, прижимая к себе огромную лобастую голову зверя. Медведь замер, только иногда тихо-тихо поскуливал, как щенок, и громко вздыхал.

Я сидела на мерзлой земле между крыльцом и лосиной тушей и не могла понять, на каком свете вообще все это происходит.

Веж... как?! Почему?!

И что мне теперь делать?

— Ты пришел, мой хороший. Главное, ты пришел, — какое-то время спустя я смогла собрать разбегающиеся мысли и понять главное. — Живой... Остальное не важно.

Мысли закрутились в голове водоворотом. Я не могу ошибаться, это его глаза, а еще — никакой самый умный лесной зверь не станет со мной обниматься, не станет приносить еду и тем более вполне осознанно кивать в ответ на мой вопрос. Что же произошло?

Как-то сама собой сложилась картинка, я вспомнила слова, сказанные Шиловым, и встrepенулась:

— Тебя действительно ранили в спину, смертельно?

Медведь кивнул тяжелой башкой и едва слышно зло рыкнул.

— А потом? — тут я ступила на зыбкую дорожку догадок и интуиции. — Потом ты превратился в зверя и задрал нападавшего? Одного из нападавших? Это его... останки нашли потом солдаты Шилова?

Медведь опять кивнул и заурчал так тоскливо, что я поняла его без слов:

— И ты не смог превратиться обратно... ушел в лес как был, медведем. А потом... забыл, что когда-то был человеком?

И снова тяжелый кивок. И виноватый взгляд.

— Поэтому ты так долго не приходил... Зверь вообще наверняка залег уже в спячку, да? А потом что-то тебя разбудило.

Веж зарычал злобно и ткнул носом в сторону села. Снова зарычал, искусно интонируя звук, я буквально до оттенка поняла, что он хотел сказать.

— Почувствовал опасность... услышал меня... давно? Несколько

дней назад? Понятно, это когда меня в первый раз загоняли. Ну! Тихо-тихо! Не вскакивай, не догнали же. И вообще ты всех виновных уже съел.

Медведь фыркнул, сделал вид, что отплевывается, потер лапой морду в жесте невыразимого отвращения, а потом непримиримо оскалился на дорожку, уходящую от нашего убежища в большой мир.

— Понятно, не всех. Ну... Веж, а обратно точно никак?

Косолапый лег у моих ног и спрятал морду между лапами. И опять тихонько заскулил.

— Да не съел он маму... — вдруг раздался громкий шепот прямо у меня над головой. — Подумаешь, медведь! Мама его стукнула, и вон он лежит...дохлый.

Мы с Вежем одновременно подняли взгляд, потом посмотрели друг на друга. На крыльце за дверью в дом явно что-то происходило — там слышался писк, треск, сопение и топот. Потом раздалась звуки трех подзатыльников, и все стихло. Понятно, у Лиса все же лопнуло терпение, и он утихомирил разбушевавшуюся малышню непедагогично, но действительно.

— Ты теперь останешься с нами, правда? — я с надеждой прижалась лицом к густой медвежьей шерсти. Внешний вид оказался обманчив, шерсть была мягкая и шелковистая на ощупь, теплая и почему-то пахла хвоей и свежестью, а вовсе не тяжелым звериным духом или, не дай бог, застарелой кровью.

Веж подтверждающе прикрыл глаза, ласково ухватил меня зубами за предплечье, нежно порывая и покусывая, стал ластиться, совершенно по-кошачьи бодаясь. Правда, размер его совсем не соответствовал кошачьему, а потому после особенно мощного «поглаживания» я едва не опрокинулась на спину.

Дверь хлопнула, и на крыльце возник бледный, решительный Лисандр с ухватом в руках, который он явно собирался использовать вместо рогатины.

— Мам, отойди за крыльцо, — напряженным голосом выдал подросток. — Быстро!

— Лис, успокойся, — я вскочила и взбежала по ступенькам к сыну, чтобы перехватить и его, и ухват. — Это... не просто зверь. Точнее, вообще не зверь.

— А кто? — довольно нервно переспросил парень, неуступчиво

отходя на полшажка и покрепче вцепляясь в рукоять своего оружия. — Принц заколдованный?

— Почти, — я вздохнула. — Лис, я сама ничего не понимаю... но это Вежеслав.

Лисандр посмотрел на меня с жалостью, явно решив, что мать тронулась рассудком от такого обилия событий, но тут его взгляд переместился куда-то мне за спину, и его глаза изумленно расширились.

Я резко обернулась. Здоровенный медведище своей широкой как лопата лапой выводил на успевшем снова нападать снегу:

«Приветствую, наследник Аддерли».

Лис, как загипнотизированный, посмотрел сначала на надпись, потом на медведя, оглянулся на меня и, чуть шатнувшись, спустился с крыльца. Он остановился прямо перед огромной медвежьей мордой и вгляделся в нее, снова вздрогнул, наткнувшись на совершенно человеческий взгляд в исполнении хозяина тайги.

И вдруг спросил что-то совершенно непонятное:

— Чур, пращур, через кровь к земле, через явь к ночи, через свет к душе?

Медведь вскинулся, словно услышал что-то невероятное, и как-то торжествующе заревел. Снег вскипел под его лапами, а окружающий лес словно подхватил этот рык, эхом разнося его по оврагам, полянам и тропам, пропуская сквозь заросли, как сквозь гребень, унося вглубь чащи и наоборот — вверх, в темное небо.

Я и сама почувствовала, как вздрогнуло пространство, и в душу внезапно пришло ликование и покой. Словно в темную пыльную комнату, набитую старым хламом и сожалениями о несбывшемся, вдруг открыли дверь, и через нее ворвался поток свежего воздуха и яркого света.

Немного понаслаждавшись этим состоянием и с сожалением проследив, как оно тает, уходит, оставляя легкий теплый след, я посмотрела на сына и на Вежа другими глазами.

— А теперь можно по-славски: что это было?

Не менее меня потрясенный Лис обернулся и осоловело похлопал глазами, потом потер переносицу, что случилось с ним только в момент, когда он сильно смущался.

— Я... это... няня рассказывала сказки. Про начало светлых родов. Про пращуров. Я ужасно любил одну, где Евана-царевича в лесу убили

родные братья-завистники, но к нему пришел его Щур — серый волк — и оживил, даровав свой облик. Потому что Еван был настоящий витязь — храбрый, честный и горячий сердцем. И очень любил свою Вселесу-царевну, хотел к ней вернуться даже из-за Калины-реки. Поэтому Щур ему помог... но вернуть человеческое убитое тело не сумел и дал волчье. И сказал волшебные слова.

Лис снова потер переносицу и посмотрел на меня почти виновато:

— Я понимаю, что слишком взрослый, чтобы в сказки верить, меня отец за это всегда ругал и прогнал няню, но...

— Но теперь сказка пришла к нам сама, — я подошла и обняла сына. — Только я пока не знаю, сумеем ли мы заслужить счастливый конец.

— Ур-р-р, — Веж решительно просунул морду между нами и потерся мохнатыми ушами о нас обоих, да со своей медвежьей силушкой не рассчитал — едва не уронил. И зафыркал, как будто засмеялся.

— Ах ты хулиган, — я шутливо погрозила кулаком.

И вдруг подумала — ну а почему нет? Хочу сказку с хорошим концом, хочу! Ведь одно чудо уже произошло, пусть медведем, но мой князь вернулся ко мне.

— Я тоже хочу мишку! — обиженно сказал с крыльца самый младший неслух. Вывернулся из рук старшей сестры, и я охнуть не успела, как этот маленький паразит слетел с крыльца и с размаху врезался в пушистый медвежий бок, что-то восторженно вереща.

Глава 38

Зимовать в лесу, даже в самом дружелюбном и защищающем, одной с детьми и зимовать там же, но когда рядом мужик, — это сильно разные вещи.

Даже если мужик — медведь. Пожалуй, с практической точки зрения с медведем даже и выгоднее. Настолько, что я временно забыла и про большой мир за пределами леса, и про село, откуда могли прийти разные хозяйственные полезности и припасы.

Во-первых, Веж основательно забил наши ледники мясом. Я так понимаю, пока по-настоящему сильные морозы не пришли и лес окончательно не замело, он торопился набить побольше дичи, чтобы потом в самую лютую стужу уже не шлындать по лесу, не морозить хвост и нос.

Потому что нам с детьми двадцать пятая лосиная туша была в целом уже без надобности — мы столько не съедим.

Во-вторых, князь топтыгин решил, что дров у нас маловато, и по какой-то только ему понятной логике повалил несколько старых деревьев в лесу недалеко от подворья. Вот так взял и повалил... Если с медвежьей силой и человеческими мозгами заняться лесозаготовками — получается очень неплохо. Веж подкапывал и драл когтями корни, а потом своей исполинской тушей раскачивал и валил ствол. И грамотно впрягался в шлейку из крапивной веревки, чтобы приволочь бревно к дому.

Он и сучья обламывать рвался, пока мы с Лисом на пару не втолковали ему, что все же топор в этом деле сподручнее. И то я видела в глазах зверя острое сожаление, что удобные для охоты и лесоповала медвежьи лапы не могут держать инструмент.

Мы как-то подсмотрели из сеней, как он пытался. Дети зажимали рты ладонями, чтобы не хохотать и не обидеть мишку, а я чувствовала себя странно: вроде правда забавное зрелище, а сердце щемит.

Потому что мы так и не знаем, как вернуть моему князю человеческий облик и возможно ли это вообще. В сказке царевичу серый волк помог, а кто поможет нам?

А тут еще потихоньку подкрался и поселился в сердце страх. Это

было после того, как хозяин тайги принес не полуобглоданного лося, а целого и пировать приспособился прямо тут, у плетня.

Мне что-то как раз понадобилось поблизости, и я на ходу его окликнула... и едва не села в снег от резкого взрыка и звериного взгляда. В эту секунду в его глазах не было ничего человеческого, они даже цвет сменили, став непроницаемо черными.

Правда, Веж тут же опомнился. Но мы оба испугались. Оба поняли, что может так случиться — и человек окончательно растворится в звере.

Я была уверена, что он и тогда не навредит ни мне, ни детям, но... тогда он уйдет. И я опять его потеряю.

Самое смешное и грустное, что Веж подумал о том же самом, только выводы сделал а-абсолютно мужские, то есть напроочь отмороженные. Он решил не ждать, когда станет опасен для нас, и уйти прямо сейчас.

Он вечером пришел к крыльцу, где мы уже привыкли сидеть вдвоем и разговаривать. Да-да, разговаривать — и медведь научился рычать-ворчать-кивать и мотать башкой виртуозно, и я наловчилась считать его чуть ли не на уровне мыслей.

Так вот, он пришел, и я почувствовала: прощается. Идиот!

— Только попробуй! — я с ходу зло стукнула кулачком прямо в широкий медвежий лоб.

Веж только моргнул — ему мои кулаки что корове соломинки.

— Только попробуй! — повторила я. — Не смей нас бросать! Не смей бросать меня! Придумал себе! Никого из нас ты не обидишь, никому из нас ты не опасен, понял? Мало ли что тебе во время еды помстилось, голодные люди тоже злятся, если им мешать, а голодные мужчины вообще страшнее медведя!

Я уперла руки в боки и наступала на своего мишку, как сварливая казачка на своего подгулявшего атамана. Только очипка на голове с торчащими из узелка на манер заячьих ушей кончиками не хватало.

Веж попятился и сел на свою обширную корму. Заморгал на меня. А я все ораторствовала, размахивая кулаком у него перед носом.

— Только попробуй! Я тебя в лесу почую, куда бы ты ни спрятался! Найду и выкопаю из любой берлоги!

Смешно и глупо... а как иначе? Куда смешнее и глупее узнавать характер своего любимого, препираясь с медведем во дворе или в лесу. А у нас с Вежеславом так и вышло: полюбили мы друг друга,

получается, раньше, чем толком познакомились. Вот, например, я не знала, что мой суженый бывает упертым, как призовой ишак!

В какой-то момент р-р-раз — и все. Логика отключилась, баран включился. Разумные доводы пролетают мимо ушей со свистом.

Я когда первый раз столкнулась — ошалела. Потом вспомнила мужа... и уперла руки в боки. По молодости была такая же привычка у моего старика. Пока ухватом по хребту не перетянешь — будет стоять как столб!

Была, правда, и другая сторона у этой упертости, светлая. Что покойный муж, что Вежеслав всегда доводили начатое до конца, никогда не сдавались и готовы были перевернуть землю, если понадобится, ради достижения цели.

А в семейной жизни и смех и грех. И ухват.

— Ты что, сдаваться вздумал, морда твоя бесстыжая, медвежья?! — вовремя я этот нюанс вспомнила, вон как мохнатую личность шерстистую перекосило. — Бежать? Позволишь этим сволочам верх взять?

— Ар-р-р-р-р-р-р! — сердито рявкнул Вежеслав, развернулся ко мне толстым мохматым задом и, как дворовый пес, взрыл задними лапами снег, забрасывая меня им. А лапы там — что твои лопаты!

— Тьфу, зараза! — я едва успела закрыться рукавом. — Веж... не бросай меня... пожалуйста.

И применила запрещенный прием. Заплакала.

Не люблю я это мокрое дело. Но с мужиками иногда никак по-иному. Вот и тут подействовало, заскулил, подошел, обнял. Лапами. Башку свою медвежью к самому лицу и слезы вылизывает. И урчит чего-то, объясняет.

Я прислушалась.

— Ну и дурак! Никакой другой мужчина мне не нужен. Ну и не превратишься даже! Да наплевать мне, ясно?! В конце концов, дети у нас уже есть. А все остальное — глупости и дело десятое. Придумал тоже... захочу замуж. Бегу и падаю!

Я поймала медвежью харю за мощные брыли, притянула к себе, поцеловала в мокрый нос (чихнул, сволочь, и облизнулся), посмотрела прямо в глаза и сказала четко, с расстановкой, проникновенно. Как гвозди в его дубовую голову забила:

— Мне. Никто. Кроме тебя. Не нужен. Разговор окончен. Не

отпущу!

Ну и все... дальше стали жить. Понятно, льдинка под сердцем нет-нет да звенела: а вдруг... вдруг не вернется с очередной охоты? Вдруг кровь и сознание зверя возьмут верх и он просто забудет, куда должен возвращаться?

Но день уходил за днем, зима накатывала на заимку метелями и такими морозами, от которых в лесу трещали и расходились беззащитными ранами стволы деревьев.

А мы... жили. Первая же пурга окончательно замела все пути-дорожки в село, и мы остались словно на необитаемом острове. Благодаря летней страде, а также старанию Вежеслава, мы не просто не голодали, но даже могли себя побаловать, например, пельменями с олениной. И шубу волчью я себе со временем справлю — Веж задрал нескольких серых охотников, неосмотрительно зашедших на его территорию.

Их шкуры надо было еще обработать, но спешить нужды не было. За несколько месяцев замачивания с золой поспела «лесная шерсть» из сосновой хвои. Мы с детьми ее промывали, теребили и чесали при свете скипидарно-спиртовой лампы. А потом валяли на сосновой чурке — не валенки, конечно, но боты «прощай, молодость» вполне получалось сшить.

Веж давно спал в доме, у печи, и в такие долгие вечерние посиделки довольно щурился на нас с теплых досок пола, развалившись чуть ли не на полкомнаты.

Время словно остановилось... и меня все чаще посещало странное желание — пусть бы так было всегда.

Глава 39

Самое печальное — насчет Вежа я даже не могла спросить ту неведомую силу, что меня защищала. На зиму лес словно впал в спячку и не откликался. Хотя почему словно? Действительно ведь уснул... Пришлось ждать весны и надеяться. И не терять это время зря.

Единственное, о чем я жалела, — это об отсутствии учителя для детей. Когда зима сковала окрестности морозами так, что нос не высунешь — тут же превратится в ледышку и отвалится, я, наконец, признала свое поражение.

И стала учить сама, всему, что знаю и помню.

Посидела несколько вечеров и составила вполне приемлемый поурочный план до самого лета. Для девчонок отдельный, для Лиса отдельный, и для Шона — свой, рассчитанный на младший школьный возраст.

И взялась за дело всерьез. Пискнуть никто не успел.

А что там в мире уже открыли из физики, химии и естествознания — это мы потом разберемся, когда наш обитаемый остров снова прибьет к берегу цивилизации.

Да и кроме этих предметов нам было чем заняться. Языки, грамота, чистописание, риторика, даже рисование и музыка. Даже история! Тут я напрягла Лиса писать в особую тетрадку все, что он помнит из своего гимназического курса, потом сверяться с учебниками и пересказывать младшим. Заодно и сам повторит.

Это фантастическое везение и огромное счастье, что Вежеслав у нас такой умный. Когда он заказывал учебники для Лисандра, не пожадничал — взял книги за все классы сразу, а к ним — несколько увесистых стопок тетрадей, перьевые ручки, чернила.

Похоже, тот, кому Веж поручил закупиться, просто взял все оптом в каком-то писчебумажном магазине. Или даже в книжной лавке, где брал поддержанные учебники, — я еще помнила своей детской дореволюционной памятью, что такие вещи вполне продавались в одном месте, особенно если городок маленький и лавка в нем единственная.

Даже две грифельные доски к нам приехали, с палочками для

письма, в той же коробке, что еще летом привез нам поручик Шилов. Вот это настоящее богатство — моя хозяйственная натура прямо на дыбы вставала при мысли, сколько мы тетрадок переведем, просто чтобы научить Шона грамоте. А черновики арифметических задач? А деление и умножение в столбик упражнять? Когда новые тетради раздобудем — большой вопрос, так что придется быть экономными.

Летом мы затащили короб на чердак, не до учебы было. А теперь спустили и посвятили время до завтрака разбору. Ну и повеселились заодно.

— Ой, фу! — с непередаваемо кислой моськой сказала Кристис, вытаскивая обе грифельные доски из упаковки. — Мам... зачем ты эту гадкую скучищу заказала?

Судя по тому, как на означенные предметы косились Лисандр и Эми, я сделала вывод, что все трое успели заполучить отвращение к учебе уже на начальной стадии.

Шон, глядя на старших, тоже скривился. Даже Веж, первым сунувший свой черный кожаный нос в коробку, фыркнул и отвернулся.

— Да что бы вы понимали! — возмутилась я. — Вы, скучные, не умеющие фантазировать и веселиться люди! Да это же самый здоровский и интересный предмет из всех школьных принадлежностей!

— Чего?! — обалдел Лисандр и подозрительно прищурился на черную сланцевую пластину у меня в руках. Та была аккуратно разлинована в клеточку, что, кстати, говорило о ее продвинутости и дороговизне. — Эта пакость?!

— Ха! — я победно потрясла доской. — На что спорим, через час вы будете воевать друг с другом за право первым ею воспользоваться?

— Да ну... — не очень уверенно произнесла Эми. У нее уже был опыт споров со мной, и она справедливо подозревала подвох.

— Трусишки! — я откровенно разводила мелких на слабо, понявший это Веж прикрыл морду лапой и что-то там тихо перхал, словно сдерживал смех. — Испугались?

— Ничего мы не испугались, — Шон расправил плечи и выпятил худенькую грудь. — Спорим!

Остальные трое пока думали. Но Шон не дал им долго размышлять и ничтоже сумняшеся поспорил за четверых:

— На тот горшок с медом!

— Это который на зимний солнцеворот отложен? — хитро

прищурилась я. — Ну-у-у-у... а вы что поставите?

— А мы... а мы... — Крис тоже захватил азарт, она оглянулась на сестру и вдруг придумала: — А мы на слова! По-галльски!

— Пятьдесят слов в седмицу с каждого — и по рукам! — быстро сориентировалась я и, пока дети не опомнились, поймала Кристис за руку и обернулась к князю: — Веж, разбей!

— Эй! А... — Лисандр сообразил, в чем подвох, но было поздно. Медвежья морда уже разбила наши соединенные ладони. — Так не честно... Я не спорил, не считается!

— Ничего не знаю, надо было вовремя выдвигать свои условия, — ехидно ухмыльнулась я. — Или теперь струсишь отвечать?

Лис недовольно засопел. Эми и Крис переглянулись облегченно — им было проще всего, потому что гувернантка дома в основном и занималась с ними галльским языком. А вот Шон и Лис попали. Но на самом деле девчонки рано радовались, я им новые слова дам, которых они еще не знают.

Но это не значит, что я нечестный спорщик. И вместе с уроком мои детки получат обещанное удовольствие.

— Значит, так! — торжественно объявила я. — Кто из вас, гусята, умеет играть в крестики-нолики? Никто? А в виселицу? Эх вы! Ну в морской бой хоть кто-то сражался?

Все, я их сделала. Крестики-нолики и виселица увлекли всех, но вот морской бой... О-о-о-о-о!

Ой, что это было! Целый день пришлось посвятить только большому турниру и битве всех против всех. Самое веселое, что Веж тоже захотел играть и играл, с моей помощью, осторожно тыкая когтем в нужную клеточку, пока другая команда, состоявшая из объединившихся против взрослых детей, толпилась вокруг своей грифельной доски.

— А-пять! — верещал Шон, по такому случаю доучивший буквы и числа просто за одно утро.

— Р-ры-ы-ы-ы! — возмущался Веж, обнаружив, что команда мелочи подбила наш крейсер.

— Ранен, — подтверждала я, нарочно делая озабоченный вид, и четверо участников команды противника аж запрыгали от восторга.

— А-шесть, А-шесть давай! — вопила в ажитации Эми, Крис тыкала пальцем в доску, а Лис озабоченно хмурился и размышлял, а

потом выдал:

— Б-пять!

— Мимо!

— У-у-у-у-у-у-у-у... А я говорила, говорила!

— Роях! Р-р-ру-у-у-у! — Веж азартно ткнул когтем в клеточку на нашей доске.

— Ж-семь, — послушно озвучила я его ход.

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы... убить! Так нечестно-о-о-о! Вы всегда-а-а выигрываете!

— А вы вырабатывайте стратегию, ищите методы, — подзуживала я. — И победите всех.

К вечеру охваченные горячкой боя дети и правда самостоятельно выработали несколько стратегий по отлову наших с Вежем кораблей, победили и были довольны до невозможности.

Вот так вот. Под шумок мы повторили все алфавиты на трех языках и все числительные, потому что каждую игру я разрисовывала поле боя другими буквами и требовала отвечать на нужном наречии. Сами не заметили, как от зубов отскакивать стало.

А то знаю я, чего они ждали, когда я про учебу намекала.

Здесьняя методика преподавания была проста, как палка, которой вбивают знания в дубовые головы учеников. зубрить, зубрить и еще раз зубрить. И стимулировать той самой палкой.

Но я-то пришла из другого времени. Даже в глубоко советское время, когда тупого заучивания тоже хватало, уже были подвижки в сторону интересного преподавания, уже стали задумываться, как подарить детям радость во время урока и заинтересовать их.

А в девяностые хлынул поток методов и литературы. Я уже давно не работала в школе к тому времени, но зато много читала, смотрела по телевизору все программы на эту тему и с огромным интересом впитывала новшества. Особенно весело было, когда как открытие преподносились вещи и приемы, которыми я по собственной инициативе пользовалась еще пятьдесят лет назад.

И сейчас не знаю даже, кто получал от наших уроков больше удовольствия — я, с наслаждением окунувшись в родную стихию учительства, или дети, ошалевшие оттого, что можно играть, спорить, рисовать условия задач, чертить географические карты, украшая их забавными рисунками, разыгрывать великие битвы прошлого, слушать

сказку о круговороте воды в природе...

Или Веж. Который взял за привычку обязательно присутствовать на наших уроках. Его удивленное порывание, фыркание и выразительная пантомима не раз заставляли нас забывать о теме урока и хохотать как ненормальных.

Причем мы умудрялись учиться, не только сидя за столом над тетрадками и учебниками, вторую половину дня, когда надо было заниматься хозяйственными делами, я тоже старалась зря не тратить. Ведь под истории, викторины и игру «угадай слово на чужом языке» гораздо интереснее валять шерсть, шить одежду, вышивать, вырезать из дерева или лепить из глины.

Глава 40

А еще я не забывала о том, что здоровые дети должны двигаться, дышать воздухом и вообще отдыхать. Играть в снежки, строить снежную горку и заливать ее водой, чтобы получилась длинная сияющая дорожка до самого пруда.

А кататься верхом на большом мохнатом медведе? А запрягать его в самодельные салазки паровозиком и скакать с диким визгом по двору, пруду и лугу до самого леса?

Ну и между делом всякие упражнения выполнять — на равновесие, на реакцию, на внимательность. И для глаз! Потому что учиться-то приходится в основном при свете далеко не самой яркой лампадки, хотя мы ставили на учебный стол целых четыре бутылки с зажженными фитилями. Но все равно, мне совсем не хочется, чтобы дети заработали близорукость от такого освещения.

Поэтому игра «считай до десяти на разных языках и смотри на палец у носа, а потом на самую дальнюю верхушку сосны» стала у нас привычной, как утреннее умывание и чистка зубов с помощью сосновых веточек, разжеванных в кисточку.

А еще мы пытались повторить кое-какие опыты из моего богатого преподавательского прошлого — учила всему на свете в глухой деревне, где лабораторных образцов и приборов в глаза не видели.

В частности, мы с детьми попробовали и сварили самое настоящее стекло! Ну а что? Толстостенная печь для обжига под навесом вполне выдавала нужную температуру, правда для этого приходилось тратить небогатый запас угля, но дров у нас теперь достаточно, не замерзнем. Чистый кварцевый песочек я еще с осени заготовила, целый короб в сенях стоит промытого и просеянного. Поташ из золы я давно научилась добывать — процесс нехитрый.

А пропорции я из школьного курса химии хорошо помнила. Так что подбила как-то своих малявок на спор, что сумею сама стекло сварить и тогда они мне будут должны по пятьдесят слов еще и дойчского каждую седмицу.

Азартное это дело, спор. А еще ужасно интересно наблюдать, как

в толстостенном горшке обычный песок смешивают с промытой золой и суют все это в раскаленную до золотисто-белого сияния печь. А потом в восторге и неверии таращиться на то, как выливается на железный противень густая, тягучая полупрозрачная масса. Как ее ровняют, растягивают по противню с помощью широкого лезвия колуна вместо лопатки. А вокруг шипение, пар столбом — снег тает под противнем, азартные крики и взвизги младших...

Когда стеклянная клякса остыла, оказалось, что у нас получился вполне приличный кусок размером с тетрадку. Не слишком ровный, толщиной около сантиметра, в желтоватых разводах, словно петушок из жженого сахара, но прозрачный! Если соорудить подходящую раму и навешивать много таких кусочков, вполне можно застеклить окна, а то сейчас мы их на зиму наглухо замуровали ставнями.

Я четко запомнила тот момент, когда дети, как неведомое чудо, по очереди крутили в руках кусок стекла и обменивались восхищенными комментариями. С этого дня на меня смотрели не просто как на маму, хозяйку, добытчику и строгую учительницу.

На меня смотрели как на настоящую волшебницу. Все, включая моего медвежьего князя.

Волшебная получилась зима, даже темень, морозы и вьюги нас уже не пугали — все, включая меня, твердо поверили в чудо и в то, что все у нас будет хорошо.

Только изредка, засыпая, я с неясным страхом и беспокойством вспоминала, что большой мир за пределами снежного леса не исчез, что там по-прежнему существуют село, люди, власть, сплетни, слухи...

Как еще народ отреагировал на побоище за околлицей? Выжил ли кто-то из наших врагов? К чему надо готовиться?

Неизвестно, и потому вдвойне опасно.

Но пока метель поет нам зимние песни и стережет дорогу в заколдованную страну, где спокойно и счастливо живет странная семья. Мама-пришелица из другого времени, папа-медведь и их названные дети.

Отступление

— Перво-наперво, батюшка, слухи расследуйте да расспросите. Что там за веды или ведьмы, то ли древняя кровь, то ли бесовщина, то ли просто языком мелют. Как примете приход, так Круг Святой вам в помощь — собираете людей, да с молитовкой, с божьей заступой село

ходом обойдите, чтобы эти темные крестьяне успокоились и перестали жалобы в губернию строчить и слухи распускать про лесную хозяйку. Сказки это. Крестьянин должен трудиться, молиться и налоги платить, а не шарахаться от любой тени и отлынивать от работы. Кто там больше всех воду мутит? То ли староста увечный, то ли помещица какая-то ссыльная, бог весть. Невместно то, шушере такой губернскую канцелярию без конца дергать и письмами засыпать. Надо пресечь на корню.

Чиновник от синода встал из-за обитого богатым зеленым сукном стола и прошел к затянутому морозным узором окну. В кружевной проталине можно было рассмотреть центральную улицу заурядного губернского городка, укатанную санями до гладкого снежного наста, усыпанную соломой с возов и заляпанную желто-коричневыми яблоками лошадиного навоза.

Весело позвякивали бубенцы на упряжи, белый пар поднимался из заиндевелых ноздрей извозчицкой лошаденки, что так с телегой и притулилась у коновязи. Солнце уже почти по-весеннему пригревало ее чалую спину через теплую попону, и лошаденка довольно жмурилась, переступая на месте копытами.

Чиновник поморщился. Уже март к концу, скоро зимний санный путь раскиснет, начнется распутица, и он рискует застрять в этой дыре до лета.

И дельце-то пустяковое, глупое, а сколько времени потеряно!

Слухи до самой столицы докатились. Правда, родственники князя Габицкого заявляют, что их сиятельство изволит быть на водах и никогда даже не думал ездить в какое-то захолустье, где его якобы сожрал бешеный медведь, чуть ли не оборотень. И все это происки дурных сплетников и недоброжелателей князя.

Однако же агенты доносят, что с осени никто ту светлость не видел и на какие воды он там поехал — неизвестно. Но раз родственники шума не поднимают — усердствовать не стоит, влезать в дела сильных мира сего — не в его привычках.

Лесная ведьма, надо же! Сказок наслушались. Спит давно древняя кровь, то ли жаль, то ли и к лучшему. Проверить надо, на месте с этим и батюшка справится. Священник из молодых, да ранний. Ревностно слово божье несет, готов горы своротить. Правда, заносит его, по слухам, иногда, слишком праведности ищет, сердцем горит и на

компромиссы идти не умеет. Вот и угодил в такую даль дальнюю вместо хорошего прихода в центральных губерниях. Ну так для крестьян и нормально, быдло в строгости держать надобно, а этот ревностный.

— А если меня леди Аддерли на порог не пустит? — густым басом пророкотал отец Симеон, степенно оглаживая на широкой груди потомственного помора серебряный знак святого круга. — Пока я слышал только, что в храме она не частая гостья, как и на селе. И к себе не приглашает. Звания она не мещанского, дворянка. Привыкла, что ей кланяются, а сама вот не знаю как.

— Ну что ж не пустит-то? — поморщился чиновник, возвращаясь к столу. — Придете с пастырским наставлением да вопросом, может помощь какая нужна, детишек, опять же, проведаете, вдову одинокую утешите словом божьим. Неужели ж она бескружовка-бунтарка, батюшку от дома гнать? Нет, из хорошей семьи женщина, честь по чести замуж вышла, а что мужа бес попутал — какая в том женщины вина? Вот с тем настроением идите, батюшка, и по сторонам смотрите внимательно. А потом и докладик в синод. Светские-то власти особо давить на вдову не могут — она за помощью не обращается, пособий никаких не взыскует, писем с нижайшими поклонами и просьбами не шлет. Чем ее взять?

Священник почти незаметно поморщился и глянул на собеседника не слишком приветливо. Но тот увлекся наставлениями и не обратил на это внимания:

— А вот если вы, как пастырь духовный, решите, что отроки там воспитываются не как подобает, а во тьме суеверия или, не дай круг святой, в безбожии поганом, вот тогда и разговор другой будет. Поговаривают, женщина она странная, то ли с медведем живет, то ли с мужиком невенчанная. Разъяснить надо этот момент и о детях позаботиться.

Священник опять поморщился, но промолчал.

А чиновник подвел итог беседе:

— Ну вот и поглядите, где у нее тот медведь: в доме или в воображении местных селян. А по результатам и решение примем. Есть тут заинтересованные лица в той вдове. Кстати, с вашим обозом старый князь едет, Агренов. Говорят, вещи погибшего внука лично забрать из гарнизона да место проведать, где наследник сгинул... Отказать

причины нет, да и старик уже, сентиментальный, беспокойства от него большого не будет. А вместе и доедете веселее.

Глава 41

Весеннее солнышко припекало синие макушки елок, а стоило ему закатиться, как очнувшийся морозец развешивал на них гирлянды из алмазного льда. Сугробы в лесу заметно просели, на пруд я уже детей не пускала — серебряное зеркало потемнело, сделалось мокрым и неровным, а кое-где уже можно было рассмотреть, как под ним ходит в поисках отдушины рыба.

Вроде радость — зимняя тьма отступила, а вроде и тревога.

Запасы наши тают, как те сугробы. Веж ходит на охоту, но все чаще возвращается без добычи, а кормить его надо. Он попробовал было не есть — нарвался на скандал. У меня никто голодать не будет!

Нам бы ночь простоять да день продержаться... Скоро снег сойдет, первая травка полезет, станет проще.

Если бы еще не мысли о внешнем мире. Как-то встретит нас село после кровавой бойни у околицы? Что там вообще за зиму произошло? О чем люди говорили, думали, сплетничали? К нам ведь даже не пытался никто пробраться, я верхом на Вежеславе несколько раз ездила к опушке, смотрела издали, из-за сугробов, на теплые дымы над заснеженными хатами. Ровное белое поле от частокола берез на границе леса и до крайнего плетня — ни цепочки следов. Значит, в нашу сторону никто не ходит, даже из любопытства.

Почему? Боятся? Или просто заняты каждый своим делом, думать забыли, как там одинокая вдова с детьми на заимке? Может, и в живых уже не числят?

Думала я долго. И в конце концов пришла к такому выводу: надо идти, но не просто в село, а напрямик в храм.

Как по-здешнему креститься — то есть осенять себя святым кругом, — я знаю на уровне подкорки, от прежней Бераники осталось. Основные молитвы тоже помню, кроме того, в учебниках, что закупил Вежеслав, были Закон Божий и молитвослов — повторила на всякий случай. И детей заставила учить, хотя они, привыкшие за зиму к моей необычной педагогике, зубрили без особого восторга.

Но что такое идеология в умелых руках, я слишком хорошо помню по прежней жизни. И если я явлюсь после зимовья не страшной лесной

ведьмой, а обычной бабой, которая отстоит службу в храме и при всех примет благословение от батюшки, — это будет совсем другой разговор.

Тогда и связи старые можно попробовать возобновить, и припасы выменять опять же, а то поделок интересных и новых у нас за зиму скопилось изрядно, только ими сыт не будешь.

— Проводишь до опушки — и дальше ни шагу! — строго выговаривала я ужасно недовольному Вежеславу.

Мне уже пришлось выдержать не одну тяжелую битву и с ним, и с детьми — ни за что не хотели меня отпускать, отговаривали, боялись. Да я сама трусила, признаться, а что делать? Нельзя всю жизнь просидеть в лесу, как сычи. Так что договариваемся заранее и потом двигаем.

— Чтобы сельчане тебя даже не видели! Мы знать ничего не знаем ни про какого медведя, ни про то, что он там задрал-не задрал кого. Если нам повезет — никто из гадов уже не расскажет, а пацаненок тот, который Шона выманил, сбежал домой гораздо раньше, чем все началось. Он ничего не видел толком.

— Ур-р-р-р! — Вежеславу моя инициатива не нравилась, но он понимал, что выхода другого нет. А я втайне от самой себя все надеялась... надеялась написать письмо его родственникам. Вдруг — ну вдруг! — эти сказки про пращуров — не просто сказки? Род у него очень древний, и мы с ним не раз беседовали на эту тему — может, сохранились какие летописи? Предания? Может, получится вернуть ему человеческий облик?

Я понимаю, что, если все так сложится, его родня, скорее всего, постарается увезти единственного наследника подальше от меня и от опасности. Это если мне вообще поверят и ответят. Но... отнимать у любимого шанс даже ценой своего желания быть с ним рядом я не могу.

Когда наступил этот день — тот самый, на который я наметила свой первый поход в село, — мы очень волновались. Хотя я старательно этого не показывала, как обычно — встала затемно, приготовила завтрак детям, думала их не будить, но нет, проснулись и выползли проводить. Я перецеловала всех и отправила обратно по кроватям — можно подумать, на войну провожают, вот-вот слезы потекут. Никуда не годится!

Уложила в заплечный мешок маленькие подарочки для знакомых

крестьян, самодельные восковые свечи в подарок для храма и туда же вышитый шелком за зиму аналойник. Выдумывать ничего не стала, благо в памяти Беры таких вышивок хранилось дай боже — в пансионе девочек в первую очередь учили рукоделию и языкам. А что может быть пристойнее для юной девицы, чем думать о Боге и украшать храм с любовью в сердце?

Да мне и самой понравилось, красивая получилась вышивка и какая-то... светлая. Смотришь на нее, и настроение повышается.

Дети и Веж одобрили. Мелким просто показалось красиво, а князь осмотрел внимательно и вынес положительный вердикт, которому я поверила, — в церкви он точно бывал и такое видел. Так что я решила, что из храма меня с моим даром не прогонят. Все сложила аккуратно, и пошли тихонечко по местами протаявшей тропе. Вежеслав шел параллельно со мной по лесу и отстал, только когда я на него шикнула: лес еще голый, видно в нем издалика, а нам надо, чтобы его кто-то излишне зоркий заметил? Нет.

В последний день седмицы по утрам в храме праздничная служба. Так что я не удивлялась тому, что улицы села пусты, — здесь народ ревностно-оцерквленный и в храм ходит по велению души, а не из-под палки. Порадовало только, что никаких следов оттаявшего побоища на окoliце я не видела и никакой засады, наблюдения за лесом не обнаружила. И правда забыли про меня, что ли?

На широких ступенях златоглавого храма было многолюдно, и на скромно, но опрятно одетую женщину поначалу никто не обратил внимания, а я смиренно встала в последних рядах и отстояла всю службу, где надо — осеняя себя святым кругом, когда нужно — кланяясь: тело помнило весь уклад и действовало автоматически.

Но постепенно меня заметили и разглядели. Вот зашептались справа, слева, за спиной... Вокруг вроде посвободнее стало, но в храме Божьем никто от меня специально не шарахался, скорее чуть расступались, чтобы лучше рассмотреть.

Я сделала вид, что не замечаю общей ажитации, как ни в чем не бывало пошла в свою очередь получать благословение из рук священника. Ого, а батюшка-то у нас новый... молодой, с благостным лицом и очень внимательным взглядом.

Когда-то очень давно я любила церковные службы — за стройное пение, за состояние особой душевной легкости и защищенности... Здесь

обрядовая часть несколько отличалась от родного мне в прошлой жизни православного уклада. Исповедоваться люди приходили отдельно и наедине, а после службы просто подходили за троекратным святым окружением к священнику, и это считалось добрым благословением и отпущением мелких грехов за прошедшую неделю.

Новый батюшка даже не запнулся, увидев перед собой незнакомую прихожанку, хотя по его взгляду мне показалось, что он понял, кто я. Но мою смиренно склоненную голову, покрытую платком, он очертил кругом без малейшего колебания, а потом допустил к целованию золотого круга.

Только после того, как народ за спиной вскипел шепотками и возбужденным гудением, я поняла, что они ждали, как дело обернется, затаив дыхание. И теперь прямо бурлили от впечатлений и... облегчения.

Нормальная, обычная баба, то есть барыня. Не ведьма, не колдовка, не людоедка какая. От святого круга и благословения не развеялась и не рассыпалась.

Я было перевела дыхание, и именно в этот момент откуда-то из свечной полутьмы раздался визгливый, полный ненависти голос!

— Ведьма! Ведьма! Вон! Люди, что вы смотрите! Гоните ее, жгите, бейте камнями! Она еретичка, убийца!

Глава 42

Толпа прынула в разные стороны, и передо мной вдруг выросло странное существо, до того страшное и нелепое, что я поначалу онемела и вообще не поняла, что происходит. И только спустя несколько секунд до меня дошло...

Это был староста. Изувеченный, без ног и кисти одной руки, покореженный весь, словно смятая бумажная фигурка, выкинутая в корзину за ненадобностью.

И этот человеческий огрызок висел на руках двух дюжих мужиков и буквально хлестал ненавистью и черной злобой, отравляя вокруг даже воздух:

— Что смотрите, люди! Это она! Гадина! Огнем ее!

Я на секунду прикрыла глаза и заставила себя вспомнить, что за моей спиной дети. Не здесь, не сейчас, в церкви, но в жизни. И Веж. Мой защитник, сейчас он тоже зависит от того, смогу я выстоять или струшу.

Этого мгновения хватило, чтобы взять себя в руки. Я неторопливо осенила себя знаком святого круга и вроде бы негромко, но так, чтобы слышно было по всему храму, сказала, обращаясь к беснующемуся от злобы человеческому огрызку:

— Кого Бог наказать хочет, того разума лишает. А тебя, гляжу, Господь за грехи покарал немало. Уж не мне судить да жаловаться. Прощаю я тебя и за слова твои злобные, и за дела нехорошие. Иди с миром, мил человек.

И, обращаясь уже к окружающим, все тем же «учительским» голосом, негромким, но слышным:

— Жалко болезного. Как его в храме Божьем корежит, не раскаялся, видать.

— Ах ты тва-а-а-рь! — староста окончательно потерял человеческий облик и сорвался на визг. Смотреть даже со стороны было неприятно, и выглядело действительно так, словно в него бес вселился и корчится. — Тва-а-а-рь!

Я демонстративно вздохнула, обернулась и по наитию протянула руку к чаше со святой водой, что стояла здесь справа у алтаря. Те, кто

подходил за благословением, опускали туда руку и касались воды кончиками пальцев.

Вот и я окунула туда руку, а потом легонечко брызнула святой водой на беснующегося старосту:

— С Божьей помощью, да простятся нам все грехи вольные и невольные, — начала я каноническую здешнюю молитву, и ее вдруг подхватили еще несколько голосов, а через пару минут вслух молились все, включая батюшку.

Дикий визг бесноватого утонул и захлебнулся в этом хоре голосов, то ли этот придурак до обморока доорался, то ли на самом деле свои грехи вспомнил и впечатлился, но дергающийся обрубок человека обмяк в руках своих охранников.

— Ты б, Киримон, дядьку своего унес от греха, — услышала я между слов молитвы громкий шепот. К двум бугаям-носильщикам старосты со спины подошел какой-то дюжий солидный мужик и наставительно проговорил: — Давно у него с головой-то неможется, ишь как на барыню взъелся. О чинах и приличиях позабыл. Не иначе бес его грызет. Уноси из храма, а не то сами поможем.

Бугаи помялись и как-то боком-боком поспешили на выход.

А я уже и не смотрела в ту сторону, вдохновенно повторяя нужные слова уже под руководством опомнившегося священника, и, когда спонтанная всеобщая молитва закончилась троекратным окружением и поклоном, выдохнула и улыбнулась батюшке.

Он смотрел на меня без прежней настороженности, спокойно и с любопытством. Да и остальной народ в церкви ожил, ко мне стали проталкиваться прежние знакомые, здороваться, спрашивать о детях, о том, как перезимовала.

Я степенно и приветливо отвечала всем, мол, перезимовали хорошо, спасибо припасам, жаль только, дорогу так замело, что вот только-только к людям выбралась. Медведь? Какой медведь? Да господь с вами. Старосту порвал? Ох, горе... нет, не видела, и не знала даже. (Тут я мысленно попросила прощения за полуправду. Действительно не видела, как старосту рвали, только догадывалась, а что он покалеченный уполз — совсем ни сном ни духом.) Я же с осени в селе и не бывала. Дел-то на заимке сколько! Дети, хозяйство... легко ли женщине одной? Тут не до прогулок и медведей.

Заодно и передала службе вышитый аналойник и выдохнула

внутренне от облегчения — мой дар приняли весьма благосклонно, а некоторые хозяйки поглазастее уже явно оценивали узоры, работу да разные приемы вышивки. К месту пришлось, удачно я придумала.

И только выйдя из храма на площадь, я почувствовала, как дрожат коленки, а в груди медленно отпускает сжатое как стальная пружина напряжение. Я повернулась в последний раз к образу святого круга и мысленно попросила:

«Спаси и сохрани... Ты един везде, во всех мирах, я знаю. Прости мне ложь невольную, это только ради его спасения. Ты же понимаешь все, знаешь все сам. Спасибо за то, что дал сил выстоять, не сломаться, не струсить. Надеюсь, и дальше не оставишь своей заботой...»

— Леди Аддерли! — вдруг окликнул меня вышедший следом священник. — Вы не могли бы немного задержаться? Хотел бы с вами побеседовать. Да и не только я, тут к вам еще один человек приехал.

Сердце тревожно бухнуло, но я бросила еще один взгляд на золотящийся купол и выдохнула. Если уж верю, значит, верю.

— Конечно, батюшка, буду рада.

— Тогда пройдемте в дом ко мне, матушка как раз вчера пироги поставила, с местной брусникой, объединение, — улыбнулся молодой священник. — Посидим, чаю попьем, побеседуем да познакомимся. Я о вас, признаться, слышал много. Но привык, простите, сам о людях мнение составлять, только после личного знакомства. Заодно и с гостем моим встретитесь, чтоб не впопыхах на улице разговаривать.

— Буду рада, — немного натянуто улыбнулась я, потому что не рассчитывала задерживаться в селе надолго. А ведь мне еще к Астасье надо заглянуть и дела обсудить... Дети и Веж там изволнуются, пока меня нет.

Дом священника был тут же неподалеку, справа от храма, за добротным дощатым забором. Только войдя в гостеприимно распахнутую калитку и рассмотрев телегу с еще явно не распакованными баулами и узлами, я поняла, что старого-то батюшки в храме на службе не видела, значит, он либо уехал, либо... ох, господи... да вроде не было с иродами у кареты тогда его?!

— Отец Ваносий этой зимой прихворнул, сдал приход да и уехал к детям на юг империи, — немного смущаясь беспорядка, пояснил новый священник, и я выдохнула. — Вы уж извините, мы еще толком не обустроились, а уже в гости зову. Но я же понимаю, в село вы не часто

заходите, сейчас по весне дел столько.

— Да ничего, отец Симеон, все мы люди, — засмеялась я, поднимаясь на крыльцо. — Идеальных на земле нет.

— Вот верно говорите, леди Аддерли, — вздохнул мужчина. — Ваяна! Душа моя! Принимай гостью! — крикнул он вглубь комнат, помогая мне снять стеганое пальто на шерстяных оческах.

Румяная, дородная, под стать рослому широкоплечему мужу женщина выглянула из боковой двери и засияла приветливым солнышком:

— Ой, добренько як! Заходите, будьте ласки! Зараз к пирогам, с пылу с жару! От я на стол соберу скоренько. И князюшко, глядишь, выйдет к нам, а то не поутренял ведь! Не дело это! Все ходить и ходить по комнате, як той конь на привязи, мается!

Она рассыпала свой южный говорок как звонкие хрустальные горошинки на медный поднос, весело и вкусно, сразу хотелось улыбнуться в ответ. Но слова о некоем князе меня насторожили. Хотя... как-то не верилось, что в этом теплом доме, где так приветливо и искренне встречают гостей, меня подстерегает опасность.

Долго теряться в догадках мне не пришлось. Заскрипели под тяжелыми шагами ступеньки, и с мансарды спустился...

Я в первый момент онемела. Вежеслав?!

Да нет же. Похож, очень похож, особенно пока не вышел из тени на солнечный квадрат у окна. Таким, наверное, Вежеслав мог бы стать лет через пятьдесят.

На меня пристально смотрел высокий, еще явно сильный мужчина, которого не согнули годы. Знакомые черты от времени стали только чеканнее, четче. Даже глубокие морщины не испортили породистое лицо, сделав его благороднее и мудрее.

Есть мужчины, которым идет возраст и седина. Неизвестный князь оказался из таких.

— Ну, здравствуй, веда, — сказал он негромко и чуть прищурился, оглядывая меня от войлочных ботинок до платка на голове. — Вот, значит, какая ты.

Глава 43

Я застыла, пристально глядя ему прямо в глаза. Угрозы я не чувствовала, но все равно напряжение повисло в воздухе, пока мы изучали друг друга. Какой-то древний глубинный инстинкт подсказывал: сейчас нельзя отступить, опустить глаза и показать себя слабой.

Так и стояли друг напротив друга какое-то время, а священник за моей спиной почему-то даже не попытался вмешаться. Его жена тоже притихла в дверном проеме.

В конце концов мне просто надоели эти гляделки. Я чуть шевельнула бровью, вспомнив, как реагировали на этот жест еще в прежней жизни мелкие чиновники, пытавшиеся не добавить, скажем, выделенных на школу дров, и официально-ироничным голосом спросила:

— Насмотрелся, князюшко? Может, уже дадим хозяину нормально в дом пройти и за стол сесть?

Князь крикнул и первым отвел глаза, не потому, что сдался, а потому, что рассмеялся.

— Вот теперь вижу, чем ты моего внука взяла, веда. Что ж, проходи, раздели со мною стол и кров. Отец Симеон давний друг мой, он тебе подтвердит, что род наш ведам не враги, более того, от вас и идем спокон века. Круг святой в свое время доброй волей приняли и не противники ему, поэтому и от священников прятаться нам надобности нет. Можно прямо говорить.

Я про себя хмыкнула, но прошла в ту комнату, на которую князь Агренив указал широким жестом. Ваяна уже успела туда шмыгнуть и теперь хлопотала у покрытого белой вышитой скатертью стола, расставляя блюда с угощениями.

Все степенно расселись и какое-то время молча пили чай, отдавая должное кулинарному искусству хозяйки.

Князь не спешил возобновить разговор, ну а я тоже не торопилась. Надо им от меня что-то — сами скажут, выпрашивать не стану.

Хотя сердце колотилось у горла, подогретое безумной надеждой на... на что? Ну а вдруг? Вдруг этот патриарх рода не просто так

приехал? Вдруг за внуком. Вдруг знает, помнит, подскажет, как тому снова стать человеком?!

Как ни убеждала я себя, что все нормально, а все равно в сердце сидела заноза: я видела, что Веж тоскует и мается, что не дело человеку с его человеческим разумом безвыходно быть запертым в зверином теле, без языка, без привычной жизни. И все время над нами висел страх, как топор: а вдруг он забудет себя? Вдруг станет зверем окончательно?

Я его и тогда не брошу, но останется ли он со мной?

И теперь было вдвойне трудно держать лицо перед его... отцом? Нет, скорее дедом, Веж упоминал как-то, что его отец не глава рода, потому что живо еще старшее поколение Агреновых.

— Ну, — наконец мужчина отставил блюдо с пирогами и учтиво склонил голову в сторону Ваяны, — уважила, матушка, как всегда. Можно бы вкуснее, да некуда. Теперь и о делах поговорим.

Он перевел взгляд на меня:

— Скажи, веда, успел мой внук сделать тебя своей?

— Нет, — я покачала головой и грустно улыбнулась. Вот зачем приехал... Думает, может, беременна от Вежа и рожу наследника? — Он не успел.

— Плохо, — посмурнел князь. — Значит, связь не закрепилась. Значит, порвал он тех ублюдков, кровью взял виру за свою смерть и за брата и ушел...

Мужчина словно на глазах постарел — ссутулился, глаза поблекли. Но попытался еще встрепетаться и пояснил в ответ на мой вопросительный взгляд:

— Жив он, чую. Но одной ногой за грань ушел, а раз не сгинул совсем — значит, прашур в нем проснулся. Так уж вышло, веда, что много веков назад твоя предшественница стала женой сильного духа, дикого Бера. Призвала его и дала человеческий облик. С тех пор бывало, просыпался он в нашем роду, но с каждым поколением все реже и реже. И если не держал его здесь никто, кровью, плотью и душой — уходил Бер туда, где свобода и забвение. Кто раньше, кто позже, но уходили все... забывали свое человеческое «я». Веж к тебе вернулся, последним проблеском разума. А потом ушел...

Я резко втянула сквозь зубы вдруг ставший вязким воздух, и в этот момент что-то треснуло. Растерянно опустив взгляд, я поняла, что изо

всей силы сжала в руках чашку, и крепкий фаянс не выдержал, треснул острыми осколками, до крови поранив мне пальцы.

Но боли не чувствовалось. Вся подавшись вперед, я вгляделась в сумрачное лицо князя и охрипшим голосом произнесла:

— Он не ушел... пока не ушел.

Ох как старого князя пробрало! Потянулся через стол, схватил меня за руку, а в глазах безумная надежда:

— Так значит... ты...

— Телом я его не стала, а душу и сердце отдала, — стараясь успокоиться, пояснила я. — Всю зиму он с нами прожил, медведем... Себя помнит, уходить пока не собирается. Но боится. И я боюсь: каждый раз как на охоту идет, у меня душа не на месте — вдруг не вернется. Если вы знаете, как вернуть ему человеческий облик... если сумеете помочь... я все сделаю.

— Старые рукописи уже почти нельзя прочесть, — князь опустил голову. — Все неточно, непонятно. Но все же способ есть, попробовать надо! — он сжал пальцы свободной руки в кулак. — Пустишь меня в свой лес, веда? Дозволишь с внуком повидаться?

— Конечно, — я даже удивилась. — С чего бы я стала противиться? Наоборот!

— Да вот, говорят, хозяйка лесная путь-дорогу к себе закрыла, — вмешался все время молчавший священник, но при этом улыбнулся, показывая добрые намерения. — Не пройти, говорят, не проехать к вам.

— Глупости, — фыркнула я. — Никакая хозяйка ничего не закрывала, просто дорогу занесло, я сегодня сама впервые тропку протоптала с осени. А что касается злыдней всяких, так их собственная злоба и не пускает. Добрым людям все пути открыты.

— Так ведь дело такое, — вздохнул отец Симеон. — Побаивается народ, а от страха сплетни придумывает, сам себя еще больше пугает. Видимо, очень строго у вас там в лесу проверяют, у кого какое добро. А люди грешны по мелочи. Каждый свой грешинку вспомнил на опушке, его и заморочило. Может, послабление какое выйдет? А то совсем неудобно же людям — ни за хворостом в ту сторону, ни за чем другим.

— А вы вот сами приходите в гости и посмотрите, что там за строгость у нас в лесу, — немного натянуто улыбнулась я. Вот ведь, ну откуда мне знать, как эту сторожевую систему настраивать? Я ведь просто попросила.

— Сейчас и поедem, — подхватился старый князь. — Ты не против, веда? Не терпится мне...

— Ой, а як же ж! — всплеснула руками Ваяна, весь разговор тихонькой мышкой просидевшая у самовара. — Як же ж до гостей и без гостинцев? Да и диты там же ж! Нелюбо так! От я зараз короб спворю, погодите маленько, будьте ласки!

Ее хлопотливое возмущение немного разрядило атмосферу, и мы даже спокойно допили чай, пока хозяйка складывала в корзинку разные вкусности.

Я вспомнила было, что собиралась еще по своим делам пробежаться, но махнула рукой — Вежеслав важнее, к тому же они там волнуются — и так задержалась дольше, чем рассчитывала. Потом еще раз в село сбегаю, не велика дорога.

Идти пришлось пешком, потому что князев возок все равно не проехал бы по лесной тропе, там все еще сугробы едва не по плечо и только узкая тропка между ними. Первой шла я, за мной князь, а следом за нами отец Симеон при полном параде — в рясе, с серебряным знаком святого круга на груди. Деревенские мальчишки, вечно шныряющие где попало, моментом срисовали нашу походную колонну и разнесли весть по селу. Пока до околицы дошли, уже из-за всех заборов торчали любопытные головы — кто украдкой посматривал, а кто и открыто здоровался и спрашивал, куда идем.

Думаю, такая демонстрация нам на пользу. Пусть люди убедятся, что ничего страшного с тем же священником у меня в доме не случится. Это их от сплетен отвернет гораздо вернее, чем Астасьины слова или тех теток, с которыми у меня дела.

Пока дошли, солнышко уже за полдень перевалило. Пригревать стало так, что тропа под ногами захлюпала, а в теплой одежде стало жарковато. Так что во двор мы ввалились слегка запыхавшиеся, красные и совсем не представительные.

Дверь в дом закрыта, Вежеслава не видно. Все, как и уговаривались. Сначала приглядеться к гостям, если нагрянут, а потом уже и выходить навстречу.

Князь, всю дорогу напряженно и взволнованно молчавший, остановился у калитки и вдруг заливисто, по-разбойничьи, засвистел, выводя довольно затейливый мотив.

Глава 44

Свист этот стеклянным горохом раскатился по лесу и затих. Несколько секунд было тихо-тихо, даже какая-то суетливая пичужка, чирикающая на березе у плетня, и та замолчала.

А потом по земле прокатилось низкое, утробное рычание, такое, что внутри что-то в унисон завибрировало. Из-за дома одним махом выметнулось огромное, бурое, грозное.

Но нет — ни в рыке, ни в движениях зверя не было ничего угрожающего. Только радость, пусть и с легкой ноткой настороженности, которую я уже научилась чувствовать даже не умом, а душой. Словно Вежеслав был счастлив видеть деда, но слегка опасался головомойки. И еще за меня тревожился, как бы не обидели, и даже на главу рода готов был нарычать, если тот вздумает хоть слово неласковое мне сказать.

— Живой, поганец, — старый князь прямо засветился весь от радости. — Живой... Иди сюда, неслух упрямый, ухо откручу, как в детстве бывало! Иди-иди, ишь, морда наглая, мохнатая, как в одиночку со всем миром воевать, так первый лез, а как отвечать, так в кусты?

Медведь виновато опустил голову и — я едва не протерла глаза — чуть ли не по-собачьи попытался завилять хвостом. Только вот хвост у косолапого не особо-то вырос, чем там вилять? Вот и вышло совсем комично, когда этакая туша припадает на передние лапы и крутит задом.

Старый князь вдруг совершенно по-медвежьи растопырил руки и пошел на своего мохнатого внука тяжелой переваливающейся походкой, ни дать ни взять еще один топтыгин. Вежеслав радостно взревел и тоже встал на задние лапы.

А потом они встретились посреди двора и обнялись так крепко, что пару секунд даже казалось, что пытаются друг друга задушить.

— Медвежонок ты глупый... — пробормотал старик в густую шерсть внука. — Как же мы волновались...

Я отвернулась, чтобы смахнуть невольную слезинку, и краем глаза поймала характерный жест отца Симеона — он тоже вытер глаза, правда быстро сделал вид, что просто солнце слепит.

Разглядев в окошко, что наш охранник никого не съел, гости улыбаются и я взираю на эту возню благосклонно, во двор выбрались дети. Сначала они жались на крыльце, потом шило в пятой точке младшего сына, как обычно, раскалилось и провернулось. Правда, умный ребенок выждал, пока Лис отвлечется, и только потом с лихим воплем сиганул с крыльца и помчался обниматься третьим.

Тут уж смеялись все. Только обозленный Лисандр после бурных приветствий все же поймал юного неслуха за шиворот и оттащил за угол, за баню. Вернулись они через три минуты, вполне мирно. Только слегка притихший Шон потирал красное ухо и прятал его в воротник.

Три часа спустя мы все сидели в комнате и пили чай с гостинцами от Ваяны. Дети накинулись на сдобные пироги и пряники так, что за уши не оттащить, а я сегодня не стала их одергивать. Зимы мы не голодали, это верно. Но и разносолами не баловались. А тем более сладкими пирогами.

Мед остался только для лечения, как и сухая малина, а остальное, перетертое в муку с помощью каменных жерновов, я регулярно добавляла в хлеб, в похлебку, к мясу, да везде. Для сытости, объема и витаминов. Сушеная ягода без сахара — та еще кислятина, так что вполне заменяла нам приправы и соусы.

Вот и сейчас малышня на сдобу налегала, а мужчинам я поставила на стол кашу с мясной подливой. Интересно было наблюдать, как гости оглядываются, с каким любопытством и постепенно просыпающимся уважением оценивают порядок в доме, аккуратно выметенный пол, побеленную печь, мои кривоватые, но чистые и выстроенные на полке самодельные глиняные горшки...

— Я смотрю, веда, зачехнуть в дикости ты ни моему внуку не дала, ни деткам своим, — одобрительно прогудел старый князь. — Словно и не была когда-то изнеженной пансионеркой, которая носик морщит, если мимо на улице крестьянин пройдет, — дескать, простым духом пахнет.

— Да я и не была такой никогда, — пожала плечами. Проверяет меня, что ли? Вот старый умник, вроде комплимент делает, а с подковыркой. — Кто вам про таких пансионерок рассказал? В заведении мадам Лашенталь белоручек не воспитывают, знаете ли. В жизни женщины может случиться всякое. И в богатстве, и в бедности надо уметь себя содержать в достоинстве, это первым делом объясняют

в хорошем пансионе, с первого курса. Ну а уважать людей независимо от сословия меня жизнь научила.

Главное, не солгала ведь ни словом. И в моей первой жизни наши классные дамы об этом постоянно твердили, и здешняя Бераника о таком от своих наставниц не раз слышала. А остальному-то да... жизнь научила.

Мокрый медвежий нос поддел меня под локоть, и я, даже не глядя, привычным жестом положила ладонь на широкий меховой лоб, чуть провела пальцами между ушей. И так спокойно стало, что сама почувствовала, как губы расползаются в улыбке. Мне с ним всегда хорошо, медведь он, человек... без разницы.

Кто бы мог подумать, что моя внезапная, как в прорубь с разбега, любовь нальется плотью и объемом тогда, когда у нас с Вежем не будет даже возможности поговорить по-человечески. Не говоря уже о большем... Что можно научиться читать друг друга по малейшему выражению глаз, по движениям, по дрожанию эфира. Сердцем чувствовать и узнавать друг друга.

Веж вот, например, уже медведем узнал, как я люблю вечерами стоять на крыльце и смотреть на колючие звезды в морозном небе. И что мороженная клюква для меня лучшее лакомство. И что иногда, если выдался трудный день, мне надо тихонько поплакать, когда никто-никто не видит. Ну, кроме него... Он всегда появлялся именно в тот момент, когда нужда в одиночестве пропадала и мне хотелось, чтобы хоть кто-нибудь на свете меня обнял и просто посидел рядом.

А я поняла, что засыпается мне слаще и спокойнее всего, когда опущенная с лавки рука путается в густой шубе и чувствует его живое тепло. А еще узнала, что любимый мой упрям, как еще ни один осел в моей жизни упрям не был. И что спорить с ним совершенно бесполезно, но можно сделать жалобное лицо, устало опустить руки, и тогда большой и неуклюжий мишка сначала оббурчит меня с головы до ног недовольным голосом, а потом вздохнет и станет искать компромисс.

Мы эту зиму прожили как муж с женой больше, чем если бы просто спали вместе. И сейчас его поддержка мне была нужна как никогда.

— Бераника — медвежье счастье, — сказал вдруг старый князь, и я вздрогнула, очнувшись от своих мыслей.

— Что? — за столом даже детские шепотки стихли, все смотрели на князя, ожидая пояснения.

— Имя твое. С древневеды переводится как «медвежье счастье».

Глава 45

В моем старом мире, на Земле, эта ночь называлась по-разному. Вальпургиева ночь, Бельтайн, а у древних славян — ночь перед Живиным днем, ночь костров.

С тридцатого апреля на первое мая.

Здесь эта дата тоже была отмечена местными поверьями. Храмовые праздники с земными не совпадали — здесь Спаситель родился в другой день и Новый год отмечали не зимой, а в первый день весны.

Ну а ночь перед первым майским днем считалась ведовской. Когда сила веды полнее всего, когда природа уже проснулась, но еще полна нерастратченных сил. Когда пращуры подходят ближе всего к явному миру, чтобы посмотреть на потомков — все ли в порядке? Не нужна ли помощь?

Вот на эту дату и назначил старый князь нашу попытку вернуть Вежеславу человеческий облик. Тем более что времени осталось не так много — уже пошла третья седмица апреля, и весна разыгралась вовсю, растапливая зимнюю лесную шубу и заливая округу половодьями.

Князь Борислав остался жить с нами, на заимке, а отец Симеон регулярно навещал. И мы с детьми разок показали в селе, сходили в храм на богослужение, прошлись по ярмарке. Закупились всеми необходимыми припасами. Точнее, я только озвучивала, что нам нужно, а покупал все князь.

Я заикнулась было, что мы вполне способны обеспечить себя сами и вымениваем нужное на собственное рукоделье. Но Борислав так на меня глянул, что я мгновенно прикусила язык. И еще Веж, предатель мохнатый, деду подрыкнул-поддакнул.

А старший Агренов веско и безапелляционно заявил, что невеста его внука никогда не будет ни в чем нуждаться, как и ее дети. Если мне нравится рукодельничать — дело хорошее, могу хоть миллионами ворочать, но это деньги женские, на женские же развлечения. А кормит всех старший мужчина в семье. Это не обсуждается, и разговору конец.

С одной стороны, вроде и обидно, что всерьез мои старания не приняли, мол, женское развлечение. А с другой... спокойно так вдруг

стало. Этого словами не объяснишь. Про «каменную стену» и «мужчина отвечает за внешнюю оборону, женщина за внутреннюю» все слышали. Да только это всего лишь слова.

Мало ли я в жизни видела «защитников», которые сначала много обещают, а потом бросают в трудный момент? Мало мужиков было, кто свою женщину гнобит до уровня «твое дело сковородки», только чтобы властущку свою мелочную потешить?

И поговорки в ходу у таких гаденькие про «у бабы волос долог, да ум короток», про «не бабского ума дело», про «бей бабу молотом, будет баба золотом» и так далее. Этим гнидам не ответственность за семью нужна, а возможность свою мелкую душонку потешить, повладычить над тем, кто ему доверится.

Далеко ходить не надо — Бераникин покойный муженек из подобных гаденьшей. И как же я рада, что по всем признакам Лисандр не в отца пошел! Может, и к лучшему, что разом исчезли из нашей судьбы и папенька его тухлый, и жизнь без забот и ответственности. Теперь у парня перед глазами другой пример будет.

Настоящий.

Жаль только, что так много женщин отравлено вот этими золотоголосыми гнильцами. Доверять себя и детей, насмотревшись, как мелкие тираны над семьей куражатся, — это ли легко? Просто так в деревнях перед свадьбой принято над девкой рыдать — прощаться с вольной жизнью? Все понимают — лотерея. По-всякому повернуться может.

Выбрать сразу достойного, на девичьих-то гормонах и наивных мечтах, — просто ли? Когда ни опыта своего, ни шишек набитых, ни рентгена в голове, чтобы нутро такого петуха сразу высветить. А маменькины слова не переселят поцелуя украдкой за овином. Эх...

Мне везло. Вот везло в жизни всегда — несмотря на то, как она меня била и швыряла, мужчин давала всегда таких, за которыми действительно как за каменной стеной. И за что я природе и Богу благодарна — так это за чуйку свою, за сердце, которое всегда подсказывало правильно и ни разу не ошиблось. Ну и за мозги. Которые даже при гормональном шторме умудрялись соображать маленько и глупостей не творить.

Я всегда понимала, что это Божья милость и гордиться тут нечем. Никогда не осуждала женщин, которым не так повезло и попался в

мужья козел.

Ну вот сейчас интуиция и разум в один голос подтвердили: показывай пальчиком, что тебе надобно, и не чирикай. Мужчины все обеспечат. А рукоделье свое потом расторгнешь, любые деньги лишними не бывают, запас карман не тянет.

И все на лад у нас шло, я поверила, что еще немного — и Веж вернется ко мне уже человеком. И он сам поверил. Дети и вовсе не сомневались, а потому пользовались каждым удобным случаем потискать «мишку», пока он еще в шкуре и на нем можно покататься верхом.

Лес звенел от просыпающейся в нем жизни и словно пел на все лады: «Все будет хорошо!»

На этом фоне немного странное состояние Лисандра я пропустила. Ну дура же! Только откуда я могла знать, что он так радостно возбужден не просто потому, что весна, не просто потому, что тоже привык к Вежу — они с медведем даже уходили почти каждый день посекретничать по-мужски, гуляя дозором вокруг заимки, — не только потому, что мы все чувствовали этот прилив сил и жизни...

А ведь вообразила себя опытным педагогом, прямо психологом, чтецом человеческих душ.

Когда Лис стал вечерами уходить в одиночку «погулять», я даже не встревожилась. Во-первых, сын за прошедший с моего попадания сюда год успел показать себя взрослым ответственным парнем. Во-вторых, я и сама бы не прочь пройтись по просыпающемуся лесу, послушать его дыхание, побыть с ним наедине.

В доме и во дворе у нас все время шумно, хотя и весело. А на Лисандре младшие с недавних пор завели привычку постоянно виснуть, им было интересно с ним. Особенно Шону, который смотрел на брата с восхищением и, судя по всему, считал его эталоном мужественности. И это несмотря на то, что Лис был с мелким бескомпромиссно строг и воспитывал его всю дорогу.

Понятно же, что парню иногда хочется побыть одному.

Да мне вон самой все чаще хотелось сбежать за плетень, одной или в компании моего медведя. И нам даже не мешало, что он все еще в звериной шкуре, — посидеть на солнышке и посмотреть, как в проталинке зеленеет первая травка, можно и в обнимку с топтыгиным. До смешного — мне даже целовать его здоровенную мохнатую ряху

нравилось, за уши его таскать, зарываться пальцами в густую шерсть. Молчать рядышком...

Мы оба были уверены, что все остальное, что положено влюбленным, теперь от нас не уйдет. А раз так — чего спешить, нервничать и упускать маленькие моменты близости?

Время от времени я все равно обострившимся с весной внутренним чутьем проверяла — все ли в порядке? Где дети? Князь?

Крис и Эми почти всегда были около дома, Шон от них далеко теперь не отходил. Или прыгал вокруг Борислава — тот сразу велел всем называть его дедушкой, и дети пришли в восторг, особенно младший.

Лис гулял. По лесу, не заходя за границу моих владений. Бродил один и возвращался задумчивый и счастливый.

Глава 46

— Ну что, невестушка, сегодня и решится, — сказал Борислав, глядя, как оранжевое яблоко солнца садится за растрепанный еловый гребень старого бора. — Все готово?

Он спрашивал уже примерно пятидесятый раз, но я даже не думала раздражаться и сама с готовностью кинулась еще раз проверять. Хворост и дрова для костра, которые надо будет выложить по кругу и поджечь, дары предкам — мед, хлеб и водка в глиняном штофе. Моими руками вытканная на станке у Ваяны и моими руками сшитая рубаша для Вежеслава... ну и я сама. Все готово. Главное, не оплошать. В эту ночь, как сказал Борислав, ведам подвластно очень многое, даже настоящие чудеса. Их силы многократно возрастают. Я и сама чувствовала, как по мере приближения вечера во мне что-то меняется, как растет мое единение с миром. Казалось, что я могу владеть лесом как собственным телом и пошевелить веткой дальнего дерева как своей рукой, стоит только захотеть. А еще я стала чувствовать невидимое: потоки энергии, движение воздуха вдоль них, дыхание живого и неживого. Все это воодушевляло и вселяло уверенность — получится! Обязательно!

Время текло медленно, как бельгийский шоколадный сироп, который мне как-то привозил сын из загранкомандировки. В сумерках мы зажгли костры на поляне за оградой. Дети сегодня остались дома под присмотром Борислава, потому что во время обряда в огненном круге должны были находиться только мы с Вежеславом — веда и ее избранник.

Огненный круг потихоньку разгорался, из него уже взлетели дымом подношения предкам и окружающему лесу. Я стояла напротив Вежеслава и прислушивалась к себе, к миру вокруг, как велел Борислав. Постепенно все мои чувства обострились, я стала слышать, видеть и обонять как будто весь лес, каждое дерево, каждую травинку, каждое живое существо.

Словно неведомые тени вышли из-за темных силуэтов деревьев. Ночь звенела голосами жизни явной и неявной, медленно раскручиваясь водоворотом силы над моею головой.

Вежеслав стоял напротив меня, сначала на четырех лапах, чутко прислушиваясь и принюхиваясь, а потом с торжествующим рыком поднялся на дыбы.

Никаких слов произносить нам было не надо, никаких песен, хороводов, прыжков через воткнутый в пенек нож, как в старых сказках. Только сила, только душа к душе и ночь в пламени костра.

Водоворот силы над головой раскручивался все быстрее, я смотрела на Вежеслава и видела, как пошел волнами медвежий силуэт, как он стал медленно растворяться, растекаться в ночь, а через него проступала человеческая фигура. Все яснее, все четче. Вот я уже могу видеть его лицо, вот глаза встретились с глазами, и отсветы костра зажгли в них яркие блики.

Веж улыбнулся и шагнул ко мне, а я вся потянулась ему навстречу, чувствуя, как вибрирует и светится между нами воздух, словно его каждую секунду прошивают разряды молнии.

Наши руки уже почти соприкоснулись, и хор потусторонних голосов зазвучал крещендо. И вдруг...

Я даже не знаю, что случилось раньше — меня пронзило острым предчувствием беды, несчастья, или раздался этот выстрел.

Я закричала, и мой крик слился с бешеным звериным ревом. А выстрелы все грохотали и грохотали, словно по нам палил целый полк. Сначала я не понимала, откуда стреляют и почему не попадают, а потом...

Потом я увидела алые дорожки на густом буром мехе и то, как огромное медвежье тело вздрагивает каждый раз, когда летящая смерть в него ударяет.

И закричала снова, рванувшись вперед, чтобы удержать, закрыть собой, оттолкнуть, спасти...

Но мой мужчина мне этого не позволил. Это он закрыл меня собой. Он выметнулся из огненного круга в темноту навстречу стреляющим. Там, в невероятно сгустившейся тьме, теперь орали, ревели, грохотали... и, как черная гниль, расплзлось по лесу ощущение чего-то невероятно чужого и гадкого. Словно в здоровое тело воткнули отравленное копьё и проворачивают, а яд растекается по жилам, изъязвляя, убивая все вокруг.

Я все кричала, но не слышала своего крика, словно голос пропал. Страх и боль мешали сосредоточиться, и только невероятным усилием

воли мне удалось собраться, сузить сознание до тонкого луча, который пронзил накатывающую темноту. Я должна была понять, что происходит. Как здесь оказались враги, почему лес пустил их, почему я не почувствовала их раньше. И что это за ядовитое копье, от которого лес кричит так, словно ему нестерпимо больно.

Мне тоже было больно и очень страшно. И неизвестность отнимала силы, накрывала глухим отчаянием. Единственное, что я могла, — это не сдаваться, не отпускать сознание и рваться вслед за лучом туда, в самое сердце темноты и гнили, чтобы понять... и уничтожить!

Ну же, ну! Еще немного — и у меня получится! Просто надо отдать все без остатка, все силы, всю душу... иначе я не успею, опоздаю, потеряю... потеряю что-то более важное, чем пятую душу моего контракта.

Это понимание пришло внезапно и накрыло с головой. Врал тогда нечистый, когда мы виделись во второй раз, — договор все еще в силе, я все еще могу спасти всех. Если не пожалею себя.

Вот она, эта дрянь. Осколок какой-то кости, накрученные перья в смоле, ничтожная мелочь, гадость, которой и коснуться противно. Амулет, созданный на крови и смерти, на могильной плите, заклятый на разрушение и тлен. Но его древней силы оказалось достаточно, чтобы пробить, разрушить границу леса, да еще так, чтобы я не опознала опасность вовремя. Пока амулет не был активирован, он был для леса невидим. А когда заработал — стало поздно. И все равно. Если бы сейчас ведовская ночь не обострила мое чутье до невероятия... я бы так и не поняла, в чем опасность.

Эта дрянь оказалась зарыта под кустом, совсем недалеко от ограды. Но как она туда попала?! Неважно уже! Последним усилием воли я потянулась, впилась лучом сознания, душой, отчаянием и злостью в эту чужеродную сущность и со всей силы дернула на себя. Секунда — и у меня в руке, словно клубок хищных змей, извивается пропитанная злобой чернота. Я сжала кулак и ударила амулет о землю, разламывая в труху..

Дикий визг за гранью слышимости прокатился по лесу. Звуки боя стали громче, как будто исчезло то, что их глушило. Я почувствовала, как расправляется смятая чужим колдовством сила природы, как взвиваются потоки энергии. Тьма рассеялась, и я увидела каждого стрелка из тех, что засели на деревьях, в кустах, в схронах за зелеными

пригорками. Увидела сверху, как тогда, на пруду, когда бежала от погони. Вот они... наемники, взявшие деньги за то, чтобы убить всех, кого застанут на заимке, и потом сжечь здесь все.

Ни один не сомневался, когда брал золото за чужую смерть. Ни один не жалел... Я всмотрелась в каждого, а потом... просто пожелала им исчезнуть.

Лес словно вострепнулся, а в следующее мгновение все эти люди разом закричали, почувствовав тот самый страх, боль, отчаяние, которые они принесли сюда по собственной воле... Они кричали и кричали, пока ветки деревьев рвали их одежду и тело, пока сила леса выбрасывала их вон, не считаясь с тем, что может покалечить на лету... И в какой-то момент все они окончательно исчезли из моего леса. Без следа. Словно их и не было.

И стало тихо-тихо.

Я поняла, что лежу на земле, на границе огненного круга, у меня идет носом кровь от перенапряжения, я почти ничего не слышу и не вижу человеческими глазами, потому что они тоже залиты кровью. Но ощущаю то, что происходит вокруг, как-то иначе.

Веж... Веж! Он жив! Ему больно, он ранен, множество пуль попали в огромную мохнатую цель. Он закрыл меня собой, потому что наемники получили приказ стрелять прежде всего в меня!

Ему надо помочь... убрать злые железные осколки из тела, исцелить раны. Мне надо еще совсем немножко сил отдать. Совсем немножко... чуть-чуть... до самого доньшка.

— Бераника!

Появившийся из темноты Борислав подхватил меня на руки и бегом потащил куда-то. Кажется, в дом. Я смутно осознала, что все это время старый князь, спрятавший детей в погребе, как только началась заварушка, яростно отстреливался от нападающих, засев в доме, как в крепости. Ориентировался по вспышкам выстрелов и на звук, а также не подпускал тех, кто пытался пробежать через двор поближе. Он тоже был ранен, но не серьезно.

А вот Веж...

Ослабевшими руками я протерла глаза, потом схватилась за плечо Борислава, чтобы приподняться. Огляделась, преодолевая мутную пелену.

— Веж!

Огромный бурый медведь на дальнем краю поляны только на секунду замер. Даже оглянулся, но... в его глазах было равнодушное недоумение.

— Веж! — закричала я отчаянно, срывая голос.

Медведь медленно развернулся и ушел в чащу. Не оглядываясь.

Глава 47

Меня как оглушило. Уже, наверное, больше часа прошло, я сидела в доме на лавке, ко мне со всех сторон прижимались дети, Борислав устроился за столом, бессильно уронив голову на скрещенные руки. И только Лис стоял посреди комнаты, белый как мел. Смотрел на меня отчаянными глазами и явно пытался что-то сказать, но не мог.

Я знала, в чем он пытается признаться. Теперь знала. Когда я уничтожила колдовской амулет, лес словно очнулся от морока, наведенного этой заразой. И вздох делится теперь со мной своими переживаниями.

Ведовская ночь только началась. И мне даже не надо было делать усилие, чтобы услышать, увидеть и почувствовать все, что произошло.

Сама, дура, виновата. Разбежалась радоваться, что все хорошо, и забыла о том, что за кромкой леса остались люди, желающие нам смерти. И эти люди не дураки. У них хватало времени, чтобы изучить мои способности, у них нашелся и способ их перехитрить.

На всякую силу найдется другая. Вот и на ведовскую управа имелаась — этот самый амулет из кости убитого человека, на крови и еще какой-то гадости. И эта дрянь попала в лес не сама. Дорогу ей открыл мой старший пасынок.

Я, беспечная идиотка, шлялась по весенней травке с медведем, нет бы лучше за детьми присматривать.

Потому что Лис в это время гулял по кромке безопасного леса в компании смазливой девчонки — вроде бы сестры какого-то офицера из гарнизона. Годами, может, чуть постарше, а оттого для мальчишки еще интереснее. Как они познакомились? А девица ногу подвернула на тропе и сидела рыдала под елочкой. Красиво рыдала, так, что и губки алые припухли, и слезинки на длинных ресницах повисли, и синие глаза смотрели сквозь влагу наивно и доверчиво.

Самое страшное, что проснувшийся лес тогда ее не почувствовал. Эта девушка для него была пустым местом. И для меня, получается, тоже, ведь я время от времени по укоренившейся привычке прислушивалась к внутреннему ощущению — где там дети?

И для меня Лис гулял по лесу один.

Дураком он никогда не был. О том, что всю зиму никто чужой со злом не мог прийти в наш дом, он прекрасно помнил. И понимал, что не просто так вдруг наемники прошли спокойно к самой ограде и едва нас не поубивали.

Связать два и два сын мог. Единственный чужой человек, который побывал так близко от нашего дома, — это его новая подружка. И у нее была возможность закопать амулет под корнями любого кустика, за который она отлучилась на минутку, изобразив крайнее смущение.

— Это я виноват... — голос у подростка был совершенно убитый. — Я... я думал, вдруг вы запретите с ней встречаться, а она такая... И она боялась и просила пока не говорить вам... потому что ее будут ругать и даже накажут. Я не знал... Не подумал! Я!

У меня не было сил. Совсем. Но пришлось откуда-то их брать, чтобы встать, поймать закаменевшего в своем чувстве вины мальчишку в объятия, прижать к себе, надавить рукой на затылок, чтобы он перестал топорщиться и положил голову мне на плечо.

— Никто из нас не виноват в том, что в мире есть люди, которые убивают, — твердо сказала я сыну. — Ни один нормальный честный человек не ждет от других людей лжи, не видит в каждом коварного предателя, не ищет подвоха в дружбе. Это она пришла к тебе со злом. Это она обманула. Больно, страшно, да... но лучше пусть болит каждый раз, когда твое доверие обманывают, чем не верить в этой жизни никому. Тогда и жить незачем...

Лис замотал головой, и я почувствовала, что у него лицо стало мокрым и горячим. И прижала к себе плотнее, потому что он не хотел показывать этих слез никому, даже мне.

— Все мы одинаково расслабились. Решили, что все беды позади. И никто в этом не виноват... А теперь успокойся и послушай меня. Мне нужна твоя помощь. Прямо сейчас.

Вздрагивающие плечи сына замерли, он торопливо и как мог незаметно вытер лицо о рукав моего платья и поднял на меня вопросительный взгляд.

— Я сейчас уйду. Мне надо найти и вернуть Вежеслава, — я быстро подняла руку, не давая никому вставить и слова, хотя и сын, и Борислав вскинулись как по команде. — Даже не пытайтесь спорить. Ведова ночь еще только началась. Это мое время. Я найду его, где бы он ни был, и буду звать, пока не откликнется, потому что не могу без него

жить.

Вот так просто. Сказала — и поняла: все правда. Один раз я его почти потеряла. Второй раз не смогу.

— Лис, ты останешься за старшего, и не только на эту ночь. Возможно, надолго. Теперь с вами Борислав, он о вас позаботится, — я посмотрела на старого князя, и он только кивнул, ссутулившись и снова тяжело опираясь на стол. — Обещай мне, что будешь во всем его слушаться. Обещай, что присмотришь за сестрами и братом. Обещай мне.

Я требовательно посмотрела в лицо Лисандра, и он закусил губу, чтобы опять не разреветься, но пересилил себя и кивнул:

— Обещаю, ма... Только ты, пожалуйста, вернись!

— Я постараюсь. Я сделаю все, чтобы вернуться, — я даже не врала и действительно собиралась отдать всю себя, до капельки. Ну потому что... я хочу вернуться! Я хочу быть им всем хорошей мамой, хочу прожить эту жизнь счастливой! Я попытаюсь!

— Бера, — тихонько окликнул меня резко постаревший Борислав, выходя следом на крыльцо. — Ты понимаешь, что можешь уйти за ним сама? Он может не узнать тебя и напасть. Так тоже бывает.

— Детей ведь не бросишь? Сможешь что-то сделать с их поражением в правах, увезти отсюда и устроить их жизнь?

— Введу в род, — сумрачно кивнул старый князь. — Сделаю Лисандра наследником... а Шон, когда вырастет, попытается вернуть себе род Аддерли. Девочки выйдут замуж, дам хорошее приданое. Не беспокойся. Об этом не беспокойся. Если решила идти, если правда готова рискнуть... то за них можешь быть спокойна, веда.

— Это самое главное, — я расправила плечи, чувствуя, как часть груза исчезает с души. — Спасибо, князь.

Ведовская ночь закружилась вокруг меня запахами и звуками, лесной свежестью и тенью бегущих по небу облаков, стоило мне выйти за плетень. Было такое ощущение, словно с головы сняли пыльный мешок из толстой темной мешковины, сквозь который едва-едва угадывался окружающий мир. А теперь он вдруг засиял контрастами,дохнул в лицо миллионами оттенков свежести, взорвался тысячами шепотков.

Я стала одним целым с этим огромным миром и несколько секунд даже не могла вспомнить, кто я и зачем я здесь. Но потом что-то

потянуло меня в сторону, и вернулось осознание — Веж!

«Где ты?! — безмолвный зов полетел по лесу, перекатываясь с пригорка в ложбину, от дерева к дереву. — Вежеслав! Вернись ко мне!»

Он не ответил, зато откликнулось пространство, и меня как арканом потянуло в нужную сторону, туда, куда сейчас уходил дикий зверь, забывший, что когда-то был человеком.

Я найду. Я догоню. И позову. А если нет... значит, пойду следом. Я больше не хочу отпускать любимого. Не хочу, не могу!!!

Глава 48

Кто сказал, что не страшно? Да просто все поджилки тряслись!

Я боялась тысячи разных вещей. Боялась, что Веж ушел слишком далеко и я его не дозовусь, боялась, что дикий зверь, занявший его место, не узнает меня и нападет. Ну и что, что я веда и это моя ночь, сейчас дух Бера, дикий и ничего не помнящий, сильнее. Это ведь и его ночь.

А еще боялась за детей, за старого князя, за свою праправнучку где-то там далеко в другом мире...

Боли боялась — если зверь нападет, это будет кроваво и не так быстро, как хотелось бы, видела я людей, которых медведь задрал.

Только смерти, наверное, не боялась. Своей смерти. Но это же ни капли не героизм — подумаешь, я ведь уже умирала. У меня есть опыт и нет неизвестности впереди. Просто не страшно.

Я догоняла медленно уходящего вглубь тайги зверя. Лес по моей просьбе отвлекал медведя, но не пытался задержать его силой, просто подсовывал словно очнувшемуся после спячки голодному животному свежие побеги гусиного лука на пригорке, наводил на след раненного волками и уже почти истекшего кровью оленя.

Я чувствовала, как он становится все ближе и ближе, бежала по стелющемуся ковром влажному мху и старалась ни о чем не думать. Я его позову... а там будь что будет.

Огромная бурая тень мелькнула за оврагом неожиданно, я чуть не споткнулась и не улетела между двумя старыми елями вниз по склону. Последние метры бежала, не чуя под собой ног.

Медведь был сыт, он уже успел хорошо попировать над погибшим от волчьих клыков оленем и даже милостиво оставил недоеденное серым охотникам. И пошел дальше.

— Веж! — я обогнула неторопливо бредущего по лесу зверя и преградила ему дорогу, внутренне умирая от ужаса и надежды одновременно.

От неожиданности медведь сердито рывкнул и оскалился. Потом, видя, что я стою поперек звериной тропы, зло заревел и встал на задние лапы, нависая надо мной как огромная бурая гора, готовая в любую

секунду обрушиться смертельным камнепадом.

Я понимала, что провоцирую зверя, но знала, что только так и надо. Или пан, или пропал. Сейчас все зависит от того, сумею ли я преодолеть собственный страх, боль, смерть, сумею ли шагнуть навстречу рассвирепевшему зверю и позвать... позвать так, чтобы он услышал.

— Веж... любимый мой, единственный, желанный... вернись ко мне, пожалуйста!

Огромная лапа с острыми пятисантиметровыми когтями с быстротою молнии мелькнула перед лицом, обдав ветром и едва задев по виску. Но этого хватило, чтобы все вокруг заполнилось пряным запахом свежей крови, и я почувствовала, как горячая влажная дорожка побежала по щеке.

Но больно почему-то не было. И я, закусив губу, шагнула к зверю еще ближе. Не отводя взгляда, не допуская сомнений, оттолкнув от себя страх как что-то чужое и ненужное.

— Ну же! Веж! Ну вернись же... как я тут без тебя одна?! Не могу... Вернись... или возьми меня с собой.

Зверь снова махнул когтями, на этот раз слегка задев меня по щеке, оставил на коже горящие борозды. А потом опустил на все четыре лапы и попытался развернуться, чтобы уйти.

У меня аж слезы высохли вдруг от злости, я только сейчас поняла, что всю дорогу ревела белугой. Ах ты!

— А ну стоять! — и страх пропал куда-то разом, когда я яростно кинулась следом и вцепилась в бурю шерсть, дернув зло огрызнувшегося медведя за морду на себя. — Да хрен тебе, скотина такая! Я кому сказала?! Не отпущу!

В запале я еще и врезала ладонью по оскаленной пасти, не жалея ушибленных о клыки пальцев. — Веж! Твою мать! Очнись уже! Ну или убивай тогда, козел мохнозадый! Не смей меня бросать!

Медведь мотнул башкой с явным намерением стряхнуть назойливую моську, чтобы удобнее было прихлопнуть ее лапой. Но я вцепилась как клещ и повисла на нем всем телом.

— Ар-р-р-р! — в зверином реве было сердитое недоумение, он еще раз мотнул ушами, и... вдруг что-то изменилось.

Время замедлилось, когда я поняла, что сквозь ставшие прозрачными медвежьи глаза на меня кто-то смотрит, пристально, с легким интересом и раздражением. И это был не Вежеслав и не его

животная часть, ставшая медведем. На меня смотрел кто-то очень древний, сильный и непонятный.

— Верни его, — твердо глядя в глубину этой непостижимости, я крепче вцепилась в медвежье ухо и постаралась выпрямиться, прочно встав на ноги. — Верни! Или я от тебя не отстану, будь ты хоть древний дух, хоть звериный бог, хоть крокодил в панамке! Верни! Он мой!

И снова сердито дернула за медвежьи уши, подтаскивая его к себе, чтобы глаза в глаза.

Мне показалось или тот, что смотрел, недоуменно моргнул? Кажется, его удивили моя настырность и нахальство, а еще он не знал, как выглядит крокодил в панамке, и заинтересовался. Полез мне в память...

— А ну брысь! — я гневно вышвырнула непрошеного гостя из своей головы и потянула за шерсть.

— Р-р-ры-ы-уу, — недовольно сказал древний дух, воплотившийся в медвежьем теле. — Р-р-ра-а-а! Рах-рах-рах! — эта скотина перестала вырывать у меня свои уши, и... он смеялся! Гад такой! — Р-р-ра-а-а-а...

— Сама знаю, что хороша. Да, не отстану! Да, я тебя найду, если потребуется, даже в мире духов. Да, вот такая упрямая нахалка! Верни Вежеслава, скотина духовная!

— Р-рых, — огромный зверь кивнул и вдруг навалился на меня всей тяжестью, а его сознание надавило на мое так, что мне показалось — я сейчас разлечусь на тысячу осколков... только бы... продержаться... я смогу... Веж!!!

— Да... тебя... по... и на... через... мать!!!

И стало тихо-тихо. Медведь больше не ревел, дух Бера не хохотал и не грохотал, обрушиваясь на меня всей мощью. Только в ушах что-то тоненько звенело, и еще я подумала, что не чувствую своего тела, словно оно стало облаком и растворилось в предрассветном небе. Я все-таки умерла? Жаль...

— Э... Бера... где ты таких слов нахваталась?! — озадаченно и с претензией спросило пространство, в котором мое спокойствие таяло, как сахар в горячем чае. — Лада моя, надеюсь, при детях ты не будешь на меня так ругаться?

— Посмотрим, как ты себя вести будешь, — ворчливо ответила я и только потом вдруг сообразила, что и кому отвечаю... и резко открыла глаза.

Вежеслав сидел на поваленном дереве и держал меня на коленях, закинув мою руку себе на шею. Он был... слегка не одет. То есть, скажем так, из одежды на нем сейчас была только я, причем тоже голая. Куда делись мои вещи, честно говоря, в этот момент было наплевать, потому что я вцепилась в своего мужчину обеими руками, одновременно зарыдала и начала целовать его, как сумасшедшая, в губы, в скулы, в глаза... мои пальцы лихорадочно скользили по его гладким плечам, по налитым мышцам, по спине... потом я вдруг спохватывалась и ловила в ладони его лицо, ощущая легкую колкую небритость.

— Веж... Веж... только попробуй еще раз меня бросить!!! Еще не так обругаю!

Вежеслав засмеялся, ответил на поцелуй так, что голова закружилась и из нее разом вынесло все мысли, мягко опрокинул меня на густой лесной мох и прошептал:

— Страшная угроза, лада моя, я прямо испугался. И пробовать не стану!

Глава 49

— Надо как-то проверить, что там на заимке, и вызвать Борислава, — я положила голову на плечо мужа и тихонько вздохнула. Мы дошли до дома, когда солнышко уже далеко перевалило за полдень. Хотя меня до кончиков пальцев переполняло счастье и уверенность в том, что теперь все совершенно точно будет хорошо, тихий голосок осторожности все же сумел пробиться к затуманенному розовыми облаками мозгу. — В любом случае мы же не можем идти к детям в таком виде.

Самое интересное, что холода я не чувствовала, хотя кое-где под тяжелыми еловыми лапами еще прятался последний снег. Но самочувствие было на редкость комфортное, а еще у меня зажили все царапины от медвежьих когтей, как не было.

— Это как раз просто, лада моя, — усмехнулся Веж, который всю обратную дорогу нес меня на руках, не позволяя идти босиком по колючей лесной подстилке. Он усадил меня на пенек, выпрямился, прицельно глянул туда, где в просвете крайних елей виднелся наш забор, и вдруг заливисто, по-разбойничьи, засвистел, выводя уже знакомую мелодию.

Несколько минут было тихо, и я с проснувшейся тревогой отметила, что совсем не пахнет дымом из трубы. Конечно, ветер мог просто относить его в другую сторону, но...

Ответный свист был таким же громким, четким, и я даже различила в нем отдельные «фразы». Веж ухмыльнулся во все тридцать два зуба, снова подхватил меня на руки и зашагал к виднеющемуся среди деревьев просвету.

— Все хорошо, дети в порядке, дед ругается.

— Куда ж ты меня голую к нему потащил?! — через секунду облегчения спохватилась я. — Пусть хоть сарафан принесет из дому... и тебе передаст!

Когда на тропе показался Борислав, я целомудренно отошла за ближайшую густую ель и оттуда наблюдала, как князь обнимает внука и как светятся неверием и счастьем его глаза. А потом глава рода вдруг встревожился, чуть оттолкнул потомка и спросил:

— А где Бераника?!

Так спросил, что у меня в горле запершило от избытка чувств. С настоящей тревогой, с беспокойством. Хотя казалось бы — кто я ему?

— Здесь, дед, но... м-м-м... — Вежеслав вдруг застеснялся, хотя до этого совершенно спокойно щеголял по лесу без штанов и это его ни капли не смущало. — Ты ей платье принеси... ну или скатерть там какую, прикрыться.

— Какую еще скатерть, дурень, — возмутилась я из-за елки. — Сарафан пусть Эми даст, она знает, где что лежит... Ох, мужики. Одеяло мне принесите, бог с вами!

Борислав вдруг суетливо всплеснул руками — этот жест был совсем не похож на обычные сдержанные и выверенные движения князя — и бегом кинулся к дому. Я выглянула из-за ели, встретила глазами с мужем, и мы оба рассмеялись.

Как оказалось, ворвавшийся в комнату Борислав молча схватил с кровати охапку одеял и унесся прочь, ничего не объяснив детям, и, когда Вежеслав, опять-таки на руках, внес меня в дом, уже завернутую в три слоя ткани, там царили настоящая паника и уныние.

Шон забился в дальний угол и сжался там в комочек. Крис бестолково топталась у стола и едва сдерживала слезы, а Эми и не думала сдерживаться, рыдала, уткнувшись в колени сидящего на лавке Лисандра, а бледный, с синими кругами под глазами подросток неловко старался ее утешить.

— Это еще что за похоронный марш? — возмутилась я с ходу, покрепче затягивая узел одеяла на плече и спрыгивая с рук Вежеслава. — Безобразие какое! Почему дети голодные? Почему старший брат похож на несвежего покойника? Почему все босиком, простудиться захотели? Нельзя на полдня исчезнуть, в доме уже никакого порядка!

Я сердито выговаривала, вытаскивая из угла совершенно окоченевшего там младшего, — он, судя по всему, так всю ночь кукишем и просидел. Шон ошалело поморгал на меня, а потом взвыл в голос и вцепился в мое одеяло, как маленький коала в родной эвкалипт. Ну и в следующую секунду так же дружно завывающие дети налетели на меня со всех сторон, уже не обращая внимания на возраст и на то, что так себя вести не очень солидно для старших подростков.

— Ма-ма-а-а!

Тем же вечером, после длинного, наполненного радостью дня, мы с Лисом сидели на крыльце только вдвоем и разговаривали. Ему это было нужнее всех — хотя все и кончилось хорошо, я видела, как временами сын зависает и в глазах его вина и боль. Бедный котенок... Ужасно жалко, что по его первой хрупкой мальчишеской любви так жестоко ударили. Но я не дам этой ошибке искалечить ему жизнь, не хочу, чтобы он продолжал винить себя, и не позволю укрепиться в его голове мысли о том, что все женщины предательницы.

Разговор я начала издалека, рассказала несколько случаев из жизни, а потом перешла к тому, что больше всего волновало сына: как теперь понять, что девушка, которая ему понравится, — не обманщица, не подсыл, и вообще — подходящая?

— Ну вот смотри: Эми красивая? Не как брат смотри, а представь, что ты чужой парень, который впервые ее видит.

Лис наморщил лоб и задумался, а потом с новым интересом оглянулся на сестру:

— Красивая... — протянул он.

— А Крис? — прервала я его мысли.

— Ну... м-м-м... не такая красивая, — был вынужден признать Лисандр. И быстро поправился: — Но она очень милая!

— Это ты как брат знаешь, что она милая, ты смотри как посторонний парень. Вот впервые их двоих видишь, кто тебе больше понравится?

— Эми, — был вынужден признать Лис.

— А на самом деле с кем из них тебе легче общаться и веселее проводить время?

— С Крис, конечно! Эми тоже хорошая, но она слишком любит командовать и все время непонятно на что обижается. Я еще ничего не сказал, а она уже надулась, расплакалась и убежала! И не говорит за что! И вообще, Крис веселая и милая, и добрая, и... знаешь, я не прав был. Она красивее, чем Эми.

— Это ты так думаешь, потому что хорошо ее знаешь, — я обняла Лиса за плечи и притянула к себе. — А на первый взгляд ее веснушки и нос кнопочкой тебе бы не глянулись рядом с кукольным личиком старшей сестры. Понимаешь, в чем суть? Не смотри на фантик, смотри на то, какая конфета внутри. Эми у нас тоже умница и красавица, она повзрослеет и перестанет так часто обижаться. Но есть ведь и те, кто за

красивым личиком так и остается или вздорной девчонкой, или просто пустышкой, камнем без души и тепла. Как та девушка, которая тебя обманула. Я хочу, Лис, чтобы ты научился смотреть дальше всех этих глазок, губок и локонов. Тогда тебя никто не сможет обмануть.

— А как научиться?

— Да очень просто, — я засмеялась и дернула сына за отросшую челку. — Просто не торопись и будь внимательным. Как бы человек ни притворялся, рано или поздно он себя в каких-то мелочах выдаст. Не кидайся в омут с головой, приглядишься и подумай, вот и вся хитрость. Помнишь, мы с тобой видели глухаря на току? Так поет, так поет, так собой любуется и перед курами красуется, что не услышит, если его хищник сзади за хвост схватит. Очень часто молодые мужчины ведут себя похоже. А ты поступай наоборот — сначала понаблюдай и прислушайся. Знаешь, как говорят: лучшее лекарство от любви с первого взгляда — это посмотреть второй раз.

— Как будто это легко, — насупился сын.

— Не очень, — сказал вдруг у нас за спиной незаметно подошедший Вежеслав. Он сел рядом так, что Лисандр оказался между ним и мной, накинул нам обоим на плечи принесенное одеяло и обоих же обнял. — Ты, сын, меня послушай, я тебе расскажу мужской секрет. Вот увидел ты молодую красивую девушку, и кажется тебе, что влюбился не на жизнь, а на смерть. Возьми и представь, как она постарела, стала сначала женщиной, а потом бабушкой, с морщинами, сединой. И если тебе все равно захочется носить ее на руках, даже когда от красоты следа не останется, — значит, там кроме смазливого личика еще что-то есть. Тогда никого не слушай, бери на руки и неси.

Лис глянул на нас обоих по очереди, быстро отвел глаза и вдруг сам прижался к плечу Вежеслава, на секунду всего. Вскочил и быстро убежал в дом. Я выдохнула и нырнула под крылышко мужа, вытирая слезы об его рубашку. Так... хорошо, что плакать хочется. Боялась ведь, как старший примет моего нового мужа, он же лучше всех помнит родного отца. А теперь бояться перестала. Что бы дальше ни было — в семье у меня все будет ладно.

Глава 50

— На все Господня воля, — отец Симеон вкусно отхлебнул чай из блюдечка и взял еще один пряник. — Да только выгорело одно старостино подворье, начисто, в головешки. А у соседей даже забор не опалило. Такие дела... И постоянный двор, что дальше по дороге, знаете, у Высенок, за бержачьим логом, — тоже горел ночью. Аккурат верхний этаж, где гости остановились.

Мы с мужем и Бориславом переглянулись.

— А больше ничего необычного не произошло?

— Нет вроде, — пожал плечами отец Симеон и посмотрел на нас с хитринкой. — Гости только столичные запропали, как не было, и медвежьи следы — что возле старостиного подворья, что возле постоянного двора. Здоровенные следы-то, уж не знаю, какого размера медведь был. А только я с кругом святым пожарище обошел и на следы те святой водой брызгал — не рассеялись. Стало быть, не морокк бесовский. А против покровителей рода храм наш никогда зла не имел. Если кто настолько глуп, что навлек на себя гнев духа-покровителя, — либо пусть кается, и тогда Круг Святой ему порука, либо... — и он развел руками.

— Проклятые бумаги, — сквозь зубы выругался Вежеслав. — После всего случившегося я уже и знать не хочу, что там в них. Брата жалко, и больно по-прежнему, но раньше я отвечал только за самого себя, а теперь у меня семья. Пропади она пропадом, та земная справедливость, Бог не слепой, сам спросит с кого надо.

— А знать бы, кто в верхах нам гадит, не помешало, — вздохнул Борислав. — Сам я мстить не пошел бы, а попросил бы аудиенции у его величества. Это измена, и его касается напрямую. Князья Агреновы всегда были верны своему сюзерену и заслужили его доверие, меня бы послушали. Но с чем идти? С паленым подворьем какого-то старосты?

— Даже мысли нет, куда мой бывший муж мог эти бумаги спрятать, — вздохнула я. — Мне он не отчитывался... маменьку очень жалко. Знала бы я, что на нее навлекая, когда под венец шла... для себя я ни о чем не жалею — как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Моих детей и моего мужа ни на что не променяю... но

маменьку жалко.

— Поэтому возвращаться в столицу вам рано, — серьезно кивнул Борислав, переглянувшись с отцом Симеоном. — А вот венчаться в храме вам надо как можно быстрее. Все понимаю, вы духом рода благословленные, это самый крепкий брак. Только и людские законы никуда не делись. Как объяснить, почему мой внук вдруг объявился живой, я еще до приезда сюда обдумал — все надеялся. Скажем, что ранен был и разбойники его с собой уволокли, а того, кто трофеи остался собирать, дикие звери и погрызли. Этот идиот от жадности нацепил одежду моего внука со следами крови, вот и кинулся на него какой-то голодный хищник. А Вежеслав немного в бандитском плену оправился и сбежал — прямиком к своей невесте. Она его до конца и выходила, а теперь вот они сочетаются законным браком в храме, честь по чести.

— Это правильно, — кивнул отец Симеон. — И свидетельство о венчании я в городе потом сам заверю и в книгу храмовую впишу... как время придет. Чем дольше никто не знает, что младший князь Агреньев выжил, тем лучше. Все же беспокойно мне, что там за гнида в верхах засела, что никак не уймется, шлет и шлет супостатов. Сам-то вряд ли явится, сидит, пакостник, в столице, добропорядочную сволочь изображает. Боюсь, не оставит он вас в покое.

— Интересно, — я задумчиво переложила ягодки от варенья из чашки в блюдечко, Шон потом съест, такой сладостен — ужас. — Интересно, а в эту ночь там, в столице, ничего не горело? Духу Бера, насколько я понимаю, расстояние не помеха, ему что село, что столица — все едино.

Мужчины переглянулись — похоже, эта мысль им понравилась, хотя и вызвала некоторый скепсис. Слишком это было бы легко.

— На духа надейся, а сам не плошай, — подвел итог Борислав. — Бумаги надо искать. Бумаги. Тогда будет чем прижать эту сволочь, с чем на аудиенцию идти. Эх, сейчас ведь лучшее время для этого — наверняка супостат все силы свои сюда к ведовой ночи стянул, не армия же у него в запасе. Сейчас бы как раз с бумагами в столицу и ехать, некому будет по дороге подстеречь.

— Да где же их искать? — я со стуком поставила чашку на стол. — Вот... зараза! Ну ни одной мысли нет...

— Мама... — вдруг позвали от двери. — Мам...

Пока мы пили чай с гостем и проводили военный совет, дети должны были заниматься своими делами во дворе. Несмотря на то, что наши материальные затруднения остались далеко позади, бездельничать я все равно никому не позволяла. Просто теперь не надо было упакиваться насмерть, а еще можно было подобрать занятие поинтереснее, чем монотонная заготовка дров или трепание еловой шерсти.

Так что дети были при деле, но я даже не удивилась, поняв, что как минимум старший подслушивает под дверью. Сама такая была в его возрасте.

Бледный, с закушенной губой, Лисандр решительно прошел к столу и посмотрел по очереди на меня и на Вежеслава. У него был вид как у решившего броситься с обрыва в пропасть героя-повстанца — отчаянный и обреченный.

— Я поклялся отцу, что никому и никогда не открою этот секрет... и не отдам... именем рода поклялся! Я не мог, понимаете?! — с болью в голосе выпалил подросток. — Ну не мог... раньше... а теперь... я не знаю... вы — моя семья! — он зажмурился на секунду, но тут же открыл глаза и упрямо тряхнул головой. — Пусть я буду клятвопреступником без чести и духи рода меня покарают. Пусть... только я скажу.

— Стоп! — я вскочила и зажала сыну рот ладонью. Клятва рода, черт его знает, чем грозит нарушение, я как-то не хочу шутить подобными вещами после того, как сама пообщалась с Бером. — Молчи! Не говори ничего! Мы придумаем, как все узнать без этой жертвы, понял? Понял?!

Я притянула к себе мальчишку, чувствуя, что его буквально колотит от напряжения.

— Ш-ш-ш-ш-ш... сынок, тихо, успокойся... мы здесь, мы рядом. Ты молодец, ты умница и не предатель. Просто доверься нам, и все будет хорошо, — шептала я подростку, наглаживая его по голове и плечам, обнимая и прижимая к себе. — Ты всегда можешь нам доверять, можешь любую беду рассказать, мы вместе придумаем, как тебе помочь. И сейчас придумаем. Не надо никаких клятв нарушать, подожди немного и отдышись, а потом мы во всем разберемся не торопясь.

Через полчаса, когда мне удалось успокоить сына, мы теперь

впятером уселись за стол и, велев парню молчать и только кивать или отрицательно мотать головой в ответ на вопросы, стали досконально выяснять текст клятвы. Это оказалось не то чтобы просто, но и не запредельно сложно.

В какой-то момент я едва не рассмеялась от облегчения:

— Господи, ну это ж надо было столько сложностей наворотить, когда вопрос решается легче легкого! Лис, ты клялся никогда ни под каким видом не раскрывать тайну никому, кто не является по крови членом рода Аддерли. Я не подхожу, но остальные-то дети! Не надо нам больше ничего выяснять и мучить парня, сейчас он пойдет и спокойно расскажет все, что необходимо, сестрам и брату. А уже они, поскольку никаких клятв не давали, перескажут все нам!

Лис посмотрел на меня круглыми глазами, и было видно, как его взяла досада: сам, дурак, не додумался до такого простого решения. Потом он вскочил и умчался на улицу, а еще через секунду на его крик сбежались остальные дети, которых он, косясь на открытое окно, торжественно увел в другой конец двора, за курятник.

— Я так понимаю, вынимать из тайника бумаги и отдавать посторонним клятва тоже запрещает, а вот своим нет, — заметил Борислав, подходя к окну и становясь рядом со мной. — Вот пострелята, смотри, лопату тащат, втихую, чтоб мы не заметили. Хотят клад сами откопать, а нас уже результатом удивить.

Я встревожилась было, а потом поняла, что Лис не увел бы детей далеко от дома, он в последнее время стал вдвойне осторожен и строг. Значит, бумаги закопаны где-то поблизости. Ну а что... лес вокруг дома — он и есть лес, где угодно под корнями вырой яму, и без точного знания места вовек не найдут.

На всякий случай я прикрыла глаза и сосредоточилась на внутреннем зрении. После ведовской ночи это стало получаться в разы проще. Теперь я с легкостью отследила, куда пошли дети, чем они там заняты и не угрожает ли им опасность.

— Бегут, — констатировала я еще через полчаса. — Сейчас будут.

И точно, раскрасневшиеся девчонки во главе с Шоном ворвались в комнату через минуту. Лис предусмотрительно остался во дворе, чтобы даже не видеть, как зашитый в плотную ткань ларец торжественно водружают на стол. Вежеслав слегка подрагивающими от волнения руками вспорол шов.

Бумаг в ларце оказалось немного — несколько писем, пухлая тетрадь и еще один лист плотной желтоватой бумаги. Список из двадцати фамилий, подписавшихся под текстом клятвы.

— Ох и не хре... кхм... ничего себе! — воскликнул Вежеслав, бросив взгляд на первую фамилию в списке. — Ах ты ж с-с-с-с... сковородка ржавая!

Глава 51

Борислав долгим взглядом смотрел на первую фамилию в списке. Князь Кжиждаш Шаронский. Хм? Мне это имя ни о чем не говорит, но судя по изменившимся лицам всех мужчин — это важно.

Борислав резко выдохнул и горестно прикрыл лицо рукой, потер глаза, словно от сильной усталости.

— Вот так вот, — сказал он чуть изменившимся голосом. — В дом к нам приходил, вырос у меня на глазах... Сколько раз я ваши общие на троих проказы покрывал... В последний раз его видел, когда он явился соболезнования твоим родителям выразить. Плакал... Жижек-Жижек, внук старого друга. Господин действительный тайный советник, блестящую карьеру сделал...

Борислав положил лист с фамилиями на стол и тяжело оперся кулаками на потемневшие от времени доски.

— Отговаривал меня ехать. Мол, испросит себе отпуск и сам... для друга.

— Неисповедимы пути земные, и нет у круга ни начала, ни конца, но всегда есть итог, — грустно, но решительно прервал его отец Симеон, пока я обнимала потерянного какого-то Вежеслава. — Зато теперь мы знаем, что делать и кто наш враг. Венчание пока отложим. Сделаем вот что...

— ...Он ведь, сволочь, лучшим другом брата притворялся, а потом моим, — тихо и зло рассказывал мне Веж поздним вечером, когда взбудораженные дети разошлись по кроватям, а Борислав и отец Симеон вообще отправились в село. — И вроде как не был в том студенческом кружке, он за границей учился. Даже при мне пару раз брата отговаривал демонстративно и призывал слушать родителей... Ну какой гад! А я идиот... я же с ним всю дорогу советовался, во всех своих шагах! И про поездку сюда, и свои подозрения насчет Аддерли все выложил, про бумаги, наивный простофиля. Думал, он так же, как я, из-за брата переживает, любил его как друга и тоже хочет отомстить... а он, подлюка, все время на шаг впереди был и все мои доводы заранее наизнанку перед нужными людьми выворачивал, получается, делал из

меня полоумного мальчишку, который свихнулся на почве мести и сам не знает, что несет. А я все понять не мог, ну почему — почему?! — меня никто не слушает?!

Он зло ударил кулаком по перилам, да так, что они жалобно хрустнули. Веж спохватился и посмотрел на меня виновато, спрятав руки за спину. Я только молча шагнула к нему вплотную и прижалась всем телом, приникла, обняла.

— Ничего, любимый. Сколько веревочке ни виться, а конец все одно будет. Этот твой князь Шаронский, судя по остальному списку и дневнику Аддерли, замазан так, что теперь не отвертится, даже высочайшее покровительство не спасет. Борислав с отцом Симеоном хорошо придумали — скроем пока, что ты жив. Он вернется в столицу «убитый горем» и объявит траур. Расскажет заодно, что и мы все тут сгорели, — некому ведь доложить заказчику о неудаче, Бер позаботился. А сам старый князь задействует все свои связи и добьется личной аудиенции. Князь успеет передать доказательства в самые надежные руки — самому государю. И тогда...

— Там еще посольства эти иностранные замешаны, — вздохнул Вежеслав. — Змеиное кубло! Гадко как, не представляешь... Опытные циничные сволочи, чтобы нагадить стране-конкуренту вот так просто ломают судьбы наивным мальчишкам, у которых еще мозгов на мизинец, а жажды справедливости и гонора — до небес. За это отдельно давить надо, гнид!

Я только грустно кивнула. Да, так всегда было и будет. Ни одна революция в мире не произошла без активной помощи «лучших друзей» из-за границы. И любых пламенных молодых реформаторов всегда дергают за ниточки из тени старые прожженные циники...

— Сыновьям все расскажу в подробностях, — решительно заявил Веж, прижимая меня к себе покрепче и укладывая голову мне на плечо. — Ничего не скрою. Они должны знать, должны за версту такое де... такое видеть и чувствовать.

— Да и девочкам надо объяснить, — я кивнула, буквально купаясь в теплых объятиях мужа. Вроде ничего еще не кончилось, вроде и разговор такой тяжелый, а мне хорошо... спокойно так, и кажется, что пока он меня обнимает — я защищена от всего на свете.

— Девчонкам-то зачем? — не понял Веж, но меня обхватил еще крепче и поцеловал в шею. — Тебе не кажется, что для их нежных натур

и девичьего сознания это будет... м-м-м... Ой! За что?!

— Еще раз заикнешься про девичье сознание и женские мозги, до крови укушу! — свирепо пообещала я, а потом отодвинула ворот его рубашки и поцеловала место укуса, почувствовав губами тепло и гладкость его кожи. С некоторым трудом собрала собственные мысли, норовившие всем скопом ломануться куда-то не туда, и продолжила:

— Меня это ваше оберегание «нежной девичьей натуры» от правды жизни привело замуж за эгоистичного подонка. Хороший же результат. А когда опомнилась и эту самую правду собственными глазами разглядела — поздно было. Мои дочери не будут такими наивными дурами. А потом, ты зря думаешь, что их нельзя будет увлечь революционными идеями. Поверь, из благородных девиц тоже вполне получаются бунтарки и террористки. Особенно из романтических, тепличного воспитания натур, жаждущих принести себя в жертву все равно кому, но ради всеобщего счастья.

Вежеслав на секунду задумался, а потом его, бедного, аж передернуло:

— Господи, воля твоя. Как представил, дурно стало. И ведь прямо сейчас эти с-с-су...хари плесневелые таких же мальчишек и девчонок обрабатывают. Сколько еще жизней поломанных! И ничем не поможешь. Меня просто корежит от злости!

— Всех мы защитить не можем, — я вздохнула и снова поцеловала мужа, отвлекая от горьких мыслей. — Зато мы можем уберечь себя и своих детей. Знаешь, как говорят? Делай на своем месте, что должен, а там уж что будет, то будет.

Вежеслав явно хотел еще что-то сказать, но я не дала, заткнув ему рот очередным поцелуем. А потом и вовсе скользнула ладонями ему под рубашку, погладила по спине, спустилась к пояснице и ниже...

— Кхм! — муж дернулся и посмотрел на меня возбужденным, но слегка ошарашенным взглядом. — Бера... а ты развратница, оказывается!

— Еще скажи, что ты этим недоволен, — мурлыкнула я, распуская завязки на своей рубахе так, чтобы она соскользнула с одного плеча. — Князь, вас никогда не любили на сеновале? Не хотите попробовать?

Глава 52

Вежеслав Агренов:

Все, что со мной случилось, — это самая настоящая сказка, местами страшная, местами волшебная. Из разряда древних легенд о прародителях. Такие читают затаившим дыхание мальчишкам перед сном родители. И лет до десяти в них даже верится, зато потом...

Если бы это произошло не со мной — я первый бы посмеялся над занятой выдумкой. Любовь с первого взгляда? Женщина с силой и душой настоящей веды? Гибель отважного витязя от рук супостатов и чудесное спасение, дух рода и отважная, готовая на все ради него красавица, которая дважды вернула любимого из нави в явь?

Красивая сказочка, но совершенно неправдоподобная.

Наверное, поэтому дед был уверен, что в нашу придумку про мое ранение, плен и побег все поверят. Это уж точно покажется людям правдивее, чем то, что случилось на самом деле. Вот он я, живой объявлюсь, расскажу простую историю без всякого волшебства, и все выдохнут с облегчением. А то, что слухи будут ходить про мистику, возвращение из мертвых и месть Бера, — да и пусть себе. Даже лучше — чем больше будут шептаться, тем нелепее подробностей накрутят вокруг и совсем похоронят правду под глупыми выдумками и страшилками.

Но пока до этого далеко. Пока мы решили — даже в село ни ногой, пусть все думают, что заимка сгорела и никто не выжил. Отец Симеон подтвердит, а дед наденет траур и будет изображать окончательно разбитого горем старика и поедет в столицу. И бумаги он с собой не повезет, их отец Симеон по своим секретным каналам отправит чуть погодя.

Ну а лада моя временно перекроет дорогу к нашему дому вообще для всех. В лес деревенские пусть ходят, а вот тропу к заимке на найдут — лес закрутит, заморочит и обратно к околице выведет.

Ничего, запасов нам хватит, Бера прикинула, поразмыслила и уверенно заявила, что до самой осени ни в чем нужды не будет. Тем более в ее лесу, где она хозяйка и владычица.

Все как-то быстро неслось, события сыпались одно за другим, и

мне некогда было оглянуться, задуматься. А тут вдруг наступило вынужденное затишье. Дом, дети, жена, хозяйство... Да никогда в жизни не мечтал о таком, я, князь и офицер!

Но... мне дрова рубить даже понравилось. А после медвежьего облика в лесу я чувствовал себя как дома.

Я здесь на своем месте. Я здесь вдруг стал счастлив так, как не был даже в самом раннем детстве, когда мир вокруг был все сплошь из радостей и неопасных приключений.

Я, оказывается, люблю детей, вот диво-то. А раньше мне всегда казалось, что все наоборот. Кто бы мог подумать, что мне понравится с ними беседовать, по лесу гулять, дурачиться, воспитывать, объяснять, учить... С учителем-то для них опять не сложилось.

Хотя Бера, в своем вечном желании всех обогреть и накормить, еще до ведовой ночи успела сбегать в казарму, где этому несчастному дурню, тоже попавшемуся на сладкую сказку о всеобщей справедливости, выделили каморку. Так вот, лада моя сбегала, пришла в ужас, обнаружив вместо студента почти скелет, и мигом договорилась с бабами на селе, что откормят бедолагу, смотреть же больно.

Так она все повернула ловко, что справные и не слишком склонные к сентиментальности и пустой благотворительности захребтовые хозяйки вдруг как прозрели — ведь и правда пацан еще совсем, дурачок городской, неприспособленный. Погибает, душа несчастная, а людям-то и невдомек. Грех-то какой!

Как уж там жена с бабами согласовывала и высчитывала, насколько от доброй души парня подкормят, а насколько за плату, — я даже не лез узнавать. Бера, не слушая тихих и испуганных возражений мальчишки, успела уже оттащить ему и пальто, и боты войлочные, и рубаху со штанами, и исподнее даже. За зиму, оказывается, все приготовили для учителя. Вот и осчастливили совершенно ошарашенного такой внезапной щедростью ссыльного студента. Не задаром, как она успокоила бедолагу, — а за те самые уроки, которые все же намерена была с него получить.

Ну и вот опять не срослось. Да и бог с ним, сам подготовлю и старшего, и младшего в гимназию. Я за зиму насмотрелся, как Бера хитро уроки в игру превращает, и аж загорелся сам так попробовать.

Пока я стоял вот эдак на крыльце, глядя вдаль возвышенно умудренным взглядом, жена подобралась и обняла со спины,

прижавшись щекой между лопаток. Мне сразу все умные мысли-то из головы и вымело. Аж задохнулся от двух самых сильных чувств — от почти невыносимой нежности и просто дикого возбуждения. Да как же она... это... делает?!

Я не мальчик, у меня женщины были, разные! И умелые, опытные, и неловкие, почти невинные. Но ни одна с ней не сравнится! Столько в ней... простоты, искренней любви и интереса ко мне, к моему телу... я не знаю! Не понимаю, как получается, что моя жена делает немыслимо развратные, казалось бы, вещи, оставаясь при этом чистой и невинной. Эта ее улыбка... глаза... руки... грудь... Я с ума сойду! Черт, о чем я еще думаю?! Где дети? Заняты? Отлично!

— Лада моя, а ты не убрала те одеяла с сена? Нет? Великолепно!

И я резко развернулся, схватил взвизгнувшую от неожиданности жену на руки, а потом рванул знакомой дорогой. Бегом!

* * *

Вот так мы и жили в своем лесном царстве. Раз в три дня жена отца Симеона, матушка Ваяна, ходила в лес погулять и встречалась со мной, или с Берой, или с нами обоими. Весточки передавала, новости.

В селе о сгоревшей заимке и ее хозяйке искренне горевали. Даже неудобно стало как-то, что мы обманываем столько хороших людей. Но... куда деваться?

И то, что дороги на пепелище теперь не найти, люди приняли как-то... как само собой разумеющееся. Не зря же в ту самую ночь еще кое-кто без следа погорел — видать, отомстила лесная хозяйка за свой дом. Мол, и нечего туда шастать, плохое теперь там место, и раз закрылось — значит, надо так. По лесу гулять не мешает, цветы-ягоды собирать можно? Ну и быть по сему.

Но слухи, конечно, из села поползли в большой мир один другого жутче. Отец Симеон между тем давно уже написал донесение своему начальству, где все изложил языком сухих фактов. Точнее, два донесения двум начальствам. В синод, канцелярские чернильные души успокоить, и настоящему начальству, в Орден.

Отец Симеон не простой священник оказался, не зря ему дед так доверял. Но подробностей ни один, ни другой не рассказывали и велели

даже не расспрашивать.

Да и бог с ним. Главное, по своим каналам отче узнавал и нам сообщал, что дед доехал в столицу нормально, хотя на постоялом дворе дня за два до окончания пути кто-то явно рылся в его багаже. Вот где порадуешься, что бумаги не с ним были. Так вот, добрался он успешно, хотя и изображал из себя глубокого старика, разбитого горем.

Дом Агреновых официально объявил траур. А глава рода стал испрашивать аудиенции у его величества, чтобы распорядиться судьбой фамилии, у которой не осталось наследников. Дескать, то ли бастарда неизвестного решил признать, то ли родственника дальнего... Слухи в свете разные пошли, но никого не встревожили.

Когда Ваяна принесла эти вести, мы с женой поняли, что счет пошел на дни, а то и на часы. Вот где жуть — сидеть и ждать и не иметь возможности ничего сделать. Если бы я был один — рехнулся бы, как пить дать. Но вдвоем было легче...

За обновленным плетнем заимки уже вовсю цвел щедрый на звездопады и пряные ветры август, когда Ваяна пришла на встречу не одна, а с отцом Симеоном, и шли они, не скрываясь, как обычно, а чуть ли не торжественным храмовым ходом.

Мы встретили их на поляне неподалеку от дома, и Бера от волнения сжала мою руку, вглядываясь в лица гостей. Ну что? Ну как там?!

— Венчаться вам повелеваю через седмицу, дети мои, — первым делом прогудел отче, остановившись в двух шагах перед нами. — Нечего больше тянуть. Пора тебе вернуться в явь, медвежий наследник, хватит в глуши отсиживаться!

— Значит... все получилось?! — неверящим шепотом первая переспросила Бераника, бессильно прислоняясь к моему плечу. — Значит...

— Государь видел бумаги, — торжественно кивнул отец Симеон. — И меры принял. Всех, конечно, не взяли, самые скользкие из заграничных успели хвост унести, да это мелочи. Самое ядовитое гнездо выжгли! И все благодаря вам. Так что быть вам при награде и личной благодарности от государя, князь и княгиня Агреновы. А пасынку вашему, Лисандру Аддерли, за то, что бумаги сберег и передал кому надо, высочайшим повелением возвращено потомственное дворянство и право наследовать род и графский титул Аддерли. А равно же и другие дети в правах восстановлены!

У меня закружилась голова, рядом тихо охнула жена. А матушка Ваяна из-за спины мужа радостно улыбнулась нам обоим и добавила:

— От як то добры люди за правду встают, так и Господь наш кривды не попустит никогда! От и справно, от и любо разрешилося. От так правильна жинка за мужа да диточек своих и должна стоять: не одну душу спасла, не две — пятерых!

Бера рядом со мной вдруг засмеялась каким-то немного нервным смехом и... упала без чувств.

Эпилог

Бераника:

Я огляделась. Вокруг темно, тихо и пусто. Только туман и больше ничего.

— Эй! — серые клубы всколыхнулись от моего сердитого окрика. — Сволочь нечистая! Какого... хрена?! А ну верни откуда взял!

— Да я так и собирался, — раздался обиженный голос за спиной. — Чего орать-то? Подумаешь, выполнила договор, теперь хамить можно? Сама ты нечистая.

Я резко обернулась и прищурилась.

— Ах ты... наглая, хитрая медвежья морда! Думаешь, я не догадалась? Верни меня к мужу!

— Догадливая какая, куда бы деться, — наморщил нос здоровенный мужик с медвежьей головой. — К мужу ее, смотри. Насчет мужа уговора не было. Я пять душ просил — взамен твоей праправнучки. Получите и распишитесь.

И он ткнул в меня обычной бумажной папкой с тряпичными завязками, на которой была нечетко пропечатана надпись: «Дело №».

— Верни, — я твердо стояла на своем, помня прежний опыт. — Иначе, клянусь, как только умрет старушечье тело, в виде духа найду тебя где бы ты ни был и вовек не отстану, так и буду следом ходить и ругаться.

— Страшная женщина! — почему-то восхитился Бер и демонстративно захлопнул папку с таким треском, что она рассыпалась в пыль.

Я головой помотала, пытаюсь разогнать этот фантасмагорический бред. Потом выдохнула и сказала сама себе мысленно:

«Спокойно, девочка, не паникуй, ругаться все равно бесполезно. Надо попробовать договориться».

— О, смотри, пришла в себя, — насмешливо обрадовался Бер. — Я уж думал, опять будешь крокодилами непотребными пугать или за уши таскать примеришься, полоумная. — Ладно... спросить чего хочешь? Да я и сам расскажу. Мой последний медвежонок должен был погибнуть в этой глуши, когда бедная девочка попыталась бы схватиться за его

помощь. Пообещала бы ему бумаги графа. Обманула бы она его, и этот обман привел бы к гибели и его, и ее, и детей. Спасти моего последнего медвежонка в одиночку не получалось, пришлось звать на помощь прародителей Аддерли, а они те еще козлы. Кельтские. Затребовали, чтоб и их потомков сохранили и в род вернули. Только на таких условиях помогли пробить канал в другой мир и позвать сильную душу. Вот мы тебя и позвали. Не ошиблись, справилась. Правда, обманул я тебя маленько, — тут дух засмутился, а я нахмурилась. — Праправнучку твою я сразу вылечил, что ж я, зверь, дитя мучить?.. Оплатил твою попытку авансом, или как там у вас говорят? Ну а тебя страдал, чтобы трудилась усерднее.

— И что теперь? — тихо спросила я после непродолжительного молчания. — Я справилась и больше не нужна? Могу возвращаться в свой мир и доживать сколько осталось?

— А это как хочешь, — медвежьи глазки хитро прищурились. — Можешь и в свой мир вернуться, только вот доживать там дольше одного дня, уж прости, не выйдет. Только-только если дела закончить. А потом вернешься к мужу, нечего беременной женщине непонятно где долго шастать.

Я не успела даже осознать, что этот медведеголовый паразит такое ляпнул, серый туман закрутился вокруг меня воронкой и рассеялся. Голова резко закружилась, пришлось схватиться за окрашенную салатовой масляной краской стену и постоять немного с закрытыми глазами.

А потом я их открыла... и выругалась шепотом, помянув самый страшный пятиэтажный загиб времен ссылки.

Больница. Знакомая и одновременно позабытая легкая ломота в суставах и привычная старческая дальноркость. Запах лекарств, хлорки и горя. Кажется, я вышла из палаты подышать...

— Бабуля! Бабуля! — из полузабытья меня выдернул отчаянный крик правнучки, и я, как могла быстро, кинулась на голос.

Моя девочка сидела у постели своего ребенка и рыдала, растерянно тиская в руках какие-то бумажки, а из палаты мне навстречу как-то торопливо выскочил заведующий отделением и еще какие-то двое в белых халатах.

— Настюш? — я бросилась к правнучке, не помня себя. — Что случилось?!

— Ба... они сказали... что таких чудес не бывает... а значит, диагноз был ошибочный! А судороги у малышки были из-за легкого пищевого отравления, так бывает... и... я не понимаю ничего, ба... это значит... значит... Ника здорова? Все закончилось, да? Все хорошо?!

Настя смотрела на меня с дикой надеждой и затаенным ужасом, словно только я могла подтвердить или опровергнуть невероятные слова, напечатанные в мятых бумажках.

— Бабуля?!

— Все хорошо, дорогая, — я без сил опустилась на кровать рядом с моими девочками и обняла Настю. — Все отлично теперь будет! Лучше всех! Лучше всех! — и я засмеялась сквозь слезы, целуя Настино зареванное лицо.

Я все разом вспомнила. Другой мир, договор, детей, Вежеслава... И поняла, что у меня осталось мало времени, но достаточно, чтобы закончить свои земные дела.

И первым делом забрать своих девочек из больницы. Присмотреть, чтоб слизняка этого — бывшего зятя — и близко не было. Сыновей проинструктировать, чтоб проследили, к нотариусу успеть. Ох, сколько дел!

Но дел радостных. Да, я понимала, что моя смерть огорчит родных, но дети все давно выросли, у всех свои семьи, и вместе мы дружный... да, самый настоящий клан. Настюша одна не останется, Ника здорова — это главное. Все у них будет хорошо.

Тем же вечером, уже у себя в загородном доме, посидев за одним столом со всеми слетевшимися на зов детьми и внуками, я осмотрелась вокруг, замечая привычные мелочи, теплые и памятные, и улыбнулась.

— Бабуль, ты смотришь, будто прощаешься, — заметила вдруг сидевшая рядом со мной Настя. Она все еще была бледновата после пережитого, под глазами залегли тени, но это делало донюшку только еще красивее. Я не без удовольствия вспомнила, как на нее при выписке смотрели молодые ординаторы в больнице. Будет у Настюши и муж нормальный, и семья. Обожглась она на гаденыше, ну так в нашем роду никто дважды одну ошибку не делает. Сумеет еще правильно выбрать себе мужчину.

Я снова улыбнулась и своим мыслям, и правнучке одновременно:

— Да засиделась я чего-то на одном месте, зажила. Пора и в путь.

— Бабуль, ну ты чего?! — встревожилась правнучка.

— Да ничего, донюшка. А вот только ты меня послушай и запомни. Смерти нет, я это теперь знаю верно. Мы просто встаем и идем дальше. Туда, где интереснее, нужнее и радостнее. А потому и плакать тут незачем и бояться нечего, разве что скучать можно немного по дорогому человеку. Но в меру! Потому что еще обязательно встретимся...

Поздно вечером, когда семья осталась внизу за столом — дети все никак не могли наговориться, давно мы так всем кланом не собирались, — я тихонечко поднялась к себе на мансарду, не торопясь приняла душ, оделась во все чистое, достала новое платье, тапочки, косынку, положила возле кровати и прилегла.

Сон слетел с потолка легко, как перышко. Только закрыла глаза — и серый перламутровый туман закрутил, унес меня вдаль, как маленькую лодку по волнам. До свидания, детки. До свидания.

— Бера! Бера! Лада моя, да что с тобой?! Отче, что делать-то?! В уезд! К доктору!

Я почувствовала, как меня схватили на руки и уже было потащили куда-то. Встрепенулась и открыла глаза:

— Веж! Стой, полоумный! Все нормально со мной!

— Да где ж нормально! — раскричался перепуганный муж, продолжая тискать меня. — Упала как мертвая и даже не дышала! Круг святой, Бера, я чуть сам не умер, не смей меня так пугать!

— Веж, ну что за паника, не дышала, скажешь тоже, — я сделала невинно-хитрое лицо. — Просто немного переволновалась. В моем положении бывает такая реакция на сильное волнение, это нормально.

— Чего тут нормального? Какое еще положе...

Веж замер с открытым ртом, глядя на меня неверящими глазами. А я вспомнила слова бесстыжего духа Бера и улыбнулась мужу счастливой улыбкой, под одобрительный смех отца Симеона и матушки Ваяны.

— От то дило, — радостно захлопала в ладоши жена священника. — От то правильно! Диты — это счастье!

— Обвенчаю вас завтра же, — решительно постановил отче. — И не спорьте.

И тут, наконец, разморозился ошарашенный новостью Вежеслав. Он вдруг захохотал, закружил меня на руках по поляне, что-то ликующе

вопя, а потом едва не налетел на священника:

— Не завтра! Сегодня! Сейчас! И сразу в город! В столицу! К лучшим врачам! Специалистам!

— Эй, а меня ты спросил? — немного возмутилась я. — Хочу ли я в ту столицу?

— Родишь ребенка, и вернемся сюда, если захочешь! — решительно заявил мой слегка успокоившийся муж, даже и не подумавший отпустить меня с рук. — Выкупим хоть все Захребетье, отстроим усадьбу, заведем хозяйство — все, что душа твоя пожелает! Теперь все будет, как ты хочешь, родная!